

Т В О Р Е Н І Я
ТЕРТУЛЛІАНА,

ХРИСТИАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ

ВЪ КОНЦѢ ВТОРАГО И ВЪ НАЧАЛѢ ТРЕТЬЯГО ВѢКА.

Переводъ Е. Карнеева.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1850.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С. Петербургъ, Мая 27 дня 1849 года.

Цензоръ *Архимандритъ Левакушъ.*

ВЪ ТИПОГРАФИИ МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

ТВОРЕНІЯ

ТЕРТУЛІАНЪ.

СТАТЬЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ (*).

Противъ Маркіона (**).

Тертуліанъ прежде всего чисто и ясно утверждаетъ единство Бога на незыблемыхъ основаніяхъ.

Великій, единственный споръ, насъ раздѣляющій (кн. 1. гл. 3), относится къ единству Бога. Ересь, мечтая, что ей по примѣру живописи и поэзіи все

(*) Писана въ 207 году по Р. Х.

(**) Главное заблужденіе *Маркіона* состояло въ томъ, что онъ вмѣсто единого Бога полагалъ два верховныхъ существа, и что истинный Богъ только благъ, и не судитъ никого. *Тертуліанъ* опроверженіе свое противъ него передѣлывалъ троекратно, и наконецъ обнародовалъ его въ пяти обширныхъ частяхъ, которыя на Русскомъ языкѣ могли бы составить почти еще два тома. Во избѣжаніе подробностей, въ настоящее время едва ли не излишнихъ, я призналъ достаточнымъ представить здѣсь читателю краткій очеркъ сего творенія, составленный однимъ любителемъ древнихъ писателей. *Перев.*

позволено, рѣшилась и дерзнула тому прекословить. Но истина Христіанская поучаетъ насъ, что существуетъ одинъ только Богъ, и что Его бы не существовало, если бы Онъ не былъ одинъ. Приличіе бы было для Него совсѣмъ не быть, нежели существовать недостойнымъ величію Его образомъ. Сколько человѣческая слабость можетъ опредѣлить Бога, сообразуясь съ врожденнымъ всѣмъ намъ понятіемъ, Богъ есть верховное существо, пребывающее отъ вѣчности, не рожденное, не сотворенное, не имѣющее ни начала ни конца, превыше всего по сущности Своей, по Своимъ качествамъ, по Своему могуществу. Имѣть о Богѣ другое понятіе, значитъ не вѣдать Его, значитъ Его отрицать, значитъ отнимать у Него то, что составляетъ Его существенно. Но какимъ образомъ можетъ Онъ быть верховнымъ существомъ, когда имѣетъ кого либо равнаго Себѣ, и если имѣетъ равнаго, то существуетъ ли дѣйствительно другое верховное существо? Два верховныхъ существа не могутъ существовать вмѣстѣ именно потому, что сущность верховнаго существа не имѣетъ ничего Себѣ равнаго, и что преимущество не имѣть равнаго себѣ принадлежитъ и приличествуется только одному. Верховное существо по необходимости должно исключать и затмѣвать всякое другое независимое существо, усгнать всякаго соперника, какого бы кто ни вздумалъ съ Нимъ сравнивать, по той самой причинѣ, что Оно есть верховное существо, и что другое существо, какъ бы великимъ кто его ни полагалъ, не можетъ уже быть верховнымъ. Стало быть Богъ существенно одинъ, и если бы не былъ одинъ, то не могъ бы и существовать. Такъ опредѣляетъ Христіанская истина.

«Почему (гл. 4) не могли бы существовать два «верховныхъ существа подобно двумъ царямъ, изъ ко-

«*торыхъ каждый есть владыка въ своемъ государ-
ствѣ?*» — Кто такъ спрашиваетъ, тотъ не вѣдаетъ,
что съ Богомъ ничего и никого сравнивать нельзя.
Цари не только не выдержать тутъ сравненія, но дол-
жны исчезнуть, если сблизить ихъ съ Богомъ. Мно-
гіе цари могутъ царствовать въ одно время потому,
что никто изъ нихъ не верховное существо, и каждый
можетъ имѣть не только равнаго, но и высшаго себя.

Напротивъ того (гл. 5) Богъ, какъ верховное су-
щество, не терпитъ ни соперника ни товарища. Онъ
долженъ быть одинъ; а иначе, пріемля двухъ боговъ,
можно допустить и большее ихъ число. Тогда не бу-
детъ уже причины полагать имъ и границъ. Причи-
на, препятствующая умноженію боговъ, въ томъ толь-
ко и состоитъ, что Богъ, будучи верховнымъ суще-
ствомъ, не имѣетъ Себѣ равнаго; и слѣдовательно та-
кой Богъ, съ которымъ сравниваешь ты кого либо
другаго, не верховное существо. А иначе почему не
быть и множеству равныхъ Ему боговъ?

Относительно мечтаній *Маркіона* (гл. 26 и 27), ко-
торый лишаетъ Бога правосудія и строгости, и пре-
«доставляетъ Ему только кротость и благодѣ, и при-
«томъ кротость и благодѣ, никогда не истощающіяся,
«ничѣмъ не возмущаемая, такъ что Онъ ни за что
«не гнѣвается, никого не наказываетъ, не судить, не
«осуждаетъ:» относительно, говорю, сихъ мечтаній мож-
но бы было только спросить *Маркіона*, какимъ об-
разомъ этотъ мнимый Богъ въ состояніи удерживать
все въ порядкѣ и обуздывать зло? Вотще будетъ Онъ
издавать законы, когда никто ихъ не хранитъ; вот-
ще станетъ запрещать творить преступленія, когда
тотъ, кто ихъ дѣлаетъ, остается безъ наказанія. Да
и почему лучше совѣмъ ихъ не дозволить? По край-
ней мѣрѣ тогда не бросалось бы въ глаза столь яв-

ное противорѣчіе. Не наказывать преступленія, значитъ безгласно его позволять. — «Онъ однакожъ его «запрещаетъ.»—Стало быть запрещаетъ Онъ то, чего бы не хотѣлъ видѣть. Но можетъ ли Онъ видѣть то, чего не хочетъ, не огорчившись тѣмъ? Огорчиться тѣмъ, не прогнѣвавшись на то? Прогнѣваться на то, не оказавъ за то мщенія? Мщеніе есть плодъ гнѣва, гнѣвъ чадо огорченія, огорченіе источникъ презрѣнной воли. Въ противномъ случаѣ благодѣяніе Его была бы слабость, Его любовь къ порядку мечта, законы безъ силы, преступленіе вѣдъ опасности. Вы говорите, что Богъ вашъ не мститъ. Стало быть Онъ не гнѣвается, не огорчается, когда люди дѣйствуютъ противъ Его воли? Злодѣяніе совершается, не причиняя оскорбленія волѣ Его: стало быть оно не противъ Его воли?

«Но Богъ, говорите вы, не судить: производить «судъ не прилично Его величію.» — Вы ошибаетесь. Ничто такъ не можетъ неприлично быть величію Его, какъ предоставлять повелѣнія свои явному небреженію, и несоблюденію. Онъ обязанъ поддерживать Свою власть, заставляя Себѣ повиноваться, обязанъ ненавидѣть зло: Ему неприлично не то, чтобы наказывать зло, но чтобы поощрять его посредствомъ ненаказанности. Вы сами себѣ грубо противорѣчите. Богъ, не желая зла, по собственному уже мнѣнію вашему, его судить и запрещаетъ, запрещая осуждаетъ, осуждая долженъ по необходимости его наказывать.— «Онъ, говорите вы, его запрещаетъ и осуждаетъ; но «вмѣстѣ съ тѣмъ и допускаетъ его по кротости и «безстрастію.» Стало быть Онъ разрѣшаетъ его, оставляя безъ наказанія.

Можно утвердительно сказать, что Богъ не совершенно благъ, если не ненавидитъ зла. Но самой

любви Своей къ добру, Онъ долженъ чувствовать къ злу омерзѣніе. Онъ охраняетъ добродѣтель не иначе, какъ истребляя порокъ. Напротивъ того благость, приписываемая вами Богу, есть благость такъ сказать нечѣтная, несправедливая, неразумительная, мечтательная, которая могла бы имѣть весьма пагубныя послѣдствія, если бы дѣйствительно существовала.

Внемлите, грѣшники! Пусть будетъ Богъ вашъ такимъ, какимъ вамъ угодно Его имѣть, отъ котораго можно вамъ не страшиться ни ада, ни казней, ни точащаго червя, ни пожирающаго пламени. Онъ запрещаетъ безпорядокъ, но только одними словами: Онъ не божѣ, какъ только благъ, Онъ хочетъ быть только любимымъ, никогда не вселяетъ страха. Хотя Онъ и Отецъ и Господь; но не предоставляетъ Себѣ никакого надъ вами права: отъ васъ зависитъ повиноваться Ему или не повиноваться.—О чемъ же тутъ думать, когда имѣть причины бояться правосудія Его? За чѣмъ вамъ не удовлетворять себя во всемъ, не давать свободнаго къ себѣ доступа всѣмъ вашимъ склонностямъ, всѣмъ страстямъ вашимъ? За чѣмъ, когда язычники принуждаютъ васъ принести жертву идоламъ, не приступить вамъ тотчасъ къ жертвеннику, и не воскурить фиміама въ честь ихъ? — «Сохрани Богъ, отвѣчаете вы.»—Стало бытъ вы боптаете грѣшны, сами признаете Бога, котораго боптаете, Бога, который запрещаетъ грѣхъ и мститъ за него.

Долгъ и польза человѣка (кн. 2. гл. 2) состоятъ въ томъ, чтобъ обожать Бога, но не судить Его; заслуживать Его любовь, бояться Его строгости, но не изслѣдовать гвореній Его. Нѣтъ людей дерзновеннѣе и безумнѣе, какъ надмѣнные судіи, осмѣливающіеся говорить, что Богъ не такъ долженъ бы былъ поступать, а иначе, какъ будто бы могъ человѣкъ

провидѣть намѣренія Божіи, которыя извѣстны одному только Богу.

Исаія по духу пророчества давно предвидѣлъ подобныхъ судей, и, чтобы привести ихъ въ замѣшательство, восклицаетъ: «кто уразумѣе умъ Господень, и кто совѣтникъ Ему бысть (Ис. XL. 13)?» Апостолъ также говоритъ: «о глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко неиспытани судове Его, и не изслѣдовани пути Его (Римл. XI. 33).»

Людьми-ли считать себя проникательнѣе и справедливѣе Бога? Какъ мудрость человѣческая есть безуміе предъ Богомъ, такъ мудрость Божія кажется людямъ безуміемъ. Но мы вѣдаемъ, что безуміе Божіе несравненно мудрѣе мудрости человѣческой, и что слабость Божія несравненно сильнѣе силы человѣческой. Богъ никогда не бываетъ такъ великъ и такъ благъ, какъ когда кажется людямъ умаленнымъ. Этотъ-то духъ міра и эта-то мнимая и слѣпая мудрость въ отношеніи къ дѣламъ Божиимъ, вселяетъ въ людей дерзость изслѣдовать и порицать дѣла Божіи. Будучи дѣтьми Адама, мы наслѣдовали отъ него тотъ духъ гордости и непокорства, который заставилъ его осудить и нарушить запрещеніе, данное ему отъ его Создателя и Благодѣтеля. Но мы далеко его превзошли въ семъ случаѣ. Адамъ не умѣлъ порочить твореній Божіихъ, не умѣлъ богохульствовать. Онъ сознался, что былъ соблазненъ, и тотчасъ объявилъ свою соблазнительницу. Онъ не говорилъ Богу подобно своимъ потомкамъ: «Ты сотворилъ меня не премудро.» Адамъ былъ только ученикъ-новичекъ въ безбожіи.

«Если Богъ благъ, говоритъ *Маркіонъ* (гл. 5 и 6), «если вѣдаетъ будущее, если Онъ всемогущъ: то какъ могло произойти, что человѣкъ, сотворенный по об-

«разу и подобію Его, былъ соблазненъ діаволомъ и «заслужилъ смерть, нарушивъ законъ Его? Если Онъ «благъ, то долженъ-бы былъ желать, чтобъ того не «случилось; если Онъ вѣдаетъ будущее, то могъ бы «предвидѣть, что случится; если Онъ всемогущъ, то «могъ бы тому воспрепятствовать. А какъ грѣхъ со- «вершился: то надобно полагать, что въ Богѣ не «доставало или благодати, или предвѣдѣнія, или мо- «гущества.»

Я извлеку доводъ мой изъ самыхъ твореній Бо- жіихъ, отвѣтствуетъ *Тертуліанъ*: это лучший изъ всѣхъ возможныхъ доводовъ. Какъ творенія Божія составляютъ вселенную, обилующую благами и исполненную чудесъ: то эта вселенная, будучи произведена изъ ничего, неоспоримо доказываетъ могущество Создателя, благодать Его и самое Его предвѣдѣ- ніе, у котораго столько-же порукъ, сколько есть Пророковъ. Созидая и устрояя различныя части все- ленной, Богъ конечно предвидѣлъ послѣдствія, прои- зойти имѣющія, и Онъ не могъ иначе приступить къ дѣлу, какъ ихъ предвидя. Онъ безъ всякаго сомнѣ- нія предвидѣлъ ослушаніе прародигелей нашихъ, по- тому что восхотѣлъ поставить тому какъ-бы прегра- дою страхъ смерти. Такимъ образомъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя приписать грѣха какому-либо недо- статку совершенствъ Божіихъ. Слѣдовательно причину грѣха надлежитъ искать въ естествѣ и составѣ чело- вѣка.

Богъ сотворилъ челоуѣка по подобію Своему, и это подобіе проявляется наиболѣе въ томъ, что чело- вѣкъ созданъ свободнымъ и властелиномъ своей воли. Данное Богомъ первому челоуѣку запрещеніе и угро- за смерти, въ случаѣ неповиновенія, доказываютъ, что челоуѣкъ воленъ былъ повиноваться или ослушаться.

Законы, въ послѣдствіи издаанные Господомъ, изволеніе Его предложить человѣку добро и зло, жизнь и смерть, Его увѣщанія, равно какъ и угрозы: все это явно свидѣтельствуесть, что человѣкъ рожденъ со свободою исполнить законъ, или нарушить его. Стало быть зло приписать должно свободной волѣ человека.

«Но, возражаютъ *Маркіониты* (гл. 7 и 8): какъ «скоро даръ свободной воли долженствовалъ быть «столь пагубенъ для человѣка: то Богу не слѣдовало «бы давать его.»—Я напротивъ того утверждаю, что этотъ то даръ и есть дѣйствіе премудрости и благодати Божіей. Богъ долженствовалъ быть познанъ. Надлежало, чтобы существовали такіа творенія, которыя бы были способны и достойны познать Его. Кто-же того достойнѣе, какъ не существо, сотворенное Самимъ Богомъ по Его образу и подобію? Какъ Богъ свободенъ, такъ и образъ Его долженствовалъ быть свободнымъ; но такъ какъ образъ не можетъ сравниться съ совершенствомъ Божественнаго своего Оригиналa, и есть не иное что, какъ вдуновеніе Божіе, а не сущность Его: то онъ по необходимости долженъ былъ имѣть въ чемъ либо недостатокъ; онъ способенъ былъ употребить во зло свою свободу, словомъ сказать, онъ былъ не безгрѣшенъ потому что не былъ Богъ. Человѣкъ, сотворенный для того, чтобы быть властелиномъ вселенной, долженствовалъ быть прежде всего властелиномъ самаго себя. Одинъ Богъ благъ по естеству: по естеству и по сущности Своей Онъ есть то, что есть. Напротивъ того человекъ, не имѣетъ въ себѣ ничего, чего бы не получилъ. Онъ добръ, или благъ потому только, что Создатель его, Виновникъ всякаго блага, сотворилъ его такимъ. Чтобы доброта, или благодать, сдѣлалась его

собственность, чтобы обратилась она ему какъ бы въ природу, и чтобъ онъ заслужилъ ее въ полной мѣрѣ, надлежало самому ему, по собственной своей волѣ, избрать добро и отвергнуть зло. Безъ этой свободы, будучи слабъ противу зла, и увлекаясь однимъ добромъ, онъ не былъ бы ни добродѣтельнымъ ни преступнымъ, онъ былъ бы только низкимъ рабомъ порока или добродѣтели, недостойнымъ ни награды ни наказанія: неодолимая нужда сдѣлала бы тутъ все, а воля ни въ чемъ бы не участвовала. Богъ преподаетъ ему законы, Богъ его предувѣдомляетъ, что судить не будетъ. Эти законы, этотъ судъ необходимо предполагаютъ въ человѣкѣ способность рѣшиться свободно на добро или зло, рѣшиться повиноваться закону, или ослушаться его; а иначе законы эти были бы нелѣпы, судъ этотъ былъ бы несправедливъ.

Мы видѣли, что благодѣтельность и премудрость Божія соединились между собою, чтобы сотворить человѣка свободнымъ: этого должно быть для насъ достаточно. Мы не должны соблазняться ни послѣдствіями, ни злоупотребленіями сей свободы, которыя бывають иногда противны намѣреніямъ Божиимъ, и должны приписаны быть одному только человѣку. Благодѣтельность Бога, котораго всѣ творенія неминусомъ добры, не могла произвести ничего злаго: человѣкъ долженъ во всемъ самъ себя винить и осуждать. Кто дѣлаетъ упреки въ чемъ-либо Создателю, тотъ видно разсуждалъ недостаточно о намѣреніяхъ Божіихъ и о естествѣ человѣка.

Изъ всего того, что здѣсь сказано, видно, что въ Богѣ все содержится; благодѣтельность, премудрость, предвѣдѣніе и могущество. Богъ твердъ и неизмѣненъ въ Своихъ намѣреніяхъ. Даровавъ однажды человѣку свободную волю, Онъ долженъ былъ предоставить

ему пользоваться ею. Ни Его предвѣдѣніе, которое могло предвидѣть злоупотребленіе, ни Его могущество, которое могло предупредить его, не должно было быть препятствіемъ сей волѣ; а иначе Онъ бы измѣнялъ и уничтожилъ твореніе Своей премудрости и благодати.

Положимъ, что бы предвѣдѣніе и могущество Его воспрепятствовали злоупотребленію и слѣдовательно исполненію человѣческой воли, чтобъ Онъ удалилъ *Адама* отъ пагубнаго древа, чтобы прогналъ змѣя искушителя, когда онъ приступилъ къ Евѣ: какіе упреки за то имѣлъ бы ты право Ему сдѣлать? Ты упрекнулъ бы Его въ слабости, измѣнчивости, непостоянствѣ, недостаткѣ предвѣдѣнія. Если Онъ даровалъ свободную волю: то зачѣмъ ей потомъ противиться? Если надлежало ей противиться: то зачѣмъ даровать ее? Человѣкъ одинъ виновецъ, преступивъ данный ему законъ. Закоподавецъ не долженъ былъ ни отмѣнять его, ни опровергать установленнаго имъ порядка.

Все, что могъ-бы ты сказать противъ Создателя, противъ Его непостоянства, противъ противленія Его Самому Себѣ,—обрати лучше въ защищеніе Его, въ ограду Его твердости, вѣрности и могущества, озаряемыхъ премудростію и благодію Его. Будучи недоволенъ тѣмъ, что даровалъ жизнь человѣку, Онъ повелѣлъ еще ему жить дебропорядочно, сообразуясь съ Его закономъ. Будучи далекъ отъ того, чтобы сотворить его для смерти, Онъ его воззвалъ къ жизни: Онъ не хочетъ смерти грѣшника, но обращенія его. Онъ даровалъ человѣку жизнь, а человѣкъ причинилъ самъ себѣ смерть: это произошло ни по слабости, ни по невѣдѣнію его, и тутъ ни въ чемъ нельзя винить Бога;—нельзя винить Его ни въ грѣхѣ по-

тому, что Богъ его запретилъ, осудилъ, наказалъ и изгладилъ, и человѣкъ оказался одинъ преступнымъ въ злоупотребленіи своей свободы; ни въ смерти, потому что Богъ угрожалъ ему ею для того, чтобъ онъ предохранилъ себя отъ нея, и человѣкъ заслужилъ ее добровольнымъ своимъ послушаніемъ. Никогда Богъ не подвергъ-бы человѣка игу закона, еслибы не далъ ему силы переносить его. Никогда не угрожалъ-бы казнию ни какому преступнику, если бы преступленіе могло быть извинено. *Адамъ*, образъ и подобіе Божіе, не былъ ниже своего противника, возмущившагося и павшаго Ангела. Потому-то, обладая тою же самою свободою, которая заставила *Адама* согрѣшить, человѣкъ въ состояніи ежедневно торжествовать надъ врагомъ своего спасенія и исполнять Божественные законы. Какая слава для человѣка побѣдить своего побѣдителя!—«Но стало быть этотъ возмущившійся духъ-искуситель есть твореніе Божіе?»—Правда, что Богъ сотворилъ его, но сотворилъ сіяющимъ славою, облеченнымъ правдою и святостію. Онъ самъ развратился, самъ унижилъ себя преступнымъ злоупотребленіемъ своей свободы. Богъ сотворялъ его Ангеломъ: онъ содѣлалъ себя демономъ. Такимъ образомъ неоспоримо доказано, что всякое добро происходитъ отъ Создателя, а всякое зло отъ свободной твари, возмущающейся противъ Творца своего.

Маркіониты говорятъ (гл. XI): «до паденія человѣка, Богъ показывалъ Себя только благимъ; потомъ явилъ Себя строгимъ и даже жестокимъ судіею. Тогда жена осуждена была родить въ болѣзняхъ и быть во власти мужа, жена, которая прежде дана была ему вмѣсто подруги, и которая слышала съ радостію, какъ Творецъ благословилъ ихъ обоихъ, сказавъ имъ: *«раститесь и множитесь.»* Земля

«была проклята, бывъ прежде благословенна; она «наполняется терніемъ и волчцами, производя преж-
«де одиѣ только полезныя растѣнія и пріятныя
«плоды. Человѣкъ принужденнымъ нашелся ѣсть хлѣбъ
«яъ потѣ лица своего, а прежде пользовался всѣми
«плодами райскаго вертограда. Человѣкъ осужденъ
«обратиться въ землю, изъ которой взять, и подвер-
«гнуться смерти, будучи предназначенъ жить вѣчно.
«Онъ покрывается кожанною одеждою, а прежде хо-
«дилъ нагой, и не примѣчалъ того. Словомъ сказать,
«благость Божія предшествовала, происходя изъ Его
«сущности. За тѣмъ послѣдовала строгость.»

Ты можешь, сколько хочешь, оспаривать въ Богѣ качество судіи, выдумавъ себѣ такого Бога, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ кротости и благодати. Но этотъ призракъ Бога есть существо слабое, превратное и ничтожное, которое издаетъ законы и устанавливаетъ порядокъ, будучи не въ состояніи ни ихъ поддерживать, ни отмстить за нарушеніе ихъ, потому что онъ не судья. Ты дерзаешь порочить Бога, какъ судію; стало быть ты долженъ боготворить неправду, которая становится благомъ, какъ скоро правда есть зло. Но когда ты принужденъ сознаться, что неправда есть зло, и зло весьма великое: то долженъ признать и то, что правда есть весьма великое благо. Противуположныя качества необходимо приличествуютъ порокамъ и добродѣтелямъ, совершенно противоположнымъ между собою.

Правда не только весьма достохвальна, и слѣдовательно есть родъ благодати; но служитъ оградою и свѣтильникомъ для благодати. Благодать перестаетъ быть благодатию, когда правда перестаетъ ее сопровождать и ея руководствовать. Ничто несправедливое не можетъ быть

добромъ, а все справедливое неизбѣжно бываетъ добромъ.

Если благость (гл. XII.) неразлучна съ правдою: то мечта о Богѣ, единственно благомъ, равно какъ и о Богѣ, единственно правосудномъ, уничтожается сама собою. Благость и правосудіе Бога одинаково сіяютъ во всѣхъ Его твореніяхъ. Впрочемъ правосудіе Божіе не происходитъ единственно отъ неправды человека. Богъ не могъ не имѣть правосудія и прежде человека: всѣ совершенства въ немъ существенныя и вѣчныя. Но со времени содѣяннаго человекомъ грѣха, Божественное правосудіе получило особенныя обязанности.

Съ тѣхъ поръ какъ зло вошло въ міръ (гл. XIII.) и какъ благость Божія была оскорблена, правосудіе Его стало управлять Его благостію. Оно предоставило благость достойнымъ, отказало въ ней недостойнымъ, отняло ее у неблагодарныхъ, и отмстило за нее врагамъ ея. Оно судитъ, осуждаетъ, наказываетъ: суды его, казни его, внушаемый ими страхъ, служатъ уздою своеволія, поощреніемъ добродѣтели. Какъ ни похвальна добродѣтель сама по себѣ, но она не можетъ ни пріобрѣтать, ни сохранять себѣ многихъ приверженцевъ, когда есть возможность удалиться отъ нея безнаказанно. Противъ толикихъ сѣтей на пути добродѣтели, противъ толикихъ престестей зла, страхъ къ судамъ Божиимъ имѣетъ сильное вліяніе на характеры, наиболѣе противящіеся добру, наиболѣе склонные ко злу. Путь порока есть путь пространный, и во всѣ времена паиначе учащаемый; но не былъ ли бы онъ еще увлекательнѣе, если бы люди увѣрены были, что не должно бояться по немъ ходить? Правосудный Богъ изрекаетъ ужаснѣйшія угрозы, которыя едва достаточны къ тому, чтобы поселить въ насъ робость, что-

бы спасти нашу невинность. Что же бы было, когда бы сохранялось вѣчное молчаніе? Думаешь ли ты, что правосудіе Божіе есть зло, когда оно столь сильно противится злу? Станешь ли ты отвергать, что оно есть добро, тогда какъ одно оно производитъ его? Не уже ли захотѣлъ бы ты имѣть такого Бога, который льстилъ бы страстямъ, благопріятствовалъ злодѣянію, или терпѣлъ его? Сталъ ли бы ты называть благимъ такого Бога, который допустилъ бы всѣхъ людей быть злыми посредствомъ увѣренности остаться безнаказанными?

Благой Богъ неизбѣжно есть такой Богъ, который требуетъ добра, и его узаконяетъ. Богъ есть врагъ беззаконія; если же Онъ врагъ его, то Онъ его преслѣдуетъ и наказываетъ. Во всемъ семъ нѣтъ ничего противнаго благодати Бога, потому что Онъ долженъ быть таковымъ единственно для нашего блага.

Онъ истинно всемогущъ въ иждрахъ нашей вѣры: всемогущъ въ наградахъ, всемогущъ въ наказаніяхъ. Ты лишаешь Его части Его всемогущества, когда приписываешь ему власть творить только добро. Я не могу даже ожидать съ увѣренностію награды отъ Него, если ты утверждаешь, что Онъ не можетъ ничего дѣлать, какъ только награждать. Наказаніе преступленія должно всегда слѣдовать за наградою добродѣтели: кто не можетъ перваго производить, тотъ не можетъ исполнять и послѣдней. Понятіе о правосудіи заключается существенно въ понятіи о божествѣ.

Богъ есть вмѣстѣ и Отецъ и Господь: Отецъ по Своему милосердію, Господь по закону Своему; Отецъ по благодѣтельному Своему могуществу, Господь по Своему превосходному могуществу. Какъ Отецъ, Онъ безконечно благолюбивъ, какъ Господь, Онъ безконечно страшенъ: благолюбивъ потому, что предпочитаетъ

милость жертвѣ, страшенъ потому, что не терпитъ грѣха; благолюбивъ потому, что желаетъ раскаянія грѣшника, а не смерти его; страшенъ потому, что не прощаетъ нераскаянному грѣшнику. Посему-то законъ и говоритъ совокупно: *возлюби Бога и бойся Его*: первая заповѣдь относится къ вѣрующему, вторая къ преступнику.

Тотъ же Богъ (гл. XIV.) есть все для всѣхъ: Онъ поражаетъ и исцѣляетъ, даетъ смерть и возвращаетъ жизнь, смиряетъ и прославляетъ, творитъ зло и приноситъ миръ. «Но симъ самымъ поводомъ еретикъ и «пользуется для упрека насъ въ томъ, что Богъ нашъ, «какъ Самъ о Себѣ говоритъ, есть виновникъ зла.» Надобно только разобрать двусмысліе слова зла, и затрудненіе исчезнетъ.

Есть два рода зла: зло, составляющее преступленіе, и зло, которое есть наказаніе за преступленіе. Мы тщательно отличаемъ эти два столь различные роды зла, между тѣмъ какъ противники наши находятъ свою выгоду въ томъ, чтобъ ихъ смѣшивать. Зло-преступленіе имѣетъ отцемъ своимъ діавола; виновникомъ-же зла наказанія есть Богъ. Первое есть плодъ нечестія, второе есть дѣйствіе правосудія Бога, наказывающаго преступное зло посредствомъ правосуднаго зла.

Богъ именуетъ Себя виновникомъ послѣдняго зла, ниспосылаемаго Судією-Мстителемъ. Это дѣйствительное зло въ отношеніи къ злымъ людямъ, его претерпѣвающимъ, и признающимъ истинное благо за зло: въ самомъ же дѣлѣ оно въ нихъ составляетъ благо, потому что бываетъ всегда справедливо, мститъ за добродѣтель и наказываетъ пороки; а слѣдовательно и достойно величія Божія.

Если вы это отрицаете, то докажите, что зло сіе

несправедливо; докажите, что человекъ, преступающій, нарушающій Божественный законъ, наказывается несправедливо; что безпорядки и пераскаянность людей низвели несправедливо съ неба и воды потопа и пожирающій пламень; что Египеть, предавался самымъ постыднымъ и преступнымъ суетвѣямъ, обожая своихъ крокодиловъ и презирая истиннаго Бога, угнѣтая жестоко народъ Божій, несправедливо былъ пораженъ десятию знаменитыми язвами. — Относительно же того, что Богъ часто наказывалъ собственный свой народъ, то это потому, что народъ былъ неблагодаренъ и возмущался противъ Него.

Словомъ сказать, чтобы осудить Бога-Судію и Мстителя преступленій и неправды, надлежитъ оправдать и возвеличить самыя преступленія и неправду.

Разсмотрите (гл. XV.) поступки верховнаго Судіи. Докажите, если можете, что Онъ несправедливъ и что наказывалъ преступленія, которыя не существовали. Въ противномъ случаѣ, какъ скоро суды Его и наказанія справедливы: то строгость Его и послѣдствія ея гнѣвъ и ревность, именуемые вами жестокостію, равномерно справедливы и достойны хвалы. Вы не осуждаете хирурга, не осуждаете инструментовъ, какими онъ пользуется, чтобы рѣзать и прижигать, и безъ которыхъ онъ не можетъ исполнять своего искусства. Вы можете осуждать его только тогда, какъ онъ станетъ рѣзать и прижигать некстати и безъ нужды. Примѣните это самое къ судамъ Божиимъ.

Мы учились въ школѣ Пророковъ и Іисуса-Христа, а не въ школѣ *Эпикура* и другихъ философовъ. Посему-то мы весьма далеки отъ той мысли, будто бы Божество не имѣетъ никакого попеченія о дѣлахъ человеческихъ.

«Еретики говорятъ намъ: если въ Богѣ есть гнѣвъ

«и ревность, и если Онъ мститъ, то Онъ слѣдовательно измѣнивъ, подверженъ тлѣнію и смертенъ.»— Умствованія эти нисколько не устрашаютъ Христіанъ, вѣрующихъ во единого Бога, вѣчно живущаго. По какое безуміе судить о Богѣ по человѣку, и приписывать Божеству наши страсти и слабости? Не должно ошибаться на счетъ подобія именъ. Между чувствами Божіими и человѣческими такое-же различіе, какъ между ихъ естествомъ. Посему-то Богу приписываютъ глаза, руки, уши, хотя въ Богѣ ничего нѣтъ подобнаго. Стоитъ только вспомнить, что Богъ есть Творецъ людей, дабы удалить отъ Него все то, что относится къ несовершенству и смертности человѣка. Богъ конечно имѣетъ всѣ добрыя качества человѣка; но въ такомъ соотношеніи, какое прилично совершенному и вѣчному Существу, безъ всякаго тревоженія, измѣненія, искаженія. Въ такомъ соотношеніи гнѣвъ, негодованіе и ревность Его, воспаляются противъ неблагодарныхъ, гордыхъ и всѣхъ злыхъ людей. Въ такомъ же соотношеніи Онъ бываетъ сострадателемъ къ слабымъ, терпѣливъ къ грѣшникамъ, великодушенъ къ добрымъ, справедливъ ко всѣмъ.

«Маркіониты (гл. XVII) не хотятъ признать въ «одномъ и томъ-же Богѣ вмѣстѣ съ верховнымъ правосудіемъ той всеобщей благодати, которая *дождитъ на добрыхъ и злыхъ и сіяетъ солнце свое на праведныхъ и неправедныхъ* (Матв. V. 45).» Вотще Маркіонъ хотѣлъ исключить и изгладить изъ Евангелія это свидѣтельство Христова о Богѣ Создателѣ. Но пусть прежде изгладитъ онъ его изъ всей вселенной, гдѣ оно всюду начертано; пусть изгладитъ его изъ сердца каждаго изъ насъ, гдѣ мы его непрерывно читаемъ. Это самое долготерпѣніе Божіе, *Маркіономъ*

отвергаемое, ожидаетъ его, и нѣкогда будетъ его судить. Сколько примѣровъ долготерпѣнія и милосердія Божія представляютъ намъ всѣ Священные Книги!

Древній законъ (гл. XVIII), на который вы нападаете съ такимъ остервененіемъ, и который считаете твореніемъ злаго начала, исполненъ правилъ правды, чести, скромности, благодати и благотворительности. Не говорите, чтобъ онъ заимствовалъ что-либо изъ законовъ человѣческихъ. Прежде *Ликурга* и *Солона* существовалъ *Моисей*, существовалъ Богъ, виновникъ сего закона. Въ законѣ семъ всѣ обязанности, всѣ добродѣтели предписаны, всѣ злодѣянія воспрещены. *«Не убій, не прелюбоудѣйствуй, не послушествоуй на друга твоего свидѣтельства ложна, не пожелай ничего вопреки правдѣ и цѣломудрію, возлюби ближняго своего какъ самаго себя. Въ седьмое лѣто отпустиши раба твоего туне, оставленіе сотвориши земли твоей въ пользу бѣднаго (Исх. XX. 13–17).»* Самыя животныя не были забыты, собственно не ради ихъ, но ради пріученія сердецъ нашихъ къ кротости и состраданію въ отношеніи къ ближнимъ. Я не кончилъ бы, еслибъ рѣшился привести здѣсь всѣ правила, всѣ предписанія закона на счетъ благотворительности и любви къ ближнему. Посему-то и Иисусъ-Христосъ сказалъ, что *весь законъ и пророки висятъ въ сію обою (Мате. XXII. 40):* т. е. въ любви къ Богу и въ любви къ ближнему.

Но я долженъ (гл. XVIII), оправдать законъ въ тѣхъ статьяхъ, на которыя еретики наиболѣе нападаютъ. Законъ возмездія *«око за око, зубъ за зубъ»* изданъ не для того, чтобъ воздавать зло за зло, но чтобы предупреждать и укрощать насилие посредствомъ страха. Какъ убѣдить грубый и неѣрующій

народъ, чтобъ онъ выжидалъ мщенія отъ Господа, по слову Апостола: *«Милъ отмщеніе, Азъ воздамъ»* (Евр. X. 30).» Позволенное второе оскорбленіе долженствовало служить преградою для перваго. Ничто такъ не страшно для зачинщика, ничто такъ не способно его воздержать, какъ увѣренность въ томъ, что съ нимъ поступлено будетъ такимъ же образомъ, какъ и онъ поступилъ.

Не должно (гл. XVI) противопоставить древняго закона новому. Цѣль и духъ обоихъ законовъ одни и тѣже въ отношеніи къ прощенію обидъ. Иисусъ-Христосъ, воспрещая совершенно мщеніе и говоря: *аще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. V. 39), не повелѣлъ ничего противнаго древнему закону. Въ семъ послѣднемъ не сказано ли: *остави обиду искреннему твоему* (Прем. Сир. XXVIII. 2)? Также: *злости кійждо брата своего да не помнитъ въ сердцахъ своихъ* (Зах. VII. 10). Если законъ запрещаетъ даже помнить обиду, то тѣмъ паче запрещаетъ мщеніе. Впрочемъ законъ, руководствующій всякаго рода людей, которыхъ характеръ и вѣра не одинаковы, долженствовалъ изъясняться разнообразно. Онъ успокоивалъ религіознаго Израильянина, заставляя его ждать мщенія отъ Господа; онъ устрашалъ невѣрующаго Іудея, предъявляя ему мщеніе человѣческое, готовое пасть на него. Словомъ сказать, возмездіе было позволено для того, чтобы воздерживать тѣхъ, которыхъ не могла воздерживать вѣра въ Бога-мстителя. Тотъ и другой законъ воспрещаетъ мщеніе по той причинѣ, что Богъ предоставилъ его Самому Себѣ; а иначе терпѣніе обиженнаго превратилось-бы въ отчаяніе, и поощрило бы злаго человѣка оскорблять другихъ безъ всякаго стра-

ха (*). Если-бы Богъ Самъ не мстилъ, то позволилъ-бы намъ мщеніе; а какъ Онъ не позволилъ его, то стало-быть Самъ будетъ за насъ мстить.

Если законъ запрещаетъ употребленіе нѣкоторыхъ мяса (кн. II. гл. XVIII), если онъ объявляетъ печныими нѣкоторыхъ животныхъ, хотя онѣ и были благословлены при сотвореніи міра: то намѣреніе Его состояло въ томъ, чтобъ испытать умѣренность и обуздать обжорство, сожалѣвшее *объ огурцахъ и дыняхъ* Египетскихъ, тогда какъ люди питались *Ангельскимъ хлѣбомъ*. Онъ хотѣлъ предупредить неумѣренность и своевольство, обыкновенныя слѣдствія невожденія; хотѣлъ отчасти потушить жажду къ золоту, отъема я поводъ искать обогащенія для изысканной и пышной трапезы; хотѣлъ заставить человека поститься для Бога и довольствоваться обыкновенною пищею.

Что касается до множества церемоній и жертвоприношеній; то Богъ даетъ ясно разумѣть во многихъ мѣстахъ, какъ Онъ о нихъ думаетъ. Такъ, напримѣръ, говоритъ Онъ: *что Ми множество жертвъ вашихъ? Кто изыска сія изъ рукъ вашихъ* (Исаіи I. 11, 12)? Богъ, вѣдавшій склонность народа Своего къ идолопоклонству, хотѣлъ его отвратить отъ него и привязать къ истинной религіи тѣми почти самыми вышними обрядами, которые были въ употребленіи у язычниковъ.

Богъ предполагалъ также (гл. XIX), посредствомъ тягостныхъ и многообразныхъ церемоній покорить Себѣ умы грубые и непослушные. Онъ хотѣлъ по-

(*) Многіе толкователи Св. Писанія изъясняютъ, что законъ этотъ не давалъ права частнымъ людямъ управлять самимъ собою; но относился собственно къ судопроизводству.

средствомъ Своихъ религіозныхъ обрядовъ, столь различныхъ и часто повторяемыхъ, удерживать ихъ непрерывно въ Своемъ присутствіи, и приучать къ размышленію денно и ношно о Божественномъ законѣ, источникѣ купно и счастія, и славы, и непорочности человѣка. Я не говорю уже о таинственныхъ смыслахъ сего закона, который весь состоитъ изъ прообразованій и пророчествъ.

Сверхъ того Пророки исполнены правилъ и предписаній, достойныхъ Бога, и доказывающихъ, что Онъ, будучи виновникомъ закона, одушевляя и Пророковъ; а потому не можетъ Онъ не быть основнымъ началомъ всякаго блага: *«отгните лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моими, научитесь добро творити, взыщете суда, судите сиру и оправдате вдовицу; раздробляя алчущимъ хлѣбъ твой, и нищія безкровныя введи въ домъ твой, аще видиши нага одѣй, и отъ свойственныхъ племени твоего не презри (Исаія I. 16 и 17, LVIII. 7); удержи языкъ твой отъ зла и устны твои еже не глаголати лъсти, уклонися отъ зла и сотвори благо, взыщи мѣра и возжеги и; гнѣвайтесь и не согрѣшайте; не ходите на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не стойте и на съдальщи губителей не съдите; се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ; поучитесь въ законъ Господни день и нощь; благо есть надѣяться на Господа, нежели надѣяться на человека, благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи; и будетъ яко древо насажденное при исходящихъ водахъ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ его не опадеть, и вся елика аще творить успѣетъ; иже неповиненъ руками и чистъ сердцемъ, иже не пріятъ всуе душу свою и не клянется лестию нескреннему своему, сей пріиметъ благословеніе отъ Господа и милостыню отъ Спаса своего;*

очи Господни на праведныя и уши Его въ молитву ихъ; мнози скорби праведнымъ и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь; честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его; хранитъ Господь вся кости ихъ, ни едина отъ нихъ сокрушится; избавитъ Господь души рабъ Своихъ ().*» Я останавливаюсь. Довольно и сего краткаго извлечения, чтобы дать ясное понятіе о благодати нашего Бога.

Но мы имѣемъ дѣло (гл. XX.) съ нечестивыми и богохульными умами, старающимися распространить тьму свою даже и на совершенства Божіи, столь ярко сіяющія, и заразить ихъ своимъ ядомъ. Послѣдую же за ними сквозь облака, въ которыхъ они скрываются, и выведемъ наружу мрачныя ихъ умствованія.

«Какъ, говорятъ они, оправдаете вы Бога своего, «повелѣвающаго Евреямъ обобратъ Египтянъ?» — Слѣпыя вы судіи, не видящіе того, какъ тутъ оскорблены были Евреи, и какое они собственно имѣли право жаловаться. Вспомните угнетеніе, въ которомъ они находились въ Египтѣ подъ властію безжалостныхъ своихъ господъ; вспомните тягостныя и насильственныя работы, на которыя они были осуждены; вспомните города, ими построенные, тогда какъ они не получали никакой за то платы; — и вы согласитесь, что сосуды и одежды Египтянъ составляютъ праведное, но весьма слабое вознагражденіе; не говорю уже о дѣтяхъ Еврейскихъ, ввергаемыхъ въ рѣку. Не уже ли вы отречетесь, чтобы отцы ихъ не имѣли права за все это требовать чего-либо отъ Египтянъ?

Вы усиливаетесь (гл. XXII.) ставить Бога въ противорѣчіе Самому Себѣ, приводя на счетъ Его такіа

(*) Всѣ эти тексты почерпнуты изъ Псалмовъ: I, IV, XXIII, XXXIII, CXV, CXVII и CXXXII.

распоряженія, которыя означаютъ якобы Его легкомысліе и измѣнчивость. «Онъ запретилъ, возражаете «вы, работать въ день субботній, а между тѣмъ повелѣлъ носить Кивотъ завѣта вокругъ Іерихона въ теченіи восьми дней.» — Жалкое возраженіе! Эта запрещенная работа есть такъ сказать работа мірская, но отнюдь не имѣетъ того отношенія къ религіи, какое заповѣдано Самимъ Богомъ. Законъ чисто и ясно говоритъ: *«шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя; день же седьмый (суббота) Господу Богу твоему (Исх. XX. 9, 10).»* Ношеніе кивота, повелѣнное Богомъ, не могло быть дѣломъ мірскимъ или трудовымъ, которое запрещено закономъ о субботѣ: это было дѣло религіозное, не только не нарушавшее субботы, но ее освящавшее.

Если было запрещено (гл. XXII.) *не творить себѣ кумира, ни всякаго подобія, елика на небеси и на земли и въ водахъ (Исх. XX. 4):* то это относилось единственно на случай идолопоклонства. Почему въ слѣдъ за тѣмъ присовокуплено: *да не поклонилися имъ, не послужили имъ.* Такимъ образомъ, ни мѣдный змѣй, предназначенный для исцѣленія угрызаемыхъ змѣями людей, и составляющій прообразованіе великаго таинства, ни изображенія херувимовъ, украшавшихъ Кивотъ завѣта, и не имѣвшихъ никакого отношенія къ идолопоклонству, не могли войти въ запрещеніе.

Если Богъ отвергаетъ жертвоприношенія Іудеевъ, Имъ-же Самимъ установленныя, если Онъ объявляетъ, что они *Ему мерзость суть (Ис. I. 13):* то это означаетъ не легкомысліе съ Его стороны, но то, что они предлагаемы Ему были съ преступными намѣреніями, нечистыми руками и оскверненнымъ сердцемъ. Богъ не желаетъ жертвъ собственно для удовлетворенія

Себя. *Еда ямъ мяса юнча*, говоритъ Онъ, или *крови козловъ ню* (Ис. XLIX. 13). Напротивъ того, жертвоприношеніе *Авеля* и *Ноя* были Ему пріятны. Сильный государь приметъ самые умѣренные дары, предлагаемые ему усердіемъ и вѣрностію подданныхъ, между тѣмъ какъ отвергнетъ все то, чтобы ни было ему поднесимо отъ толпы мятежниковъ и заговорщиковъ.

Столь-же несправедливо бы было (гл. XXIII.) укорять Бога въ томъ, что Онъ поступаетъ различнымъ образомъ съ одними и тѣми-же лицами въ различные времена, и что отвергаетъ тѣхъ, которыхъ прежде избралъ, какъ будто бы былъ Онъ непостояненъ, или имѣлъ недостатковъ въ предвѣдѣніи. Богъ поступаетъ тутъ, какъ нелицепріимный Судія, осуждающій, или разрѣшающій, смотря по достоинствамъ судимыхъ Имъ людей. Такимъ образомъ *Саулъ* былъ избранъ, когда добродѣтелью своею отличался между всѣми сынами Израилевыми, и былъ отвергнутъ, когда ослушаніемъ и упрямствомъ своимъ навлекъ на себя наказаніе. *Соломонъ* также отринутъ былъ, когда иноплеменные жены ввели въ заблужденіе мудрѣйшаго изъ царей, и заставили его поклониться идоламъ.

Что-же долженъ бы былъ дѣлать Богъ нашъ, дабы избѣжать упрековъ отъ *Маркіонитовъ* (гл. XXIV)? Не уже ли долженъ бы Онъ былъ осудить добродѣтель въ пользу порока, ее оскверняющаго, или превознести порокъ изъ уваженія къ добродѣтелямъ не существующимъ? Пусть человѣкъ пребудетъ постоянно во злѣ или въ добрѣ. Богъ всегда останется къ нему одинъ и тотъ же. Переменится ли человѣкъ? Правосудіе требуетъ, чтобы съ нимъ поступлено было сообразно съ его переменною.

«Вы противопоставите ветхій завѣтъ новому (кн. III. гл. и кн. IV. гл. XVI). Вы не перестаете опорочи-

«вать временныхъ обѣщаній, заключающихся въ первомъ завѣтѣ.» Развѣ не знаете вы, что Богъ нашъ, Создатель вселенной, есть вмѣстѣ властелинъ и неба и земли; что Онъ можетъ располагать какъ временными, такъ и вѣчными благами; что Онъ началъ съ обѣщанія первыхъ благъ для приготовленія къ послѣднимъ, дабы вѣрность Его въ менѣе важныхъ предметахъ послужила залогомъ его вѣрности въ дарованіи благъ высшаго разряда? Впрочемъ не забудьте, что Онъ возлагалъ на служителей Своихъ обязанность возвѣщать о славѣ и о земныхъ благахъ; Сыну—же Своему и Христу Своему предоставилъ право возвѣщать о благахъ небесныхъ и божественныхъ.

«Вы торжествуете (кн. II. 24), поставляя намъ на «видъ затрудненіе, считаемое вами неразрѣшимымъ, т. е. что Богъ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ св. Писанія сказано, раскаявается въ солѣнныхъ Имъ поступкахъ; изъ чего выводите, что не только въ Богѣ не достаетъ постоянства и предвидѣнія, но Онъ «даже какъ будто бы упрекаетъ Себя въ нѣкоторой погрѣшности. *И бысть глаголю Господень къ Самуилу, глаголю: раскаялся, яко помазалъ Саула на царство* (1. Царст. XV. 10 и 11).»

Надобно знать, что это есть какъ бы особый энергическій способъ рѣчи, употребляемый Богомъ для улики, отвергаемаго Имъ человѣка, въ его преступленіи и неблагодарности, которыя заставляютъ Бога удалять отъ него Свои милости. Слово *раскаяніе* въ устахъ человѣка конечно означаетъ сожалѣніе о какомъ либо заблужденіи или проступкѣ, иногда даже и въ отношеніи къ добру; но оно не можетъ имѣть сего смысла въ устахъ Бога, который не обманывается, не творить зла и не жалѣетъ о добрѣ. Въ подобномъ смыслѣ и *Самуилъ* сказалъ *Саулу*: «раздра Господь

царство Израилево отъ руку твоею днесь, и дастъ ближнему твоему, лучшему паче тебе; и не обратится ниже раскаяется Святый Израилевъ, занеже не яко человекъ есть, еже раскаятися ему (1. Царст. XV. 23 и 29).» Словомъ сказать, источникъ раскаянія въ человѣкѣ дѣйствительно состоитъ въ легкомысліи, въ недостаткѣ предвидѣнія, или постоянства въ добрѣ. Но ничего подобнаго не можетъ никогда находиться въ Богѣ въ отношеніи къ человѣку. Что же бы могло означать раскаяніе, приписываемое Богу? Не иное что, какъ перемѣна въ Его поступкахъ, заслуживаемая перемѣною человѣка.

Нужно (гл. 25) отвѣчать еще на нѣкоторыя прилики нашихъ противниковъ. «За чѣмъ, говорятъ они, «Богъ сказалъ Адаму въ раю: *гдѣ еси?* Стало быть «Богъ не зналъ, гдѣ онъ находился.»

Господь не могъ не знать ни того мѣста, гдѣ Адамъ скрылся, ни преступленія, имъ содѣяннаго. Слова эти: *гдѣ еси?* не столько относятся къ самому мѣсту, но болѣе составляютъ упрекъ, и означаютъ то ужасное состояніе, въ которое впалъ Адамъ. Какъ усомниться, чтобы какого нибудь уголка въ саду не вѣдалъ Тотъ, кому небо есть престолъ, а земля подножіе? Если Богъ спросилъ Каина: *гдѣ есть Авель братъ твой?* то это потому, что услышалъ гласъ крови Авеля, вопіющій отъ земли. Въ отношеніи къ Адаму, Богъ восхотѣлъ дать ему поводъ сознаться въ своемъ преступленіи, и въ немъ покаяться. Въ отношеніи къ Каину, Богъ попустилъ ему исполнить мѣру своего беззаконія чрезъ послушаніе и упорство свое. Богъ умилился надъ Адамомъ, и проклялъ Каина, преподавъ такимъ образомъ грѣшникамъ всѣхъ вѣковъ два великіе примѣра.

Въ отношеніи ко всѣмъ слабостямъ, недостойнымъ

Бога (гл. 27), въ которыхъ вы упрекаете Иисуса-Христа, я скажу только то, что Богъ не могъ содѣлаться человѣкомъ и пребывать съ людьми, не принявъ ихъ чувствованій, склонностей и даже слабостей, дабы чрезъ то умѣрить сіяніе Божественнаго Своего величія, котораго око человѣческое перенести не въ состояніи. Я говорю, что Богъ не могъ содѣлаться человѣкомъ, не снизойдя къ такимъ вещамъ, которыя, хотя, если вы хотите, и не достойны Бога, но необходимо нужны были для Него, какъ для человѣка, и которыя потому самому и стали достойны Бога; ибо ничего не можетъ быть достойнѣе Бога, какъ спасеніе человѣка.

Все, что можете вы постигнуть великаго и достойнаго въ Богѣ, вы найдете то въ Богѣ-Отцѣ, всегда пребывающемъ на небесахъ, въ Богѣ невидимомъ, недоступномъ, въ Богѣ такъ сказать философскомъ. Но все, что считаете вы недостойнымъ Бога, вы обрѣтете то въ Сынѣ, котораго люди видѣли и слышали; который есть намѣстникъ Отца, соединяющій въ Себѣ и человѣка и Бога, въ Сынѣ, который есть Богъ по Своему могуществу и человѣкъ по слабостямъ Своимъ, который какъ бы передаетъ человѣку все то, что отъемлетъ у Бога. Словомъ сказать, позоръ Бога моего составляетъ таинство спасенія человѣческаго. Богъ пребывалъ съ людьми, какъ равный имъ, дабы человѣкъ могъ дѣйствовать подобно Богу, какъ равный Ему. Богъ умалилъ Себя, дабы содѣлать человѣка великимъ. Богъ жилъ между людьми, дабы научить человѣка поступать подобно Богу. — Но вездѣ и всегда Онъ подвергается вашимъ укорамъ. Какъ Судію, вы находите Его строгимъ и даже жестокимъ. Вамъ хотѣлось бы, чтобъ Онъ былъ только благъ, и между тѣмъ благость эту, эту любовь Его къ людямъ, именуете вы слабостію и низостію. Онъ не можетъ прі-

обрѣсть одобренія вашего ни въ величїи, ни въ униженїи Своемъ, ни какъ Судїя, ни какъ подружіе.

«Что можетъ постыдѣе быть, говорите вы (кн. III. «гл. 2), какъ рожденіе Бога вашего?» — Вы можете вопїять, сколько угодно, противъ священныхъ и почитенія достойныхъ твореній природы, вопїять противъ того, чѣмъ сами вы были и есть. Я остаюсь и остаюсь привязаннымъ ко Христу, и ничто не разлучить меня съ Иисусомъ, какое бы ни было Его уничиженіе. Именно потому, что Онъ уничиженъ и презрѣнъ, я признаю Его за Христа моего. Пророки возвѣстили намъ, что Христосъ будетъ таковъ. Униженіе Его служитъ доказательствомъ Его величія. Если бы Онъ не былъ немощенъ и не подвергся поруганію: то не былъ бы и Мессією, не былъ бы и Богомъ моимъ.

Въ Пророкахъ (кн. IV. гл. 21) находятся многочисленные упоминанія о низостяхъ и немощахъ Христовыхъ, о Его рожденіи, о происшествїяхъ прежде рожденія, о жизни и смерти Его, до того, что Онъ кажется какъ бы червемъ, а не человѣкомъ. Но Онъ говорить: *иже аще кто постыдится Мене, сего Сынъ человѣческій постыдится, егда прїидетъ во славу Отчей* (Луки IX. 26). Мы должны были быть исцѣлены Его язвами, спасены Его поруганіемъ. Не безъ причины былъ Онъ уничиженъ, посрамленъ: Онъ подвергся тому для человѣка, творенія, образа и подобія Своего. Человѣкъ, не устыдившійся обожать дерево и камень, не долженъ устыдиться признать въ уничиженномъ видѣ и Иисуса-Христа: по крайней мѣрѣ онъ долженъ оказать столько же усердія къ своему Избавителю и Искупителю, долженъ святымъ позоромъ вѣры удовлетворить Богу за преступный позоръ идолопоклонства.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТАЯ (*).

Противъ Валентиніанъ (**).

I. Валентиніане, многочисленная секта между еретиками, набирая себѣ сообщниковъ изъ отступниковъ отъ истины, охотно склоняются къ баснословію и тѣмъ ни кого не приводятъ въ изумленіе. Они ни о чемъ столько не пекутся, какъ скрыть то, что проповѣдуютъ, если только можно назвать проповѣдію скрытное ученіе: Тьма, которою они себя окружаютъ, есть предосторожность, явно ихъ обличающая. Они обнаруживаютъ свое смятеніе, когда хотятъ поддерживать мнимую религію свою.

Подобнымъ образомъ безмолвіе, прикрывающее Элевзинскія таинства, родъ раскола въ самомъ греческомъ суевѣріи, обращается самымъ симъ таинствамъ въ стыдъ и поношеніе. Они предписываютъ строгія испытанія, требуютъ долговременнаго ожиданія быть посвященными, налагаютъ печать молчанія на уста, опредѣляютъ пять лѣтъ для искуса, дабы привлечь къ себѣ болѣе уваженія, отсрочивая познаніе дѣла, и возвысить величіе таинствъ, возжигая пожеланіе. Потомъ наступаетъ долгъ безмолвія. Тщательно ста-

(*) Писана въ 208 году по Р. Х.

(**) Статья эта кажется извлечена *Тертуліаномъ* изъ творенія, написаннаго прежде его о семъ же предметѣ Священно-мученикомъ *Иринеемъ*, Епископомъ Ліонскимъ.

раются они сохранить то, что поздно полагають открыть. Но къ чему стремятся эти вздохи кандидатовъ, эта печать молчанія на устахъ, это божество, пребывающее въ святилищѣ? Къ открытію эмблемы чело-вѣческой возмужалости. Аллегорическое истолкованіе, пользуясь почтеннымъ именемъ природы, прикрываетъ святотагство подъ образомъ фигуры, и оправдываетъ себя отъ упрека во лжи обожаемымъ призракомъ.

Такъ точно поступаютъ и еретики, съ которыми мы теперъ имѣемъ дѣло. Прикрывая свои суетные и постыдные вымыслы священными именами и доводами Религіи, употребляя притомъ во зло тройственность Божественныхъ лицъ, и полагая, якобы отъ нѣсколькихъ Боговъ происходятъ многіе, Валентиніане учредили у себя собственныя Элевзинскія таинства, и увѣряютъ легковѣрныхъ благочестивыхъ людей, что они священны по причинѣ глубокаго безмолвія, хотя впрочемъ ничего въ нихъ пѣтъ почтеннаго, кромѣ обязанности молчать. Спроси ихъ о чемъ либо откровенно: они примутъ строгій видъ, наморщатъ лобъ, и возгласятъ: «о глубина!» Войди съ ними въ ближайшій разговоръ: они утонченно и двусмысленно стапугъ утверждать, что ихъ вѣра общая со всѣми. Если замѣтятъ они, что ты ихъ проникъ: то будутъ отрекаться ото всего. Если ты приступишь къ нимъ съ большею пастойчивостію: то они притворятся легковѣрными простаками. Они тайнъ своихъ не открываютъ даже и своимъ ученикамъ, пока въ нихъ не увѣрены. Они обладаютъ искусствомъ прежде убѣждать, нежели научать. Но истина убѣждаетъ, научая; а не научаетъ убѣждая.

II. Потому-то они обыкновенно упрекають насъ въ простотѣ, какъ будто бы нельзя уже быть вмѣстѣ

и простымъ и мудрымъ, и какъ будто бы мудрость чужда простоты, тогда какъ Господь соединяетъ ихъ между собою, говоря: *«будите мудри яко змія, и цѣли (просты) яко голубіе (Матѣ. X. 16).»* Стало быть если мы безумны, потому что просты: то и противники наши должны быть просты, потому что мудры. Кто не простъ, тотъ нечестивъ. Кто не мудръ, тотъ безуменъ. Между тѣмъ, если бы подлежало сдѣлать выборъ, я предпочелъ бы порокъ менѣе важный, потому что лучше мало знать, нежели слишкомъ много знать, лучше самому обманываться, нежели другихъ обманывать. *«Мудрствуйте о Господь въ благостыни, и въ простотѣ сердца взыщите Его (Прем. Сол. I. 1),* говорить Премудрость, но премудрость не *Валентинова*, а *Соломонова*. Во вторыхъ истинныя дѣти засвидѣтельствовали кровію вѣру свою во Іисуса-Христа. Люди, вопившіе: *распи, распи Его!* безъ сомнѣнія были не дѣти, и не нѣмые, то есть, не были простые люди. Да и Апостоль повелѣваетъ намъ быть дѣтьми по Богѣ, изъясняясь такъ: *«злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте (I. Коринѣ. XIV. 20).»* Такимъ образомъ доказано, что прямая мудрость проистекаетъ отъ простоты. Словомъ сказать, голубь всегда служить прообразованіемъ Іисуса-Христа, а змія (діаволь) является только для того, чтобъ искушать Его. Стало быть простота одна въ состояніи познать и заявить Бога; а мудрость сама по себѣ легко можетъ преслѣдовать Его и измѣнить Ему.

III. Пускай змія скрывается, какъ можетъ, пускай оборотами и извилинами своими утомляетъ мудрость свою, углубляется въ подземныя мѣста, погружается въ мрачныя убѣжища, завертывается въ тмочисленные изгибы колецъ своихъ, никогда явно не

показываясь, и не терпя ни дня ни свѣта. Нашъ голубь обитаетъ во святилищѣ простоты, пребывая всегда на возвышенномъ мѣстѣ, и озаряя каждого свѣтомъ своимъ. Образъ Духа Святаго любитъ сіяніе востока, который есть образъ Иисуса-Христа. Истина ничего не стыдится, развѣ только того, когда бываетъ не открыта. Да и кто въ самомъ дѣлѣ постыдится слышать и почитать за Бога того, кого сама природа ему открываетъ, чье присутствіе онъ всеневно ощущаетъ въ Его дѣяніяхъ, кого онъ не вѣдаетъ только тогда, какъ не признаетъ Его единымъ, какъ считаетъ Его множественнымъ, какъ обожаетъ Его въ Его тваряхъ? Отвергать множество боговъ для того, чтобы на мѣсто ихъ ввести множество другихъ боговъ, обратить вѣрующихъ отъ семейственной власти къ власти неизвѣстной, отъ видимаго господства къ господству сокровенному, значить тоже, что вооружить естественное вѣдѣніе противъ вѣры. Распрашивая объ источникѣ подобныхъ басней, не подумаешь ли ты, что слышишь рассказы кормилицы въ твоемъ дѣтствѣ о черномъ котѣ и проч? Кто имѣетъ понятіе о вѣрѣ, тотъ, услышавъ обо всѣхъ именахъ *Эоновъ* (боги Валентиніанъ), обо всѣхъ ихъ бракахъ, порожденіяхъ, смертяхъ, происшествіяхъ, счастіи и несчастіи ихъ божества, столь мелко раздробленнаго, конечно не усомнится признать все это за сущія басни и за тѣ *безконечныя родословія* (1 Тимоѳ. I. 4), которые осудилъ уже духъ Апостола прежде, нежели еретическія эти сѣмена начали проявляться. Такимъ образомъ, чуждаясь простоты и руководствуясь мнимой мудростію, справедливо поступаютъ эти люди, когда, пораждая съ трудомъ и защищая коевенно подобныя небылицы, не передаютъ ихъ вполнѣ собственнымъ даже ученикамъ, потому что онѣ или постыдны, когда

предлагаются ухищренно, или противны понятію чело-
вѣческому, когда бы даже были и уважительны. Ско-
лько однакожъ мы ни просты, но намъ все извѣ-
стно. Снмъ — то первымъ оружіемъ мы и воспользуем-
ся, чтобы, приступая къ дѣлу, прежде всего обли-
чить ихъ совѣсть, а потомъ уже одержать надъ ними
побѣду; ибо обнаружить то, что съ такимъ усиліемъ
скрывается, тоже самое есть, что уничтожить его.

IV. Еще повторяемъ, что намъ вполне извѣстно
ихъ происхожденіе. Мы знаемъ, почему даемъ имъ
имя Валентиніанъ, хотя они въ томъ и не сознаются.
Правда, что они удалились отъ своего основателя; но
тѣмъ не уничтожили своего отъ него происхожденія,
и если случайно что измѣнили, то это самое измѣне-
ніе и служить противъ нихъ свидѣтельствомъ. *Вален-*
тинъ надѣялся получить Епископство, потому что
имѣлъ дарованіе и краснорѣчіе. Вознегодовавъ, что
другой, по праву мученичества, удостоенъ сего званія,
онъ пагло отторгся отъ Церкви, исповѣдующей ис-
тинную вѣру, и послѣдуя примѣру людей, томящихся
жаждою мщенія для пріобрѣтенія почестей, употре-
билъ всѣ силы свои къ тому, чтобъ испровергнуть
истину. Нанедаши корень одного древняго мнѣнія,
онъ проложилъ дорогу *Комарбазу*. Явился потомъ
Птоломей, который, обозначивъ имена и числа Эоновъ,
обратилъ ихъ въ личныя сущности, но поставилъ внѣ
Бога, вмѣсто того что *Валентинъ* включилъ ихъ въ
сущность божества подъ названіемъ ощущеній, склон-
ностей и движеній. *Геракліонъ*, *Секундъ* и волхвъ
Маркъ, распространили ученіе сіе нѣсколько и съ
своей стороны. *Теотимъ* занимался особенно призра-
ками закона. Посему теперь нѣтъ почти уже и рѣчи
о *Валентинѣ*. За всѣмъ тѣмъ еретики эти именуют-
ся Валентиніанами, потому что начало свое воспріали

со времени *Валентина*. Одинъ только *Аксіоникъ* въ *Аптіохіи* доселѣ поддерживаетъ память *Валентинову* во всей строгости правилъ его. Впрочемъ эта ересь пріемлетъ столько же разныхъ видовъ, сколько безпутная женщина обыкновенно измѣняетъ свое лице и платье. Да и почему не такъ? Еретики въ каждомъ изъ своихъ собратій находятъ свое духовное сѣмя. Выдумавъ какую либо новость, они тотчасъ называютъ откровеніемъ то, что одна только есть догадка, священнымъ даромъ то, что только есть человѣческое изобрѣтеніе, разнообразіемъ то, что составляетъ единство. Вотъ почему, не говоря объ обыкновенномъ ихъ притворствѣ, мы усматриваемъ, что большая часть изъ нихъ между собою раздѣлены. Объ извѣстныхъ предметахъ они даже откровенно вамъ скажутъ: «это не такъ; я понимаю это иначе; я этого не принимаю.» Да и подлинно виды устанавливаемыхъ ими правилъ подновляются разнообразіемъ, которое часто пріемлетъ даже прикрасы невѣжества.

V. Я намѣренъ вооружиться противъ коренныхъ догматовъ первоначальныхъ учителей, а не противъ лицемѣрныхъ вождей учениковъ, блуждающихъ по своему произволу. Не думая, чтобы кто могъ насъ упрекнуть въ своевольной выдумкѣ предметовъ, которые излагали и опровергали мужи святые и просвѣщенные, не только предшественники, но и современники ересіарховъ, каковы суть: *Иустинъ*, философъ и мученикъ, *Милціадъ*, поборникъ церкви, *Ириней*, ученый послѣдователь всѣхъ подобныхъ ученій, нашъ *Прокулъ*, дѣвственникъ до глубокой старости, честь и слава Христіанскаго краснорѣчія. Далъ бы Богъ, чтобы я поравнялся съ ними въ отношеніи какъ къ прочимъ подвигамъ вѣры, такъ и къ подлежащему мнѣ труду. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы ереси не существо-

вали, такъ что надлежало бы обвинять въ изобрѣтеніи ихъ тѣхъ, кто ихъ опровергаетъ: въ такомъ случаѣ Апостолъ, предвозвѣстившій ихъ, сказалъ бы неправду. Но нѣтъ! онѣ существуютъ, и существуютъ именно въ тѣхъ видахъ, какъ предъявлены. Да и кто столько имѣетъ пражнаго времени, чтобы заниматься выдумками, имѣя готовые матеріалы?

VI. Чтобы странными, чудными, двусмысленными, своевольно выдуманнми именами не омрачить ума, я долженъ предупредить, какимъ образомъ стану употреблять эти имена, полагая въ сей статьѣ заяться однимъ только изложеніемъ, а не опроверженіемъ сей таинственной путаницы. Нѣкоторыя изъ сихъ именъ, будучи заимствованы изъ Греческаго языка, не имѣютъ тождественнаго значенія ни въ какомъ другомъ языкѣ; другія принадлежатъ къ особому роду; иныя наконецъ болѣе употребительны. Такимъ образомъ, мы будемъ заимствовать по большей части Греческія слова и присовокуплять иногда къ нимъ нѣкоторыя объясненія, дабы кто не сбился съ толку. На сей разъ я отлагаю всякую прямую борьбу, и удовольствуюсь, какъ уже сказалъ, однимъ только изложеніемъ; однакожъ, гдѣ безразсудство ученія заслужить порицаніе, тамъ не буду чуждаться поверхностнаго и быстрого обзоренія.

Представь себѣ, читатель, что ты присутствуешь на какой-либо стычкѣ прежде сраженія. Я обозначаю удары, но не стану далеко углубляться. Если что возбудитъ въ тебѣ смѣхъ: то это будетъ знакомъ, что ты отдаешь справедливость подобнымъ нелѣпостямъ. Многія изъ нихъ и не заслуживаютъ другаго опроверженія: всякой дѣльный отвѣтъ могъ-бы только придать имъ болѣе важности. Смѣшное естественно ведетъ къ суетнымъ понятіямъ. Но и самой истины

иногда прилично смѣяться, потому что она не чужда веселости; прилично ей шутить на счетъ своихъ враговъ, потому что она увѣрена въ своей силѣ. Надлежитъ только избѣгать, чтобы смѣхъ ея не возбудилъ въ комъ неумѣстнаго злорѣчія. Впрочемъ смѣхъ, гдѣ онъ приличенъ, тамъ исполняетъ свою обязанность. Приступаю къ дѣлу.

VII. Латинскій поэтъ *Энній*, первый сказалъ, что трапезы небесныя безпредѣльны, по приписъ-ли огромности мѣста, гдѣ онѣ совершаются, или потому, что читалъ въ *Гомерѣ* о празднествахъ, даваемыхъ тамъ Юпитеромъ. Но еще удивительнѣе то, сколько вершинъ на вершины, возвышеній на возвышенія, наши еретики нагромодили, навѣсили и нацѣпляли въшебѣ, чтобы составить обиталище каждому изъ своихъ боговъ. Эти трапезы, приписываемыя *Энниемъ* нашему Создателю, расположены въ видѣ небольшихъ помѣщений, украшены балконами поэтажпо и раздѣлены для каждаго бога столькими лѣстницами, сколько произошло ересей. Міръ сдѣлался настоящею купеческою конторою. Видя столько тысячъ ступеней на небѣ, ты бы назвалъ все это благополучнымъ какимъ либо островамъ. Но гдѣ онѣ? Это неизвѣстно. Тутъ-то обитаетъ богъ *Валентиніанъ* какъ-бы на чердакѣ подъ кровлею. Въ отношеніи къ сущности его, они его называютъ совершеннымъ *Эономъ*, а въ отношеніи къ лицу *Проархомъ*, *Археемъ* или *Битосомъ*, приписывая ему послѣднее слово такое, которое нисколько не прилично тому, кто живетъ въ высотѣ. Они провозглашаютъ его безначальнымъ, безпредѣльнымъ, безконечнымъ, невидимымъ, вѣчнымъ, какъ будто-бы опредѣлять его такимъ, каковъ онъ по ихъ понятіямъ долженъ быть, значило доказать, что онъ дѣйствительно

таковъ, и получить чрезъ то право говорить, что онъ всегда былъ таковъ, и предшествовалъ всѣмъ вещамъ. Я требую, чтобы ты прямо мнѣ доказалъ его существованіе, и тутъ-же замѣчаю, что боги твои, представляемые мнѣ предшественниками всѣхъ вещей, на самомъ-то дѣлѣ являются послѣ всѣхъ вещей, и притомъ такихъ вещей, которыя имъ не принадлежать.

Но быть такъ! этотъ *Битосъ* въ теченіи безчисленныхъ вѣковъ пребывалъ прежде въ тишинѣ и въ ненарушимомъ покоѣ миролюбиваго, или лучше сказать безсмысленнаго божества, однимъ словомъ пребывалъ такимъ, какимъ повелѣлъ ему быть *Эпикуръ*. Между тѣмъ, выставляя сего бога за единого, они придаютъ ему въ союзѣ съ нимъ другое лице, именуемое ими *Харисъ* или *Сиге*. Новое безразсудство! Они исторгаютъ его изъ столь блаженнаго состоянія, дабы онъ изъ самаго себя извлекъ основное начало всѣхъ вещей. Начало это вселяетъ онъ въ пѣдра своей *Сиге*, и она дѣлается беременною. Тотъ, кого она родитъ, называется *Нусъ*, совершенно подобный отцу своему, и во всемъ ему равный. Онъ одинъ въ состояніи вмѣстить въ себѣ всю безпредѣльность и все непостижимое величіе отца. Почему и самъ онъ наименованъ отцемъ, началомъ всѣхъ вещей, и, собственно сказать, *единороднымъ*, хотя впрочемъ слово это тутъ не свойственно, потому что онъ былъ не единственный сынъ. Послѣ него родилась еще женщина, по имени *истина*. Не лучше ли бы было назваться ему *первороднымъ*, а не *единороднымъ*, потому что онъ первый, но не одинъ, произведенъ на свѣтъ? Такимъ образомъ *Битосъ*, *Сиге*, *Нусъ* и *Истина*, какъ первая *квадрига* (*), въ которую запряглась секта Валентині-

(*) Двуколесная колесница, запряженная четырью лошадьми.

анъ, была источникомъ началомъ и происхожденіемъ всѣхъ другихъ подобныхъ боговъ.

Иусъ, какъ скоро получилъ способность раждать, производить слово и жизнь, изъ которыхъ послѣдняя видно дотолѣ не существовала и въ *Битосъ*. Но какъ полагать, чтобы жизни не было въ Богѣ? Эта новая дѣвица, сотворенная на тотъ конецъ, чтобы положить начало всеобщности и усовершенить *Плерумъ* (жилище *Эоновъ*), съ своей стороны раждаетъ и воспроизводитъ человека и церковь. Вотъ тебѣ и *Осмерица*, двойная *Четверица*, происшедшая отъ совокупленія мужескаго и женскаго пола: это житница первоначальныхъ *Эоновъ*, зачало братскихъ супружествъ между богами *Валентинианъ*, источникъ всей святости и велелѣпія сей ереси; а лучше сказать, это скопище злодѣяній или боговъ, никому неизвѣстныхъ, это зародышъ всего послѣдующаго плодоносія.

VIII. Вторая четверица слово, жизнь, человекъ и церковь, не укоснила также воздать должную почесть отцу. Желая принести отцу отъ себя что либо сообразно съ числомъ своимъ, они произвели другіе плоды отъ союза двойственной своей природы, и слѣдовательно отъ взаимнаго совокупленія. Съ одной стороны слово и жизнь производятъ на свѣтъ вдругъ десять *Эоновъ*, а съ другой человекъ и церковь порождаютъ сверхъ десяти еще двухъ, то есть двѣнадцать, дабы такимъ образомъ пополнить все число тридцати *Эоновъ*. Имена десятиерицы слѣдующія: *Битосъ* и *Миксисъ*, *Агератосъ* и *Генозисъ*, *Автофіесъ* и *Гедоне*, *Ацинетосъ* и *Синкразисъ*, *Поногенесъ* и *Макаріа*. А вотъ имена и дванадесяти: *Параkletъ* и *Пистисъ*, *Патрикосъ* и *Эписъ*, *Метрикосъ* и *Агапе*, *Аикусъ* и *Синезисъ*, *Экклезиастикусъ* и *Макаріотесъ*, *Телетъ* и *Софія*. Я принужденъ объяснить здѣсь, ссылаясь на подобный

же примѣръ, чего еще не достаетъ подобнаго рода именамъ. Въ Кареагенскихъ школахъ находился педантъ Латинскій риторъ, по имени *Фосфоръ*. Однажды, принявши на себя видъ храбреца, онъ сказалъ: «о сограждане! Я только что съ поля сраженія, одержалъ побѣду, принесъ вамъ счастье; я прославился, возростъ, благоденствую, торжествую.» Вдругъ ученики его вскричали: ура семейству *Фосфорову*! — Тебѣ извѣстны теперь имена *Агератоса*, *Гедоне*, *Ацинета*, *Телета*. Что мѣшаетъ тебѣ также воскликнуть: ура семейству *Итолмееву*!

Вотъ тотъ таинственный *Илеромъ*, который составляетъ изъ полноты Божества, распредѣленнаго между тридцатью лицами. Мы увидимъ послѣ, какія преимущества получили числа: *четверица*, *осмерица* и *двадцать*. Между тѣмъ надобно замѣтить, что все это плодоносіе останавливается на числѣ тридцати лицъ. Видно вся сила, способность и плодотворное могущество тутъ истощились, какъ будто бы не было уже болѣе ни чиселъ, ни другихъ именъ, которыя бы какою нибудь педагогъ могъ имъ преподавать. Почему въ самомъ дѣлѣ не довести порожденій до пятидесяти или до ста? За чѣмъ оставлять въ забвеніи кормилицъ и товарищей всѣхъ сихъ боговъ?

IX. Но вотъ открывается настоящее лицепріятіе. *Нусъ* одинъ изъ всѣхъ наслаждается познаніемъ nepостижимаго отца и вкушаетъ радость и веселіе, между тѣмъ какъ другіе находятся въ печали. Правда, что *Нусъ*, поколику могъ, желалъ и даже покушался сообщить другимъ то, что зналъ о величій и nepостижимости отца. Но *Сиге*, мать его, тому воспротивилась, та самая *Сиге*, которая предписываетъ молчаніе еретикамъ, адептамъ своимъ, хотя они обязаны эту и возлагаютъ на счетъ отца, который, судя по

словамъ ихъ, желаетъ посредствомъ того возбудить вожделѣніе. Между тѣмъ въ то время, какъ Эоны мучились внутри себя, и втайнѣ сгарахъ желаніемъ познать отца, злодѣяніе едва было не совершилось. Изъ двѣнадцати Эоновъ, произведенныхъ человѣкомъ и церковію, послѣдній, по имени *Софія*, не можетъ воздержать себя, устремляется отыскивать отца, безъ сообщества супруга своего *Филста*, и упадетъ въ порокъ, который хотя и объемлетъ всѣхъ другихъ Эоновъ около *Пуса*, но перешелъ собственно въ сего Эона, то есть, въ *Софію*, подобно какъ болѣзни, раждающіяся въ тѣлѣ, переливаютъ ядъ свой въ другіе члены. Между тѣмъ подъ предлогомъ любви къ отцу, она питала жестокою зависть къ *Нусу*, который одинъ наслаждался преимуществомъ отца. Когда такимъ образомъ *Софія*, желая невозможнаго, обманывалась въ своихъ ожиданіяхъ: то будучи одолеваяема трудностями, и предаваясь болѣе и болѣе вожделѣніямъ, она едва было не сгорѣла совсѣмъ отъ пламени любви и отъ розысканій объ отцѣ, едва не погибла отъ того въ сущности своей. Правду сказать, она не прервала бы своихъ розысканій, прежде нежели бы погибла, если бы по счастію не встрѣтила *Горуса*, имѣющаго ту доблесть, что онъ есть основаніе и вышній стражъ совершеннаго *Плерома*, и именуется еще *крестомъ*, *Литротеномъ* и *Карпіастеномъ*. Такимъ образомъ *Софія*, освобождаясь отъ опасности, и убѣдясь въ суетѣ своего намѣренія хотя и поздно, нашла покой, отречшись отъ исканія отца, и произвела на свѣтъ *Энтимезисъ*, то есть, *пожеланіе вмѣстѣ съ страстію*.

Х. Иные иначе мечтали о злополучіи и возстановленіи *Софіи*. Послѣ тщетныхъ усилій и по испроверженіи своихъ ожиданій, она по видимому подлиглась безобразію, блѣдности, исхудалости и небреженія о

своей красотѣ, какъ-то и свойственно женщинѣ, оплакивающей отторгнутого отъ любви ея отца, съ пролитіемъ столь горькихъ слезъ, какъ будто бы она его дѣйствительно липилась. Послѣ того она сама собою, безъ всякаго супружескаго соитія, въ горести своей зачала и родила дочь. Вы вѣрно удивляетесь такому чуду. Но развѣ курица не имѣетъ силы рожать сама собою? Говорятъ, что птицы грифы всѣ женскаго пола, и бываютъ матерями безъ мужскаго участія. *Софія* сперва печалится о несовершенствѣ плода своего, потомъ боится, чтобы смерть не постигла ее; она не знаетъ, что думать о причинѣ сего происшествія, и тщательно скрываетъ свою беременность. Лѣкарствъ противъ того нѣтъ нигдѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, были ли тогда трагедіи и комедіи, изъ которыхъ бы можно было научиться, какимъ образомъ извергать или подкидывать плодъ, произведенный вопреки законовъ воздержанія? Терпя боли дѣторожденія, она подымаетъ глаза и обращается къ отцу своему. Тщетныя усилія! Силы оставляютъ ее: она падаетъ на колѣна, чтобы помолиться. Все родство вступается и проситъ за нее. *Нусъ* принимаетъ въ ней участіе болѣе другихъ. Да и почему не такъ? Не онъ ли причиною всего зла? Между тѣмъ ни одно изъ злополучій *Софіи* не было бесполезно: всѣ труды ея оказались плодоносны. Дѣйствительно бѣдствія ея породили *Матерію* (вещество). *Певѣжество*, *страхи* и *печали* ея производятъ столько же сущностей. Тогда отецъ ея, подвижный милосердіемъ, при содѣйствіи *Нуса-Единороднаго*, порождаетъ эти сущности въ женѣ мужскаго пола, и водворяетъ въ нихъ свой образъ. *Валентиніане* на согласуются на счетъ того, какого пола *Отецъ*. Они присовокупляютъ тутъ *Горуса*, котораго именуютъ *Метагогесомъ*, то есть, вокругъ обводящимъ, и *Горотето-*

сомъ. Черезъ него-то, говорятъ они, *Софія* была отвращена отъ не позволеннаго пути, избавлена отъ бѣдъ своихъ, укрѣплена, вновь обращена къ супружеству, и наконецъ водворена въ *Плеромъ*. Что касается до ея дочери *Энтимезистъ* и спутницы ея *Страсти*: то она *Горусомъ* была изгнана, распята и исключена изъ числа *Эоновъ*. Она называется *Зломъ*, но составляетъ сущность духовную, потому что была естественное произведеніе *Эона*, хотя впрочемъ сама по себѣ есть сущность безобразная и отвратительная; ибо мать ея объяла одну только пустоту, и слѣдовательно произвела плодъ немощный, женскій.

XI. Послѣ того какъ *Энтимезистъ* была отвергнута, а *Софія* возвращена супругу своему, этотъ *Единородный*, этотъ *Нусъ*, освобождаясь отъ всякаго понеченія касательно своего отца, и желая упрочить всѣ вещи, укрѣпить *Плеромъ* и навсегда опредѣлить число его жителей, изъ опасенія, дабы впредь снова не возмутило его какое либо подобное волненіе, *Нусъ* заключилъ число это новымъ порожденіемъ *Христа* и *Духа-Святаго*: это также была мерзость совокупленія двухъ особъ мужескаго пола, или, какъ другіе говорятъ, *Духъ Святой* былъ пола женскаго, и мужескій полъ оплодотворился отъ женскаго пола (*). Эти два существа составляютъ одно божество, довершающее союзъ *Эоновъ*. Отъ такой общей обязанности того и другаго произошли двѣ школы, двѣ церкви и какъ бы основное начало распри въ ученіи *Валентиновомъ*. Долгъ *Христа* есть вразумлять *Эоновъ* на счетъ свойства ихъ связей, преподавать имъ понятіе о томъ, что кому вродено, и дѣлать ихъ способными поражать

(*) Читатель не долженъ забывать, что это мнѣніе еретиковъ. *Перев.*

въ себѣ познаніе объ отцѣ, потому что не возможно его ни объять, ни познать, ни видѣть, ни слышать иначе, какъ посредствомъ *Единороднаго*. Мы согласны, чтобъ они познавали Его такимъ образомъ, лишь бы только познавали чрезъ Сына. Но нельзя не опорочить пагубнаго ихъ ученія, состоящаго въ томъ, якобы непостижимость Отца была причиною присносущія Эоновъ, а постижимость Его побужденіемъ къ ихъ порожденію и образованію. Это предложеніе, если я не ошибаюсь, внушаетъ ту мысль, что было бы весьма выгодно, дабы Богъ не былъ понятъ, потому что необъемлемое въ Немъ служить причиною присносущія, а объемлемое производить не присносущіе, но порожденіе и случайность, чуждыя присносущія. Сынъ, говорятъ они, одинъ въ состояніи постигать отца. Но какимъ образомъ онъ постигается? Родившійся *Христосъ* тому научилъ. Относительно *Духа-Святаго*, особая обязанность его слѣдующая: бдѣть, чтобы всѣ люди, имѣя одинакую любовь къ ученію, удостоивались также одинакихъ даровъ благодати и входили въ истинный покой.

ХІІ. Всѣ Эоны равны между собою какъ по образу такъ и по мудрости своей: они вообще суть то, что каждый изъ нихъ частно, не отличаясь ничѣмъ другъ отъ друга, потому что всѣ взаимно подобны. Каждый Эонъ мужескаго пола переходитъ можетъ въ *Нуса*, въ *Слово*, въ *Человѣка*, въ *Филета*, а женскаго въ *Сиге*, въ *Церковь*, въ *Жизнь*, такъ что *Овидій* вѣрно отрекся бы отъ всѣхъ своихъ превращеній, когда бы зналъ гораздо чудеснѣйшія превращенія нашихъ временъ. И такъ всѣ Эоны соединены, упрочены и наслаждаются покоемъ посредствомъ *истины*: тогда среди восторговъ радости они прославляютъ отца хвалебными пѣснями. Отецъ самъ исполняется ве-

селія, слыша радостные клики сыновъ и впуковъ своихъ. Да и почему не восхищаться ему блаженствомъ, когда *Плеромъ* не имѣетъ уже причины чего либо бояться? Какой кормчій не веселится до безумія? Мы видимъ вседневно моряковъ, предающихся неумѣреннымъ и шумнымъ восторгамъ. Развѣ не видалъ ты матросовъ, трепещущихъ отъ удовольствія, при видѣ обѣденнаго стола, въ снабженіи котораго яствами каждый изъ нихъ участвовалъ? Нѣчто подобное происходитъ и между Эонами. Будучи смѣшаны все вмѣстѣ по своему образу, а паче по чувству, и видя присоединяющихся къ нимъ новыхъ братьевъ и новыхъ властителей, каковы *Христосъ* и *Духъ Святый*, они вносятъ въ общину все то, что у кого есть лучшаго и превосходиѣйшаго; или, можетъ быть, я и ошибаюсь: такъ какъ все они суть одно и тоже по причинѣ упомяутаго предъ симъ ихъ равенства, то я неправильно сравнилъ ихъ съ обѣденнымъ столомъ, именуемымъ у нихъ *Символомъ*, котораго главное достоинство состоитъ въ разнообразіи. Все они приносятъ въ общину одно и тоже благо, самихъ ихъ составляющее.

Не худо можетъ быть разсмотрѣть способъ или образъ таковаго общаго ихъ равенства. Изъ денегъ, отъ многихъ (еретиковъ) поступающихъ, судя по надписямъ, они сооружаютъ въ честь и славу Отца блестящую звѣзду *Плерома*, и тутъ же приобщаютъ Иисуса, именуя его *Сотеромъ*, *Христомъ* и родоначальнымъ *Словомъ*, въ подражаніе вѣроятно устарѣлымъ названіямъ птицы сои *Езоповой*, папдоры *Гезіодовой*, драгоцѣннаго блюда *Акціева*, лѣкарства *Несторова*, всякой всячины *Птоломеевой*. Не легче ли бы было симъ безумнымъ выдумщикамъ именъ, по примѣру Аѳинянъ въ нѣкоторыхъ зрѣлищахъ, назвать это *Пан-*

карномъ (звѣроборствомъ)? Но чтобы придать болѣе вышшняго блеска великолѣпному идолу своему, они включаютъ въ число спутниковъ его еще и Ангеловъ. Они равны *Сотеру*. Но если они единосущны съ *Сотеромъ* (на этотъ счетъ ясно не говорятъ): то какъ онъ можетъ возвышенъ быть надъ равными себѣ?

XIII. Первый разрядъ Эоновъ содержитъ въ себѣ первое нхъ происхожденіе: они раждаются, женятся и производятъ дѣтей. Сюда принадлежатъ: опасныя приключенія *Софін*, жаждущей познать отца; пособіе *Горуса*, явившагося кстати ей на помощь; очистительная жертва *Энтимезисъ* и спутницы ея *Страсти*; поученія Христа и Духа Святаго; охранительное прообразование Эоновъ; украшенія *Сотера*, уподобляющіяся павлинымъ перьямъ, и наконецъ Ангелы, стражи его, хотя и равны ему. Чтожъ потомъ, спросишь ты? Рукоплещи, и выходи изъ театра; или лучше выслушай, что мнѣ еще остается сказать, и заяви впередъ презрѣніе свое ко всему сему.

Надобно знать, что все то, о чемъ доселѣ говорено, происходило въ округѣ *Плерома*: это первое явленіе трагедіи. Второй актъ исполняется внѣ завѣсы, отдѣляющей сцену, я хочу сказать, внѣ *Плерома*, если впрочемъ справедливо то, что дѣйствовать въ присутствіи отца и въ предѣлахъ надзора *Горуса*, значить имѣть свободное движеніе внѣ Бога или тамъ, гдѣ Его нѣтъ.

XIV. *Энтимезисъ* или *Ахаметъ* (новое данное ей имя, значеніе котораго не опредѣлено), будучи вмѣстѣ съ неразлучною спутницею своею *Страстію*, сослана въ мѣста, удаленныя отъ свѣта, состоящія однакожъ въ области *Плерома* и напоминающія пустоту Эпикурову, *Энтимезисъ* бѣдствуетъ среди самаго мѣста своего изгнанія. Она по прежнему не имѣетъ ни об-

раза ни вида, будучи произведеніемъ незрѣлымъ и уродливымъ. Когда все это такъ происходило, *Христосъ*, убѣжденный вышшими *Эонами*, сводится на землю *Горусомъ*, дабы силою своею усовершенить такое недостаточное произведеніе, даровавъ ему однакожь образъ только сущности, а не вѣданія, котораго впрочемъ частичка ей досталась, потому что она сохранила запахъ нетлѣнія, предъувѣдомившій ее о несчастіи ея, и побудившій ее желать превосходнѣйшихъ даровъ. *Христосъ*, исполнивъ этотъ подвигъ милосердія при содѣйствіи *Духа Святаго*, возвращается въ *Плеромъ*.

Обычай приписываетъ вещамъ имена, напоминающія избавителя. *Энтимезисъ* по происхожденію своему есть пожеланіе. Но откуда взялась *Ахамоть*? До сихъ поръ еще подлежитъ это розысканію. *Софія* происходитъ отъ отца, а *Духъ Святый* отъ Ангела, бывшаго во *Христѣ*, въ удаленіи отъ котораго *Энтимезисъ* почувствовала пожеланіе. Посему-то она и устремилась искать свѣта. Если она совсѣмъ не знала *Христа*, потому что дѣйствіе его было невидимое: то какимъ образомъ могла она искать свѣта, который ей столько же былъ неизвѣстенъ, какъ и виновникъ его? Но она на то покусилась, и можетъ быть ей и удалось бы успѣть въ томъ, если бы тотъ же самый *Горусъ*, который столь счастливо помогъ матери ея, не противосталъ по несчастію дочери, и не закричалъ ей: *Іао*, подобно какъ бы кто сказалъ: *назадъ, Римляне*, или же: *заклинаю васъ именемъ Кесаря*. Вотъ откуда происходитъ слово *Іао*. *Энтимезисъ*, остановленная въ своихъ исканіяхъ, не имѣя возможности достигнуть до *Креста*, то есть, до *Горуса*, потому что никогда не играла никакой роли въ *Лавреолѣ*, Котуловой трагедіи, и предавшись наконецъ спутницѣ своей *Стра-*

сти, начала чувствовать всё ея мученія и угрызенія: чувствовать *Печаль* отъ того, что не успѣла въ своемъ предпріятіи; чувствовать *Страхъ*, опасаясь лишиться жизни, какъ лишилась свѣта; чувствовать *Смятеніе* и *Невъѣжество* свое. Съ пею не то было, что съ ея матерью. То была Эонъ; а ея положеніе тѣмъ плачевнѣе было, что она должна была бороться съ другимъ затрудненіемъ, я хочу сказать, съ *обращеніемъ* ея посредствомъ Христа, чрезъ котораго она была воззвана къ жизни и направлена къ сему обращенію.

XV. Пивагорейцы, Стоики, и ты, *Платонъ*, познайте наконецъ, откуда матерія, признанная вами самородившеюся, получила свое происхожденіе и существованіе въ сей обширной громадѣ вселенной, познайте таинство, котораго и самъ *Меркурій-Трисмегистъ*, глава всѣхъ естествоиспытателей, не могъ проникнуть. Ты сей часъ только слышалъ слово *Обращеніе*, другой родъ *Страсти*. Отъ него-то, какъ иные увѣряютъ, образовалась душа міра сего, душа *Деміурга*, то есть, душа Бога нашего. Выше приведены *Печаль* и *Страхъ*: отъ нихъ порождены всё творенія. Масса водъ произошла отъ слезъ *Ахамоты*. Можешь себѣ представить огромность ея бѣдствія отъ множества водъ, истекшихъ изъ глазъ ея. Изъ нея лились воды и соленыя, и горькія, и сладкія, и теплыя, и холодныя, и сѣрыя, и желѣзныя, и селитренныя, и ядовитыя, такъ что отъ нихъ вѣроятно заимствовалъ ядъ свой источникъ Нонакрисъ, умертвившій Александра, и произошли источники Липцестъ и Салмацисъ, изъ которыхъ одинъ производитъ пьянство, а другой обезсиливаетъ мужество. *Ахамотъ* также извела съ неба дожди, испуская вопли: это стороннія горести и слезы наши, которыя хранимъ мы въ водоемахъ. Равнымъ образомъ и тѣлесныя стихіи извлечены изъ ея же смущен-

нія и робости. Между тѣмъ среди безмѣрнаго своего уединенія, будучи оставлена отъ всѣхъ, она отъ времени до времени улыбалась, вспоминая свиданіе свое со *Христомъ*, и отъ радостной улыбки ея отражался свѣтъ. За чѣмъ заставлялъ ее улыбаться этотъ благотворный даръ Провидѣнія? Не для того ли, чтобы человѣкъ жилъ здѣсь на землѣ не всегда во тьмѣ? Не удивляйся, что изъ веселія ея истекла столь свѣтлая слеза, потому что и изъ ея печали произошелъ для міра столь необходимый дѣятель. О смѣхъ освѣщающій! О слеза орошающая! *Ахломъ* однакожъ имѣла врачевство противъ жестокости своего положенія. Каждый разъ, когда хотѣла она разогнать мракъ своего заточенія, ей стоило только улыбнуться, чтобы по крайней мѣрѣ не прибѣгать къ тѣмъ, которые ее оставили и отвергли.

XVI. Послѣдую материнскому примѣру, она рѣшилась обратиться къ молитвѣ. Но *Христосъ*, которому видно не захотѣлось въ другой разъ оставить *Пieroма*, поручилъ *Параклету* заступить свое мѣсто. Въ слѣдствіе того онъ посылаетъ къ ней *Сотера* или *Исуса*, которому отецъ предоставилъ полную власть надъ всѣми *Эонами*: онъ даровалъ ему силу заставлять *Эоновъ* приводить въ исполненіе свои законы, дабы, по словамъ Апостола, *все въ немъ обновлено было*. Онъ послалъ его къ *Ахломъ* въ сопровожденіи ангеловъ, которые родились вмѣстѣ съ нимъ. Нельзя ли тутъ подумать, что передъ нимъ несено было двѣнадцать пуковъ палокъ? *Ахломъ*, испугавшись окружавшей его пышности, надѣваетъ на себя покрывало, увлеченная сперва чувствами почтенія и скромности: потомъ всматривается въ него и въ его спасительное сіяніе. Она къ нему приближается, получивъ отъ него надлежащую къ тому силу, и восклицаетъ: радуй-

ся, Господи! Тогда онъ ее пріемлетъ, укрѣпляетъ ее, къ первому ея образу присовокупляетъ образъ вѣдѣнія, и избавляетъ ее отъ всѣхъ скорбей *Страсти*, которую изгоняетъ изъ нея тщательнѣе, нежели какъ поступилъ прежде въ отношеніи къ несчастіямъ ея матери. Потомъ собравъ во едино всѣ эти застарѣлые и отъ времени усилившіеся пороки, и составивъ изъ нихъ твердую массу, онъ раздѣлилъ ихъ такъ, чтобъ они могли произвести тѣлесное вещество (матерію); а безтѣлесную *Страсть*, не отдѣльную отъ *Ахамоты*, заставилъ проникнуть немедленно въ сопротивныя сущности тѣлъ, такъ что изъ того произошли два рода сущностей: сущности злыя, родившіяся отъ пороковъ, и сущности, подверженныя страстямъ, которыя породило *обращеніе*. Таково происхожденіе вещества или матеріи, которое между прочимъ вооружило насъ противъ *Гермогена* (*) и противъ всякаго, кто утверждаетъ, что Богъ сотворилъ міръ съ пособіемъ матеріи, а не изъ ничего.

XVII. *Ахамотъ*, освободясь отъ бѣдствій своихъ, болѣе и болѣе преуспѣваетъ и приноситъ вящіе плоды. Пламенія во всемъ своемъ существѣ радостію, что могли избѣгнуть злополучія своего, и входя въ нѣкоторый родъ броженія отъ созерцанія Ангельскаго свѣта (постыдно такъ говорить, но иначе нельзя изъясниться), она влюбляется внутри себя въ Ангеловъ, и посредствомъ духовнаго зачатія чувствуетъ утробу свою воздымающеюся предъ симъ призракомъ, который сила ея восторговъ и радость сластолюбиваго похотѣнія поселили и такъ сказать впечатлѣли въ ея сердце. Она наконецъ раждаетъ. Съ тѣхъ поръ явились три сущности, происшедшія отъ трехъ при-

(*) Смотри слѣдующую двадцать первую статью.

чинъ: первая матеріальная, родившаяся отъ *Страсти*; вторая душевная или животная, которая была дочерью *обращенія*; третья духовная, истекшая отъ *воображенія*.

XVIII. Сдѣлавшись болѣе способною къ дѣйствию посредствомъ трехъ своихъ дѣтей, она предприимлетъ трудъ усовершенствовать каждый изъ сихъ родовъ. Но она не могла достигнуть того въ отношеніи къ духовной сущности, хотя сама была духовнаго свойства; ибо природа не позволяетъ равнымъ и однороднымъ существамъ дѣйствовать другъ на друга взаимно. Въ семъ намѣреніи она ограничиваетъ усилія свои надъ душевною или животною сущностію, по приведеніи въ дѣйствіе законовъ *Сотеровыхъ*. И во первыхъ (о богохульство, котораго ни изречь, ни прочесть, ни услышать безъ содроганія нельзя!) она производитъ нашего Бога, Бога всѣхъ вообще людей, исключая еретиковъ, Отца, Создателя, Царя всѣхъ существъ, въ послѣдствіи уже явившихся. Всѣ они дѣйствительно происходятъ отъ Него, а отнюдь не отъ *Ахамоты*, при содѣйствіи которой якобы Онъ, Самъ не вѣдая какъ, втайнѣ и подобно автомату, извнѣ побуждаемому, двигался при каждомъ изъ Своихъ произведеній. По причинѣ таковой путаницы въ дѣйствующихъ лицахъ, еретики придаютъ сему Богу сложное имя *Метронатора*, тогда какъ всѣ другія Его наименованія отличены сообразно свойству и устройству Его дѣяній, такъ что въ отношеніи къ одушевленнымъ сущностямъ, располагая ихъ на правую сторону, они называютъ Его *Отцемъ*, а въ отношеніи къ матеріальнымъ сущностямъ, отлагая ихъ по лѣвую сторону, именуютъ Его *Деміургомъ*; когда же дѣло идетъ объ общемъ управленіи, то приписываютъ Ему названіе *Царя*.

XIX. Но знаменованіе именъ не согласуется даже съ знаменованіемъ дѣяній, отъ которыхъ имена происходятъ, потому что всѣ эти дѣянія должны бы были носить имя той, которая ихъ сотворила, развѣ только, когда не она ихъ произвела. Да и въ самомъ дѣлѣ говоря, что *Ахамотъ*, желая воздать честь *Эонамъ* начертала въ умѣ своемъ ихъ образы, еретики лишаютъ ее сей славы, относя ее къ первоначальному ея виновнику *Сотеру*, котораго была она только орудіемъ, такъ что *Сотеръ* собственно вперилъ въ нее невидимый и невѣдомый образъ отца и такой же образъ *Деміурга*, и онъ же преподалъ ей понятіе о *Нусѣ-Деміургѣ*, сынѣ его, въ то время, какъ *Архангелы*, произведенные *Деміургомъ*, были представителями всѣхъ другихъ *Эоновъ*. Видя столько образовъ, исходящихъ изъ трехъ существъ, я спрашиваю тебя, какъ мнѣ не посмѣяться надъ образами столь безумнаго живописца. Какъ! Женищина *Ахамотъ* образъ отца! *Деміургъ* не вѣдаетъ матери, а тѣмъ паче отца своего! Образъ *Нуса*, который также отца своего не знаетъ! Ангелы, которые суть служители, становятся представителями своихъ властителей! Вотъ что называется срисовать лошака по образцу осла, или написать портретъ *Птоломея* по портрету *Валентина*.

XX. *Деміургъ*, находясь вѣдѣ предѣловъ *Плерома*, и погрузясь въ юдоль вѣчнаго своего заточенія, создалъ новую провинцію или имперію, міръ сей, образовавъ его изъ душевныхъ или животныхъ и матеріальныхъ существъ, но прежде изгналъ оттуда хаосъ и привелъ въ порядокъ разнообразіе сей двойственной сущности. Изъ безтѣлесныхъ сущностей творитъ онъ тѣла тяжелыя, легкія, нисходящія и восходящія, небесныя и земныя; потомъ собственнымъ сѣдалищемъ своимъ увѣнчиваетъ семь ярусовъ неба: отсюда получилъ онъ

названіе *Субботы* по причинѣ *седмерицы* его обита-
лица; отсюда также мать его *Ахамотъ* наименована
Осмерицею (ogdoas) по примѣру первородной *Осмерицы*.
Что касается до небесъ: то еретики приписываютъ
имъ умъ, а иногда творятъ изъ нихъ *Ангеловъ* и са-
маго даже *Деміурга*. Рай есть четвертый ихъ *Архан-
гель*, потому что они ставятъ его выше третьяго не-
ба. Адамъ сохранилъ въ себѣ нѣчто отъ своей силы
послѣ пребыванія на небѣ среди облаковъ и кустарни-
ковъ. *Птоломей* не забылъ басней, рассказываемыхъ
дѣтямъ, что въ морѣ случаются плоды, а на дере-
вьяхъ рыбы. Вотъ почему онъ помѣстилъ на высотахъ
неба вертограды. *Деміургъ* дѣйствуетъ слѣпо; а потому
вѣроятно и не знаетъ, что деревья не могутъ расти ни-
гдѣ, кромѣ земли. Мать вѣдала о томъ несомнѣнно. По-
чему же она не вразумила его на этотъ счетъ, образуя
его понятія? Воздвигая для сына своего столь обширную
имперію посредствомъ дѣяній, провозгласившихъ его
отцемъ, богомъ и царемъ, почему не хотѣла она, чтобъ
эти дѣянія были ему извѣстны? Я буду разсуждать
о семъ въ послѣдствіи.

XXI. Между тѣмъ надобно знать, что *Софія* такъ
же наименована *Землею* и *Матерью*, какъ бы кто ска-
залъ: *Мать-Земля*, и еще смѣшнѣе: *Духъ Святый*. Ере-
тики воздали женскому сему существу всѣ почести,
дали безъ сомнѣнія ему и бороду, не говоря о про-
чемъ. За симъ *Деміургъ* по природной своей слабости,
будучи не иное что, какъ душевное или животное
существо, такъ мало умѣлъ посредствомъ познаній
своихъ возвышаться къ духовнымъ вещамъ, что, счи-
тая себя только однимъ въ мірѣ, говорилъ самъ себѣ
такъ: «я *Богъ и нѣтъ инаго, развѣ мене.*» Однакожъ онъ
зналъ, что прежде самъ онъ не существовалъ. Онъ пони-
малъ, что былъ сотворенъ или рожденъ, и что сотво-

ренное существо всегда должно имѣть себѣ Создателя, кто бы онъ ни былъ. По какому же поводу можно было ему заключить, что онъ только одинъ въ мірѣ, если, не имѣя въ томъ точной увѣренности, онъ могъ подозрѣвать, что существуетъ какой либо Создатель?

XXII. Охотнѣе прощаю я еретикамъ безразсудное ихъ заключеніе о *діаволѣ*, судя по низости происхожденія его. Они полагаютъ, что онъ родился отъ жестокой печали, какую чувствовала *Ахаметъ*. Они приписываютъ одинакое происхожденіе и Ангеламъ и демонамъ и всѣмъ родамъ духовныхъ силъ злобы. Между тѣмъ утверждаютъ также, что *діаволъ* есть произведеніе *Деміурга*, именуютъ его *властителемъ* міра, и считаютъ, что онъ по духовной своей природѣ знаетъ высшихъ *Эоновъ* болѣе, нежели самъ *Деміургъ*, который весь душевнаго или животнаго свойства. Отецъ всѣхъ ересей (*діаволъ*) конечно заслуживаетъ въ полной мѣрѣ пользоваться отдаваемымъ ему въ семъ случаѣ преимуществомъ.

XXIII. Власть каждой изъ всѣхъ показанныхъ выше силъ еретики заключаютъ въ слѣдующихъ предѣлахъ. На самой выперенней высотѣ находится *Плеромъ* съ своими тридцатью лицами, крайнія границы котораго бережетъ *Горусъ*. Подъ сею высотой занимаетъ промежуточное мѣсто *Ахаметъ*, попирающая ногами сына своего. Внизу подъ нею обитаетъ со своею *седмерицею* *Деміургъ* или лучше сказать *діаволъ*, житель совокупно съ нами міра сего, котораго каждая стихія, каждое тѣло, какъ выше упомянуто, произошли отъ тлетворныхъ злополучій *Софіи*, такъ что *Духъ* никогда не имѣлъ бы пространства ни вдыхать, ни испускать воздуха, который есть какъ бы легкое облаченіе всѣхъ тѣлъ, оживотвореніе всякаго рода цвѣтовъ, и орудіе къ измѣренію временъ, если бы горестъ *Софіи*

не породила нѣкоторыхъ мѣлкихъ для того крупнокъ, подобно какъ *страхъ* ея произвелъ животныхъ, а также произвелъ собственное ея обращеніе и самаго даже *Деміурга*. Во всѣ эти стихіи, во всѣ эти тѣла, вдунуть былъ огонь. А какъ они не объяснили еще, что такое есть первоначальная *страсть*, произведеніе ихъ *Софіи*: то я полагаю, что изъ ея судорожныхъ движеній и хлынулъ этотъ огонь. Весьма вѣроятно, что она отъ жестокихъ своихъ мученій одержима была трясавицею.

XXIV. Послѣ подобныхъ мечтаній о Богѣ, или о богахъ, какихъ нелѣпостей надобно ожидать, когда рѣчь дойдетъ до человѣка? *Деміургъ*, производя міръ, приступилъ и къ сотворенію человѣка. «Для сущности его, говорятъ они, онъ не избралъ какой либо «части той суши, которую мы признаемъ за землю «(какъ будто бы она хотя бы и не была послѣ сущешю, не находилась въ персти, оставшейся послѣ «раздѣленія водъ): но заимствовалъ для сего изъ не«видимаго тѣла философской матеріи то, что въ ней «было влажнаго и текучаго.» Откуда произошло это влажное и текучее? Не могу того придумать потому, что оно нигдѣ не существуетъ. Если это суть два свойства жидкости, и если всякая жидкость произошла отъ слезъ *Софіи*: то мы должны заключить, что эта персть образовалась отъ слизи и клейной влаги *Софіи*, потому что это суть, если угодно, дрожжи слезъ, такъ какъ то, что извергается, составляетъ персть водъ. Такимъ-то образомъ *Деміургъ* творитъ человѣка и оживляетъ его своимъ дыханіемъ. Отъ того человѣкъ становится земнымъ, душевнымъ или животнымъ, по образу и подобію *Деміурга*: становится четвернымъ твореніемъ. Какъ образъ, онъ почитается земнымъ, то есть, матеріальнымъ, хотя *Деміургъ* и не матеріаленъ. Какъ подобіе, онъ есть

душевного или животного свойства, которое принадлежит и *Деміургу*. Таковы первые два его вида. Потомъ сретили хотятъ, чтобъ эту земную организцію прикрывало плотское одѣяніе, а одѣяніе это есть оболочка кожи, подверженная чувствамъ.

XXV. *Ахамотъ* отъ сущности матери своей *Софии* сохранила частичку духовнаго сѣмени, подобно какъ и сама удѣлила нѣсколько его крохъ сыну своему *Деміургу*, но такъ, что этотъ того и не знаетъ. Къ чему такая скрытная предосторожность? Послѣ узнаемъ. *Ахамотъ* вложила и утаила сѣмя это для того, что когда *Деміургъ* будетъ передавать душу свою *Адаму* силою своего дыханія, то въ то же время духовное это сѣмя могло бы перелиться посредствомъ того же канала въ земнаго человѣка, и вселясь въ матеріальное его тѣло, какъ бы въ какую матку, гдѣ бы могло переработаться и созрѣть, сдѣлалось способнымъ воспріять нѣкогда всесовершенное Слово. И такъ когда *Деміургъ* совершалъ измѣненіе души своей въ *Адама*: то духовный человѣкъ вмѣстѣ съ симъ дыханіемъ тайно вошелъ и вселился въ это тѣло, потому что *Деміургъ* не зналъ ни сѣмени своей матери, ни самой матери своей. Это сѣмя называютъ они *Церковію*, образомъ *Церкви* свыше, колыбелью человѣка. Они производятъ сѣмя его изъ праха или пепла *Ахамоты*, равно какъ изъ *Деміурга* извлекаютъ все душевное или животное, изъ первородной сущности все земное, изъ матеріи всякую плоть. Вотъ тебѣ новая четверица *Геріонова*.

XXVI. Каждой сущности они полагаютъ слѣдующій конецъ: сущности матеріальной, то есть, плотской, которая именуется ими также лѣвою стороною, неизбѣжную смерть; сущности душевной, или животной, называемой ими для отличія стороною правою,

смерть сомнительную; ибо волнуясь между духовною и матеріальною сущностію, она должна пасть туда, куда наиболѣе склонялась. Впрочемъ они увѣряютъ, что и духовная сущность входитъ въ составъ сущности душевной, или животной, дабы сія послѣдняя могла быть наставляема отъ своей подруги, и образоваться, собесѣдуя съ нею. Душевная, или животная сущность имѣла недостатокъ въ познаніи чувствительныхъ вещей. Для сего-то порождены были феномены въ мірѣ. Для сего-то и *Сотеръ* принялъ въ мірѣ душевную или животную форму, то есть, съ тѣмъ, чтобы спасти сущность душевную или животную; но еретики, увлекаясь другими нелѣпыми предположеніями, хотятъ, чтобъ онъ заимствовалъ нѣчто отъ всѣхъ трехъ сущностей для спасенія ихъ вообще, такъ что отъ *Ахамоты* получилъ духовную сущность, а отъ *Деміурга* пріялъ душевного или животного Христа, въ котораго вскорѣ и облекся. Между тѣмъ, будучи тѣлеснымъ, потому что происходилъ изъ душевной или животной сущности, но имѣя составъ, устроенный съ удивительнымъ и неизреченнымъ искусствомъ въ отношеніи къ приведенію въ дѣйствіе подлежаващаго ему подвига, онъ (*Сотеръ*) долженъ былъ вооружиться необыкновеннымъ великодушіемъ, чтобы противъ воли сблизиться съ людьми, быть отъ нихъ видимымъ и осязаемымъ, и наконецъ умереть. Но Впрочемъ ничего въ немъ не было матеріальнаго, потому что матерія исключена изъ спасенія, какъ будто бы она нужна была кому либо другому, кромѣ лишившихся спасенія. Но къ чему служатъ эти мечтанія? Къ тому, чтобы Валентиніане, отказывая Іисусу-Христу въ нашей плоти, могли отнять у насъ и надежду на спасеніе.

XXVІІ. Оканчиваю разсужденіе относительно ихъ

Христа. Иные прививаютъ къ нему еще *Иисуса* съ такою же наглостію, съ какою духовное сѣмя вводятъ въ сущность душевную, или животную, подкрѣпляя ее божественнымъ дыханіемъ: это настоящее скопище безразсудствъ, разглашаемыхъ ими на счетъ людей и на счетъ своихъ боговъ. Они дѣйствительно хотятъ, чтобы *Деміургъ* имѣлъ также своего *Христа*, сына, рожденнаго имъ изъ собственной сущности. «Онъ сотворилъ его, говорятъ они, душевнаго или животнаго «свойства: это тотъ самый, который возвѣщенъ Пророками; бытіе его составляетъ вопросъ предложный, то есть, что онъ рожденъ *чрезъ дѣву*, а не *отъ дѣвы*, «потому что вошедши въ дѣву, онъ прошелъ чрезъ нее, а не изшелъ изъ нея по законамъ дѣторожденія, что онъ чрезъ сей каналъ только перешагнулъ, «а не родился, и что дѣва была не матерью его, а «онъ воспользовался ею, какъ бы какимъ проѣзжимъ «путемъ. Тогда *Сотеръ* въ видѣ голубя снизошелъ на «сего *Христа* при совершеніи таинства крещенія. Въ «*Христѣ* сѣмя находилась притомъ приправа Духовнаго сѣмени отъ *Ахамоты*, вѣроятно для предупрежденія всякой порчи отъ посторонней примѣси.» Они придаютъ ему для подкрѣпленія четыре сущности по примѣру верховной *четверицы*: сущность *Ахамоты* или духовную, сущность *Деміурга* или душевную или животную, сущность *тѣлесную* или неизреченную, и наконецъ сущность *Сотерову*, то есть, голубиную. Отпослительно *Сотера*, онъ пребылъ до конца во *Христѣ*, будучи безстрастнымъ, неприкосновеннымъ, недоступнымъ на счетъ всякаго рода оскорбленій. Какъ же скоро приступлено было къ насильственнымъ противъ *Христа* дѣйствіямъ: то *Сотеръ* отъ него удалился на все время производства *Пилатова* суда. Слѣдовательно сѣмя матери не подверглось оскорбленіямъ, и бы-

ло изъято отъ нихъ, будучи невѣдомо и самому *Деміургу*. Страдалъ одинъ душевный или животный, одинъ плотскій *Христосъ*, уподобляясь тому выпесму *Христу*, который для произведенія *Ахамоты* распятъ былъ на *крестъ*, то есть, на *Горусъ* подъ видомъ хотя и существеннымъ, но не подверженнымъ чувству. Вотъ какъ они обезображиваютъ наши догматы, считаясь мнимыми Христіанами.

XXVIII. Между тѣмъ *Деміургъ*, совершенно не зная, гдѣ самъ находится, хотя и долженъ будетъ нѣкогда возвѣщать нѣчто чрезъ своихъ Пророковъ, безъ всякаго однакожъ о томъ понятія (еретики приписываютъ даръ пророчества отчасти *Ахамотъ*, отчасти сѣмени, отчасти *Деміургу*), *Деміургъ*, говорю, какъ скоро провѣдалъ о прибытіи *Сотера*, тотчасъ торжественно выходитъ къ нему на встрѣчу со всѣми своими силами, какъ какой либо евангельскій сотникъ. Будучи отъ него наставленъ во всѣхъ предметахъ, онъ узнаетъ отъ него также и о той надеждѣ, что предназначенъ онъ заступитъ мѣсто своей матери. Съ тѣхъ поръ, обезпеченный въ своемъ существованіи, онъ продолжаетъ управлять симъ міромъ, доколѣ надобность востребуется, хотя бы то было только для того, чтобы покровительствовать церкви.

XXIX. Въ заключеніе я изложу здѣсь и то, что они разглашаютъ о составѣ рода человѣческаго. Объявивши, что природа первоначально была тройственная, но во всѣхъ видахъ соединялась въ *Адамъ*, они оканчиваютъ тѣмъ, что раздѣляютъ ее на три рода съ особыми свойствами, заимствуя поводъ къ тому отъ самаго потомства *Адамова*, раздѣлившагося также на трое по своимъ нравственнымъ качествамъ. *Каинъ*, *Авель* и *Сифъ*, какъ нѣкоторымъ образомъ источники рода человѣческаго, становятся для нихъ тремя ручья-

ми природы и особыхъ сущностей. Они присвоиваютъ *Каину* земную сущность, изъятую отъ спасенія; *Авель* представляетъ душевную, или животную сущность, предопредѣленную для сомнительной надежды; въ *Синоѣ* же заключаютъ они духовную сущность, ожидающую неминуемаго спасенія. Они отличаютъ такимъ же образомъ и души по ихъ двойственному свойству добрыхъ и злыхъ, смотря потому, какую сущность воспріемаютъ онѣ, земную ли отъ *Каина*, душевную или животную отъ *Авеля*, или же духовную отъ *Синоа*. Сверхъ того не по праву природы, но въ качествѣ простаго благоволенія, они по временамъ низводятъ на землю ту росу, которую *Ахамотъ* поливаетъ съ небесъ на добрыя души, то есть, на души, находящіяся въ душевномъ или животномъ разрядѣ; ибо что касается до душъ земнаго рода, другими словами, до злыхъ душъ: то имъ въ спасеніи совершенно отказано. Они рѣшительно объявляютъ, что природа не терпитъ ни измѣненія, ни преобразованія. Въ добрыхъ душахъ зерно духовнаго сѣмени бываетъ сперва весьма мало и слабо, когда сѣется; но по мѣрѣ того, какъ оно развертывается, вѣра вмѣстѣ съ нимъ возрастаетъ, какъ выше примѣчено. Оно составляетъ основное начало превосходства сихъ душъ надъ другими, такъ что *Деміургъ* во время даже своего невѣжества питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. Въ росписяхъ сихъ душъ обыкновенно выбиралъ онъ имена царей и первосвященниковъ. Если души эти пріобрѣтутъ полное и совершенное познаніе о подобныхъ нецѣлостяхъ, тогда, подчинясь симъ свойствамъ посредствомъ сродства духовнаго сѣмени, онѣ получаютъ несомнѣнное спасеніе, принадлежащее имъ по всѣмъ правамъ.

XXX. Вообще еретики почитаютъ дѣла для себя

бесполезными, и освобождаютъ себя отъ всякаго долга, признавая даже мученичество не нужнымъ, неизвѣстно подъ какимъ пустымъ предлогомъ. Они хотятъ, чтобы правило это простиралось только на душевное или животное сѣмя, дабы мы, прочіе люди, посредствомъ достоинства дѣлѣ пріобрѣтали то спасеніе, котораго не имѣемъ по преимуществу природы нашей. Мы-то находимся въ разрядѣ сего сѣмени и принадлежимъ къ несовершенной сущности, происходя отъ любовныхъ похожденій *Филета* и будучи исчадіемъ законопреступной матери. Но горе намъ, когда мы вздумаемъ свергнуть съ себя какое либо иго заповѣдей, когда не пребудемъ тверды въ дѣлахъ святости и правды, когда пожелаемъ свидѣтельствовать о вѣрѣ нашей въ другомъ мѣстѣ (неизвѣстно въ какомъ), а не предъ лицомъ властей сего міра и не предъ судомъ проконсуловъ! Что же касается до нихъ: то они присвоиваютъ себѣ полное благородство происхожденія чрезъ средство своевольства жизни своей и любви къ разврату. *Ахамотъ* обязана защищать всячески своихъ приверженцевъ, потому что самой ей такъ хорошо удалась ея безчинства. Говорятъ даже, что у нихъ для почести небесныхъ супружествъ, надлежитъ всегда вникать въ таинство брака и праздновать его, совокупляясь тутъ же съ подругою, то есть, съ женщиною. Впрочемъ кто въ мірѣ семъ живетъ, не любя женщины и не сопрягаясь съ нею, того почитаютъ они человѣкомъ выродившимся, ублюдкомъ истины. Что же станется съ евнухами, которыхъ мы видимъ между ими?

XXXI. Остается побесѣдовать объ усовершеніи и о распредѣленіи наградъ. *Ахамотъ*, окончивъ жатву всего своего потомства, должна собрать ее въ свои житницы, или же, когда она, принеся это сѣмя на

мельницу и измолотивши въ муку, положить его въ особый ларь, гдѣ оно должно смѣситься и окиснуть, въ то время воспослѣдуетъ всеобщее усовершеніе. Тогда *Ахамотъ*, оставя среднюю страну и второй ярусъ неба, переселится въ высочайшіе его предѣлы и войдетъ въ *Плеромъ*. Въ слѣдъ за тѣмъ *Сотеръ*, составленный изъ всѣхъ Эоновъ, приметъ ее и сдѣлается ея мужемъ: новое супружество, новая чета! Еще мужъ и жена въ *Плеромѣ*! Иной право подумаетъ, что законы *Юлія* и *Каіа* (*) всегда сопутствовали Эонамъ при ихъ переселеніяхъ съ мѣста на мѣсто. Самъ *Деміургъ*, покинувъ свою поднебесную *седмерицу*, взойдетъ на высшій ярусъ, и возсядетъ за пустую трапезу матери своей, которую тогда хотя и будетъ знать, но видѣть ее не удостоится. Если это такъ: то лучше бы ему вѣчно остаться въ своемъ невѣжествѣ.

XXXII. Судьба рода человѣческаго слѣдующая. Кто имѣетъ знаменіе земное и матеріальное, всякой тотъ неизбѣжно подверженъ конечному истребленію, потому что всякая плоть подобно полевому злаку, и по системѣ еретиковъ самая душа должна умереть, исключая душъ, обрѣвшихъ спасеніе вѣрою. Души праведныя, то есть, наши перенесутся къ *Деміургу* въ селенія срединныя. Спасибо ереси. Но мы предпочитаемъ лучше обитать съ Богомъ напимъ, къ которому позволено намъ восходить. Никакая душевная или животная сущность не пріемлется въ чертоги *Плерома*, кромѣ духовнаго сонмища *Валентинова*. Тутъ уже люди, то есть, люди внутренніе, начинаютъ совлекаться. Совлекаться значитъ оставлять ду-

(*) Первый законъ противъ прелюбодѣйства, а второй о правахъ Римскаго гражданства.

ши, въ которыя казались они облеченными, и возвращать своему *Деміургу* тѣ души, которыя получены ими въ удаленіи отъ него. Тогда содѣлаются они душами чисто разумными, неосязаемыми, невидимыми, и въ семъ состояніи введены будутъ невидимо и таинственно въ *Плеромъ*.—А послѣ?—Они розданы будутъ Ангеламъ, спутникамъ *Сотера*.—Можетъ быть въ качествѣ сыновъ?—Нѣтъ.—Не для того ли, чтобы быть ихъ служителями?—Отнюдь нѣтъ.—Въ такомъ случаѣ для того, чтобы быть ихъ образомъ?—Далъ бы Богъ, чтобы они по крайней мѣрѣ того удостоились.—На какой же конецъ, если позволено спросить?—Для того, чтобъ эти души были ихъ супругами. Какова участь Ангеловъ? Они будутъ наслаждаться пріятностями брака, похитивъ и раздѣливъ между собою сихъ Сабинокъ.

Вотъ какая награда будетъ для духовныхъ людей: настоящее мздовоздаяніе за ихъ вѣру. Таково-то достоинство всѣхъ сихъ басень. По милости ихъ, какойнибудь *Маркъ*, *Кайй* или *Северъ*, взошедши на эту каеэдру нечестія, кто бы онъ ни былъ, мужъ, отецъ, дѣдъ или прадѣдъ, лишь бы былъ челоуѣкъ, можетъ войти въ брачный чертогъ *Плерома*, чтобы отъ Ангела родить (нельзя не краснѣть отъ стыда) какого либо образцоваго Эона. Когда эти супружества, законно совершаемыя при блескѣ свѣтильниковъ и подъ покровомъ багрянницы, войдутъ въ обычай: то мнѣ кажется, что скрытый огонь, вспыхнувши, пожретъ всю сущность ереси, обратитъ въ прахъ и уничтожитъ все, что у нихъ имѣетъ жизнь; а потомъ и самъ исчезнетъ. Съ тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ басень уже не будетъ. Но что я, дерзкій, дѣлаю? Не довольно того, что обнаружилъ столь великое таинство, я еще смѣю издѣваться. Боюсь, чтобъ *Ахамоть*,

скрывшая себя отъ собственного сына, не сошла отъ того съ ума. *Филетъ* вѣрно разсердится; *Фортуна* также наморщится. А между тѣмъ я, тварь *Деміурга*, долженъ по смерти моей возвратиться туда, гдѣ нѣтъ супружества, гдѣ вмѣсто совлеченія долженъ я на это тѣло надѣть одежду безсмертія, гдѣ, если и лишусь пола своего, но уподоблюсь Ангеламъ, гдѣ нѣтъ Ангеловъ ни мужескаго ни женскаго пола, гдѣ никто не станетъ ругаться надъ моимъ тѣломъ, которое восприметъ тогда мужественную свою силу.

XXXIII. Послѣ такой чудесной комедіи, я приведу теперь, въ видѣ какъ бы послѣдняго акта, особые предметы, отложенные мною донынѣ нарочно для того, чтобы не нарушить порядка повѣствованія и не развлечь вниманія читателя введеніемъ такихъ подробностей, съ которыми не согласуются даже и послѣдователи *Птоломеевы*. Дѣйствительно изъ школы его вышли ученики, самаго его превзошедшіе. Они назначили для *Битоса* двухъ женъ: *мысль* и *волю*. *Мысль* подлинно была для него недостаточна, потому что съ нею одною не могъ онъ ничего производить, вмѣсто того что съ помощью обѣихъ женъ всѣ произведенія могли удобно быть исполняемы. Первымъ плодомъ сего совокупленія были *Единородный* и *Истина*: истина, существо женское, создана по образу мысли, а *единородный*, существо мужеское, по образу воли. *Воля*, приводящая силою своею въ дѣйствіе понятія *Мысли*, взяла видно во власть свою мужескій полъ.

XXXIV. Другіе умники, болѣе почтительные, вспоминая о подобающей Богу чести, чтобъ избавить его отъ стыда имѣть даже и одну супругу, разсудили за лучшее не назначать *Битосу* никакого пола: можетъ быть даже почитаютъ они его за нѣчто междоумочное. Иные зашли еще далѣе. Они утверждаютъ, что Богъ

Ихъ заключаетъ въ себѣ совокупно мужескій и женскій полъ, на тотъ вѣроятно конецъ, чтобы *Фенестелла*, толкователь лѣтописей, не воображалъ себѣ, что, кромѣ луны, нигдѣ нѣтъ гермафродитовъ.

XXXV. Есть и такіе, которые *Битосу* опредѣляютъ не первое, а второе мѣсто, ставя выше всего *осмерицу*, которую однакожъ производятъ отъ *четверицы*, только полъ другими именами. Первый изъ четверицы есть *Проархъ*, вторій *Аненность*, третій *Арретосъ*, четвертый *Аоратосъ*. Отъ *Проарха* въ первой и пятой степени произошелъ *Архей*, отъ *Аненности* во второй и шестой степени *Акаталептосъ*, отъ *Арретоса* въ третьей и седмой степени *Анономастосъ*, и отъ *Аоратоса* или *Невидимаго* въ четвертой и осьмой степени *Агеннетосъ*. Почему каждый изъ сихъ *Эоновъ* рождается въ двухъ различныхъ степеняхъ и въ дальнемъ одинъ отъ другаго разстояніи? Лучше о томъ не знать, нежели допытываться. Какая мудрость можетъ заключаться въ столь нелѣпыхъ выдумкахъ?

XXXVI. Гораздо благоразумнѣе поступаютъ тѣ, которые, отвергая эти плачевныя бредни, не хотятъ, чтобъ одинъ *Эонъ* служилъ ступенью для другаго, подобно Гемонской (*) лѣстницѣ, и производятъ однимъ махомъ эту *Осмерицу* полъ крыломъ отца и его *Эннеи*, то есть, его *Мысли*. Словомъ сказать, каждое имя соответствуетъ его движенію или мановенію. «Когда, говорятъ они, онъ мыслитъ о произведеніи, то по ссей причинѣ именуется *отцемъ*; когда производитъ, то производя истинныя вещи, называется *истиною*; когда восхотѣлъ открыть себя, то получилъ имя *человѣка*. Тѣ, которыхъ онъ произвелъ, обдумавъ бы-

(*) Такъ называлось у Римлянъ мѣсто, откуда преступниковъ сталкивали въ Тибръ.

«тѣ ихъ въ мысли своей, тогда же названы *Церковію*. «Человѣкъ произнесъ Слово, и явился первородный сынъ. Къ Слову присоединилась Жизнь, и первая «Осмерица совершилась.» Не правда ли, что все это не иное что есть, какъ глубокое безразсудство?

XXXVII. Выслушай другія открытія сего безумнаго человѣка, поруганнаго уже *Эниѣмъ*, сего знатнѣйшаго учителя изъ Сектаторовъ, который по присвоенной имъ себѣ власти первосвященника, провозгласилъ слѣдующее: «прежде всѣхъ вещей существовалъ *Проархъ*, невообразимый, неизъяснимый, которому нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ. Я называю его *Менотесомъ*: съ нимъ пребывала другая сила, именуемая мною *Генотесомъ*. *Менотесъ* и *Генотесъ*, то есть, *Уединеніе* и *Единство*, будучи одно и то же, произвели, не производя, умственное и врожденное начало всѣхъ вещей, которое по Гречески называется *Монадею*. Сія послѣдняя содержитъ въ себѣ единосущную силу, которая наименована *Союзомъ*. «Эти четыре силы: *Уединеніе*, *Особливостъ*, *Единство* и *Союзъ* породили всѣхъ прочихъ Эоновъ.» — Чудесное разнообразіе! Измѣни имена, и выйдетъ союзъ и единство, уединеніе и особливостъ; но какъ бы ты ихъ ни измѣнялъ, все будетъ одно и то же.

XXXVIII. *Секунда* былъ нѣсколько человѣколюбивѣе, потому что изъяснился короче. Онъ *Осмерицу* раздѣляетъ на двѣ *Четверицы*, на правую и лѣвую, на свѣтъ и тьму; онъ хочетъ только, чтобы несовершенная и незрѣлая сила происходила не отъ кого либо изъ тридцати Эоновъ, но изъ плодовъ отъ ихъ существей.

XXXIX. Какое между ими разногласіе на счетъ Господа нашего Иисуса-Христа? Одни полагаютъ Его происшедшимъ отъ всѣхъ Эоновъ. Другіе утвержда-

ютъ, что Онъ произведенъ только десятию, рожденными отъ Слова и Жизни: потому-то Слово и Жизнь на Немъ и остановили глаза свои. Нѣкоторые считаютъ Его плодомъ двѣнадцати Эоновъ, рожденныхъ отъ Человѣка и Церкви; а потому наименованъ Онъ и сыномъ человѣческимъ. Прочіе говорятъ, что Онъ произведенъ высшимъ Христомъ и Духомъ Святимъ, которыхъ долгъ пещись о сохраненіи всеобщности, и что Онъ по силѣ правъ Своихъ наследуетъ имя, носимое Отцемъ. Есть и такіе, которые вздумали приписать Сыну человѣческому особое происхожденіе, и, по причинѣ величія таинства имени Его, дерзнули и Самому Отцу дать имя человѣка. О безумецъ! Чего можешь ты ожидать отъ Бога, котораго ты дѣлаешь себѣ равнымъ?

Откуда берутся у нихъ подобныя выдумки? Безъ сомнѣнія отъ нечистаго сѣмени ихъ матери. Такимъ-то образомъ ученіе Валентиціанъ, непрерывно распространяясь и преувеличиваясь, исчезаетъ наконецъ въ дремучемъ сумракѣ Гностиковъ.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОТИВЪ ГЕРМОГЕНА,

или

Противъ вѣчности Матеріи (*).

I. Мы обыкновенно противопоставляемъ еретикамъ, какъ первое ихъ обличеніе, то, что они всегда являются поздно. Дѣйствительно, судя потому, что Истина заблаговременно сказала: *подобаетъ и ересямъ быти*, нельзя не заключить, что всякая ересь есть уже позднѣйшее произведеніе, такъ какъ Истина предувѣдомила насъ о томъ гораздо прежде.

Ученіе *Гермогена* возникло такъ сказать со вчерашняго только дня: онъ человѣкъ нашего времени, живетъ и теперь между нами. Безпокойный умъ его долженъ былъ естественно предназначить его къ ереси. Онъ считаетъ себя краснорѣчивымъ, потому что много говорить. Наглость свою украшаетъ онъ именемъ мужества, а злословіе на счетъ каждаго называетъ подвигомъ чистой совѣсти. Прибавъ къ тому, что онъ занимается живописью языческихъ боговъ, и совѣтуетъ повторять браки. Съ одной стороны обращая законъ Божій въ пользу страстей, а съ другой презирая его

(*) Писана въ 209 году по Р. Х.

въ отношеніи употребленія своего искусства, онъ вдвойнѣ вѣроломствуетъ: тутъ дѣйствуетъ безсовѣстно, а тамъ искажаетъ священное Писаніе; прелюбодѣйствуя съ ногъ до головы и ученіемъ своимъ и своею плотію, онъ то вступаетъ въ союзъ съ людьми, любящими повтореніе браковъ, то явно самъ нарушаетъ правила мнимаго своего апостолства. Но какая намъ нужда до лица? Борьба наша относится собственно къ ученію.

По видимому *Гермогенъ* признаетъ съ нами одного Господа Иисуса-Христа; но на самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ другаго Христа признаетъ. Да что я говорю? Онъ отъемлетъ у Бога все то, что Онъ есть, утверждая, что не изъ ничего сотворилъ Онъ всѣ вообще существа. Дѣйствительно, перешедши отъ Христіанъ къ Философамъ, отъ Церкви въ Академію и въ Портикъ, Онъ попытался вмѣстѣ со Стоиками объявить Матерію современною самому Богу, потому будто бы, что она всегда существовала, никогда не имѣла рожденія, не была сотворена, не имѣетъ ни начала ни конца, и что ею Господь только воспользовался для произведенія всѣхъ вещей.

II. Вотъ какими доказательствами этотъ гнусный живописецъ прикрываетъ свое первое затмѣніе, лишенное всякаго свѣта. Предварительно полагаетъ онъ, что Господь произвелъ всѣ вообще существа или изъ Самаго Себя или изъ ничего, или же изъ чего либо, на тотъ конецъ, чтобы заявивши, что Онъ не могъ сотворить ихъ изъ Самаго Себя и изъ ничего, доказать потомъ остальное, то есть, что Онъ произвелъ ихъ изъ чего либо, а это что либо есть Матерія.

Господь, говоритъ онъ, не могъ извлечь вещей изъ Самаго Себя, потому что существа, извлеченныя изъ сущности Господней, составляли бы частички

Его Самаго. Богъ же не причастенъ никакому отдѣленію: Онъ остается всегда нераздѣльный, неизмѣнный, всегда одинъ и тотъ же въ качествѣ Господа. Сверхъ того, если бы Онъ сотворилъ что либо изъ Себя, то Самъ составлялъ бы уже изъ Себя часть. Тогда надлежало бы почитать несовершеннымъ все то, что бы ни было творимо и что бы Онъ ни творилъ, по той причинѣ, что все творилось бы изъ части, и Онъ творилъ бы все изъ части же. Если бы весь Богъ творилъ вещи изъ Себя, то Онъ былъ бы вмѣстѣ и полнымъ и не полнымъ; полнымъ по предмету усовершенія Себя, не полнымъ по предмету произведенія изъ Себя. Но въ томъ-то и затрудненіе; ибо существуя, Онъ бы всегда Самъ по Себѣ былъ, и ни отъ кого не происходилъ. Не существуя же, Онъ бы и непроизводилъ ничего, потому что не имѣлъ бы существа. Кто всегда существуетъ, тотъ не происходитъ ни отъ кого: онъ существуетъ во вѣки вѣковъ. Слѣдовательно Богъ не произвелъ существъ изъ Самаго Себя, потому что не свойственно естеству Его изъ Себя Самаго ихъ производить.

Что Богъ не могъ сотворить ихъ изъ ничего, *Гермогенъ* пытается доказать это слѣдующимъ образомъ, Богъ добръ и весьма добръ. Онъ желаетъ творить вещи добрыя и весьма добрыя, каковъ Самъ есть, или лучше сказать, Богъ не желаетъ и не творить ничего, кромѣ вещей добрыхъ и весьма добрыхъ. Стало быть всѣ существа, Имъ произведенныя, сообразно естеству Его, должны быть добрыя и весьма добрыя. Но опытъ свидѣтельствуетъ, что иныя произведены Имъ недобрыя и злыя; а это не могло произойти по Его выбору и волѣ, если бы Онъ совѣщался только съ Своимъ выборомъ и волею, и конечно произвелъ бы одно то, что прилично Ему и

достойно Его. Изъ сего должно заключить, что произведенное Имъ не по Своей волѣ сотворено изъ какой либо недоброй и злой сущности, то есть, изъ Матеріи.

III. «*Гермогенъ* присовокупляетъ: Богъ всегда былъ «Богомъ, всегда былъ также Господомъ; не было «мгновенія, когда бы Онъ не былъ Богомъ. Но не «былъ бы Онъ всегда ни Господомъ ни Богомъ, если бы не существовало всегда что либо такое, надъ «чѣмъ бы Онъ всегда былъ Господомъ; а потому Матерія всегда существовала съ Богомъ.»

Поспѣшимъ во первыхъ обратить въ ничто это послѣднее мнѣніе *Гермогена*, которое счелъ я нужнымъ привести здѣсь для людей, не понимающихъ, для чего сдѣлано сіе прибавленіе, дабы они вѣдали, что всѣ другія его умствованія легко могутъ быть отвергнуты, какъ скоро будутъ поняты. Мы объявляемъ, что имя Бога отъ вѣчности было въ Богѣ; но не таково имя Господа, потому что свойство того и другаго различно. Богъ есть имя самой сущности, то есть, божества. Господь, напротивъ того, есть имя не сущности, но могущества: сущность всегда существовала со своимъ именемъ, которое есть Богъ. Имя Господь знаменуетъ вновь произшедшій порядокъ вещей. Съ тѣхъ поръ, какъ явились въ первый разъ существа, надъ которыми открылось могущество Господне, съ тѣхъ только поръ по случаю приращенія сего могущества Онъ содѣлался и наименованъ Господомъ. Богъ есть Судія; но нельзя сказать, чтобъ Онъ всегда былъ Судіею потому только, что всегда былъ Богомъ. Дѣйствительно Онъ не могъ быть Судіею прежде, нежели былъ кѣмъ либо оскорбленъ. Было время, когда не существовало оскорбленій, и не кого было судить. Равнымъ образомъ Онъ не носилъ и имени Господа

прежде, нежели учредилъ владѣніе Свое, надъ которымъ могъ господствовать. Подобно какъ Онъ долженствовалъ быть нѣкогда Господомъ, такъ сдѣлался Онъ въ послѣдствіи и Судіею посредствомъ оказываемыхъ тварями оскорбленій; Онъ сдѣлался Господомъ по поводу тѣхъ тварей, которыхъ сотворилъ для услугъ Своихъ.

«Это чистое мудрованіе, восклицаетъ *Гермогенъ*.»

Нѣтъ! Убѣжденіемъ къ тому намъ служить священное Писаніе, которое ясно раздѣляетъ въ Богѣ эти два имена, и каждое изъ нихъ обозначаетъ въ свое время. Сперва Богъ именуетъ Себя Богомъ, каковымъ Онъ всегда былъ и есть: «*въ началѣ сотвори Богъ небо и землю.*» Потомъ, доколѣ творимы Имъ были существа, надъ которыми долженъ Онъ быть Господомъ, Онъ продолжаетъ говорить просто: «*И рече Богъ . . . И видѣ Богъ . . . И сотвори Богъ*»... Нигдѣ слова нѣтъ о Господѣ. Но какъ скоро сотворилъ Онъ вселенную, особливо человѣка, который одинъ могъ познать Господа своего: то не укоснилъ называть Себя Господомъ, присовокупивъ къ тому и прежнее Свое наименованіе: «*И взя Господь Богъ человѣка, его же созда.*» Съ сего времени Богъ, дотолѣ бывшій только Богомъ, становится Господомъ, устроивъ Себѣ область, надъ которою долженъ былъ господствовать. До тѣхъ поръ Онъ былъ Богомъ такъ сказать для Себя: теперь начинаетъ Онъ быть Богомъ для вещей, содѣлавшихся ихъ Господомъ. Слѣдовательно чѣмъ болѣе кто помышляетъ, что матерія всегда существовала. потому только, что Богъ всегда былъ Господомъ, тѣмъ яснѣе открывается, что ничего прежде не существовало; ибо Богъ не всегда именовался Господомъ.

Къ сему прибавлю еще одно разсужденіе въ поль-

зу людей, не повимающихъ дѣла. *Гермогенъ* считаетъ это послѣднимъ своимъ убѣжищемъ. Я обращаю противъ него собственныя его понятія. «Онъ отрицаетъ, «чтобы Матерія могла быть рождена или сотворена.» Въ такомъ случаѣ я нахожу, что имя Господа равномерно не приличествуетъ Богу въ отношеніи къ Матеріи; ибо необходимость требовала, чтобъ она была свободна (отъ всякаго господства), потому что не имѣя начала, не могла имѣть и Создателя. То, что само собою существуетъ, не покорепо никому и ничему. Стало бытъ какъ скоро Богъ показалъ могущество свое, произведя вещи съ помощію Матеріи; то съ тѣхъ поръ сама она, подвергшись власти Божіей подъ именемъ Господа, неоспоримо доказываетъ, что Богъ не во всѣ времена именовался Господомъ.

IV. Теперь начну я разсуждать собственно о Матеріи, которая со стороны ереси уподобляется Самому Богу, то есть, «будто бы она никогда не была рождена, никогда не была сотворена, не имѣетъ начала и не будетъ имѣть конца.» Какое происхожденіе имѣетъ Богъ, какъ не вѣчность? Какое свойство вѣчности, какъ не то, чтобы всегда быть и впредь всегда существовать по силѣ преимущества, ей принадлежащаго, то есть, не имѣть ни начала ни конца? Если это отличительный атрибутъ Бога: то онъ конечно принадлежитъ Ему одному. Сообщите его кому либо другому: тогда онъ не будетъ уже отличительнымъ атрибутомъ Бога, и раздѣлится между Имъ и тѣмъ лицомъ, которому вы его назначите. *«Аще и суть глаголемии бози или на небеси или на земли, якоже суть бози мнози и господіе мнози: но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся, и мы у Него (1. Корин. VIII. 5 и 6).»* Вотъ сугубая причина, почему у насъ то, что составляетъ отличительный атрибутъ Бога,

принадлежить Ему одному. Сверхъ того атрибутъ, который былъ бы общій Ему и другому, не могъ бы уже быть отличительнымъ Его качествомъ. Когда существуетъ одинъ Богъ, то надобно, чтобъ и качество это было одно, и принадлежало Ему одному. Да и что можно считать единственнымъ и особливимъ, какъ не такое существо, съ которымъ ничего сравнить нельзя? Что можетъ выше быть существа, господствующаго надъ всѣми вещами, отъ котораго всѣ вещи происходятъ! Одинъ Богъ имѣетъ эти атрибуты, и имѣя ихъ, пребываетъ всегда одинъ. Если бы кто другой ихъ имѣлъ, тогда было бы столько боговъ, сколько бы было существъ, пользующихся атрибутами Божиими. Стало бытъ *Гермогенъ* вводить два божества, равняя Матерію съ Богомъ. Богъ необходимо долженъ быть одинъ, потому что Богъ есть верховное Существо. Нѣтъ верховнаго существа, какъ скоро оно не одно. Существо, которому придается другое равное ему существо, перестаетъ быть однимъ. Матерія становится равною съ Богомъ, когда приписывается ей вѣчность.

V. «Но Богъ остается Богомъ, а Матерія Матеріею,» возражаетъ *Гермогенъ*. Какъ будто бы различіе именъ мѣшало равенству, тогда какъ основная сущность одна и таже. Какая нужда, что свойство и видъ отличны, когда сущность одинакова? Богъ не рожденъ. Развѣ Матерія подобно Ему не чужда рожденія? Богъ всегда существовалъ. Развѣ Матерія также всегда не существовала? Тотъ и другая безъ начала и безъ конца, тотъ и другая суть основное начало всѣхъ вообще существъ, то есть, и тотъ, кто ихъ произвелъ, и та, съ помощію которой они имъ произведены. Матерія не можетъ не почестся вино-

впицею всѣхъ вещей, когда доставила свою сущность для образованія общей массы существъ.

Что будетъ отвѣчать *Гермогенъ*? «Не скажетъ ли, «что Матерія, хотя и имѣетъ нѣчто божеское, но не «можетъ уподоблена быть Богу, потому что не имѣя «полноты божества, должна отречься отъ полноты «сравненія?» Но что же онъ предоставилъ лишняго Богу, почему бы можно было судить, что онъ не приписалъ Матеріи всего того, что составляетъ Бога?

«Матерія, говоритъ онъ, будетъ управлять собою «такъ, что власть и сущность Божія останутся не- «прикосновенными въ отношеніи къ тому, чтобъ Онъ «почитаемъ былъ однимъ и первымъ виновникомъ, «такъ какъ и Господомъ всѣхъ вещей.»

Но истина въ защищеніе единства Божія требуетъ, чтобы то, что составляетъ Бога, принадлежало Ему одному. Вещь будетъ принадлежать Ему тогда только, когда сдѣлается принадлежностію Его одного. Отсюда происходитъ, что невозможно признать другаго Бога, кромѣ одного, по той причинѣ, что никому и ничему не дано рѣшительно ничего, что составляетъ Бога.

«Какъ же, говоришь ты? Развѣ мы не имѣемъ чего либо отъ Бога?» — Безъ сомнѣнія имѣемъ и будемъ имѣть, но въ видѣ заимствованія, а не въ качествѣ собственности. Дѣйствительно мы будемъ богами, если заслужимъ быть такими, какими Богъ благовременно возвѣстиялъ: *«Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси . . . Богъ ста въ сонмъ боговъ»* (Псал. LXXXI. 1 и 6).» Но все это было и будетъ даромъ Его благодати, а отнюдь не нашею собственностію: Онъ одинъ творитъ боговъ. Ты же напротивъ того приписываешь Матеріи въ собственность то, что у пей считаешь общаго съ Богомъ. Если дѣйствительно она

получила то, что отличаетъ Бога, я хочу сказать, атрибутъ вѣчности: то надобно заключить, что она имѣетъ и имѣеть общее съ Богомъ начало и не есть Богъ. Какое противорѣчіе и несообразность присвоивать Матеріи общее съ Богомъ начало, и не хотѣть, чтобы это начало, въ которомъ *Гермогенъ* не отказывается и Матеріи, было исключительнымъ преимуществомъ Бога!

VI. *Гермогенъ* продолжаетъ: «Богу предоставляется «быть первымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ «вещей, быть Господомъ всего, быть въ всякаго сравненія, съ кѣмъ бы то ни было.» Въ слѣдъ же за симъ онъ воздаетъ тѣ же почести и Матеріи. — *Азъ есмь Господь Богъ твой*, возглаголюетъ Всемогуцій, и неоднократно подтверждаетъ съ клятвою: *нѣсть иного Бога, развѣ Мене*. Но *Гермогенъ* торжественно сіе отрицаетъ; ибо у него Матерія становится равною Богу, никогда не была ни сотворена ни рождена, не имѣетъ ни начала ни конца. Богъ скажетъ: *Азъ есмь первый*. Но какъ Ему быть первымъ, когда Матерія съ Нимъ совѣчна? Между существами совѣчными и современными нѣтъ старшинства, и Матерія также можетъ называть себя первою. *Азъ единъ простеръ небеса*. Неправда: Ты простеръ ихъ съ Матеріею, которая снабдила Тебя всѣмъ тѣмъ, что было къ тому потребно. — Когда *Гермогенъ* объявляетъ, что Матерія существуетъ безъ вреда для сущности Божіей: то и мы въ правѣ возразить, что Богъ существовалъ безъ вреда для сущности Матеріи; но дѣло въ томъ, была ли сущность ихъ одинакова. Стало быть Матерія по мнѣнію его будетъ существовать всегда, но съ Богомъ, равно какъ и Богъ будетъ единымъ, но съ Матеріею. Она будетъ первою съ Богомъ, потому что Богъ съ нею будетъ первымъ. Она можетъ сравнена быть съ Богомъ, потому что Богъ съ нею сравненъ быть мо-

жетъ. Она виновница вселенной съ Богомъ: она съ Нимъ верховное существо. Вотъ какимъ образомъ Богъ заимствуетъ нѣчто отъ Матеріи, по не все, что ее составляетъ. *Гермогенъ* не предоставилъ Богу ничего такого, чего бы не приписалъ равномѣрно и Матеріи, такъ что Матерія въ меньшемъ разстояніи находится отъ Бога, нежели Богъ отъ Матеріи. Слѣдовательно такъ какъ отличительные атрибуты Божіи, напимѣръ не имѣть ни начала ни конца, всегда существовать, быть первымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ вещей, приличествуютъ въ равной степени и Матеріи: то я спрашиваю, гдѣ тутъ отличныя и особыя у Бога качества, которыми бы Матерія не обладала, и которыя мѣшали бы ей быть сравниваемою съ Богомъ? Гдѣ находятся атрибуты, свойственные Богу, тамъ кажется и все прочее сходствуетъ.

VII. «Если *Гермогенъ* станетъ говорить, что Матерія меньше Бога, что она ниже Его, и что слѣдовательно различествуетъ съ Нимъ, а потому и не «можетъ» сравниваема быть съ существомъ, гораздо «ея большимъ и превосходнѣйшимъ:» то я противопоставлю ему слѣдующее. То, что вѣчно и не сотворено, не терпитъ ни уменьшенія ни униженія, потому что это преимущество даруетъ Богу все то, что Онъ есть, то есть, даруетъ такое существо, которое не можетъ ни унижено быть ни передъ кѣмъ, ни быть покорено ни кому: мало того, оно должно быть больше, выше всего. Подобно какъ всѣ существа, раждающіяся и умирающія, и потому не вѣчныя, по той причинѣ, что качество вѣчности состоитъ въ томъ, дабы не имѣть ни начала ни конца, содержатъ въ себѣ со времени происхожденія своего то, что противно Богу, я хочу сказать, уменьшеніе и униженіе: такъ равномѣрно и Богъ отвергаетъ то и другое все—

совершенно, потому что Онъ не рожденъ и не сотворенъ. Такова должна быть сущность и Матеріи, если она вѣчна. Слѣдовательно два эти существа, вѣчныя, не рожденные и не сотворенныя, Богъ и Матерія, обладаютъ по причинѣ общности ихъ существа тѣмъ, что не терпятъ ни уменьшенія ни униженія, то есть, обладаютъ вѣчностію. Почему мы и утверждаемъ, что изъ нихъ одно не меньше и не больше, не выше и не ниже, какъ другое, по что оба они равно велики, равно высоки, равно наслаждаются тѣмъ совершеннымъ и ненарушимымъ блаженствомъ, которое именуется вѣчностію. Мы не станемъ тутъ уподобляться тѣмъ народамъ, которые, будучи принуждены признать какого либо Бога, не пропускаютъ случая помѣщать его ниже другихъ боговъ. Божество не имѣетъ степеней, потому что оно одно. Если оно находится въ Матеріи, такъ какъ она не рождена, не сотворена и обладаетъ вѣчностію: то божество должно обрѣтаться въ ней со всѣхъ сторонъ, потому что нигдѣ не можетъ оно быть ниже того, что оно есть. Какимъ же образомъ *Гермогенъ* смѣетъ полагать тутъ различіе? Какъ смѣетъ онъ матерію покорять Богу, вѣчную покорять вѣчному, несотворенную покорять несотворенному, виновнику вещей покорять виновнику тѣхъ же вещей! Развѣ не можетъ она сказать: я сама первая, я была прежде всего, отъ меня происходятъ всѣ вещи; мы равны, мы существовали вмѣстѣ, мы оба безъ начала и конца, у обоихъ насъ нѣтъ Создателя, нѣтъ Бога? Какой Богъ въ состояніи подчинить меня Богу современному, совѣчному? Не потому ли, что Онъ именуется Богомъ? Но и у меня есть свое имя, или лучше сказать, я богъ, а онъ матерія, потому что оба мы одно и тоже. Послѣ сего можно ли усомниться, что еретикъ не возвысилъ Ма-

теріи до самого Бога, хотя притворно ее и подчиняетъ Ему?

VIII. Мало того. Онъ ставитъ матерію выше Бога самого, и требуя, чтобы Богъ произвелъ все посредствомъ матеріи, подчиняетъ Бога матеріи, а не матерію Богу. Дѣйствительно, если Богъ воспользовался матеріею для сотворенія вселенной: то она становится выше Его, потому что доставляетъ Ему элементы для Его дѣйствій, и Богъ подчиняется Матеріи, потому что не можетъ обойтись безъ ея сущности, имѣя въ ней крайнюю надобность. Кто въ комъ надобность имѣетъ, тотъ тому дѣйствительно подчиненъ. Кто пользуется чужимъ имуществомъ, тотъ не можетъ не быть ниже владѣльца его. Кто кому дозволяетъ употреблять то, что принадлежитъ ему, тотъ конечно выше получившаго отъ него на то право. Изъ сего слѣдуетъ, что Матерія не имѣла надобности въ Богѣ; но тому Богу, который въ ней надобность имѣлъ, оказала она всю свою благосклонность и щедрость, какъ низшему себя; Богъ же былъ столько слабъ и не искусенъ, что не могъ изъ ничего произвести желаемыхъ Имъ вещей. Какую великую и значительную услугу она доставила Богу! Черезъ нее Онъ получилъ удобство явить свое божество и огласить всемогущество свое, хотя впрочемъ Онъ и не всемогущъ, когда не могъ извлечь изъ ничтожества всѣхъ вещей! По крайней мѣрѣ Матерія чрезъ сіе приобрѣла то право, что признана современною и равною Богу, или лучше сказать, покровительницею Его, хотя и признана такою однимъ только *Гермогеномъ* и языческими философами, патріархами еретиковъ; тайна же эта осталась сокровенною и для Пророковъ и для Апостоловъ и вѣроятно для самого Іисуса-Христа.

IX. *Гермогенъ* не можетъ ничѣмъ подтвердить,

чтобы Богъ для сотворенія міра воспользовался Матеріею въ качествѣ Господа: Богъ не могъ быть Господомъ сущности, Ему равной. Но Онъ вѣроятно воспользовался ею по уступочному праву, то есть, не въ видѣ собственно владѣтеля принадлежащаго Ему имѣнія, но по такому уступочному праву, что не взирая на всѣ недостатки Матеріи, Онъ рѣшился употребить въ дѣло дурную и злую сущность, побуждаясь къ тому видно не дѣйствіемъ Своего могущества, а чувствомъ слабости Своей, препятствовавшей Ему сотворить вещи изъ ничего; ибо если бы Онъ могъ въ качествѣ Бога повелѣвать Матеріею, которую почиталъ дурною: то, какъ Господь, безконечно благій, онъ началъ бы съ того, что исправилъ бы недостаточество естества ея, дабы употребить въ дѣло сущность добрую, а не злую или дурную. Между тѣмъ такъ какъ Онъ былъ тутъ только благъ, а не Господь: то употребилъ ее въ такомъ видѣ, въ какомъ ее нашелъ, показавши чрезъ то, что принужденъ былъ покориться естеству Матеріи; ибо будучи ея Господомъ, онъ бы преобразовалъ ее. Такъ, а не иначе, должно отвѣчать *Гермогену*, когда онъ утверждаетъ, что Богъ употребилъ Матерію въ качествѣ Господа, а не какъ такую вещь, которая Ему принадлежитъ, потому что она Имъ не сотворена. Изъ сего слѣдовало бы, что зло происходитъ отъ Бога; ибо хотя Онъ и не виновникъ его, потому что не Онъ его сотворилъ, но Онъ попускаетъ его, потому что есть Господь. Если же напротивъ того Матерія не принадлежитъ Богу, поколику не принадлежитъ Ему и зло: то, пользуясь имуществомъ другого, Богъ долженъ бы былъ или заимствоваться имъ по праву терпимости, имѣя въ немъ надобность, или насильственно имъ завладѣть по праву сильнаго. Имущество

Другаго обыкновенно берется тремя способами, или по праву собственности, или по уполномочию, или вооруженною рукою, то есть, по владѣнію, по уступочному праву, или по насильству. Здѣсь овладѣніи рѣчи нѣтъ. За симъ *Гермогенъ* можетъ самъ опредѣлить, какимъ образомъ приличнѣе было Богу употребить къ сотворенію міра первобытную Матерію, по уступочному ли праву, или же по насильству.

Х. Но не поступилъ ли бы Богъ благоразумнѣе, не творя всѣмъ ничего, нежели творя что либо по уступочному праву или по насильству, и притомъ творя это изъ дурной сущности? Полагая даже, что Матерія безконечно добра, не долженъ ли бы Онъ былъ почестъ недостойнымъ для Себя творить что бы то ни было изъ чужаго имущества, какъ бы оно ни было прекрасно? Видно не достало въ Немъ благоразумія, когда, сотворивши міръ для славы Своей, Онъ успѣлъ только доказать, что былъ займщикомъ чужой сущности, да и то не доброй.

«Нужно ли было, возражаетъ *Гермогенъ*, чтобы «Богъ сотворилъ всѣ вещи изъ ничего на тотъ копецъ, дабы всякое зло приписано было Его волѣ!»

Подлинно ослѣпленіе еретиковъ должно быть слишкомъ велико, когда они предполагаютъ, будто есть другой Богъ благій и преблагій, считая Создателя міра виновникомъ зла, или когда Матерію возводятъ до самаго Бога, дабы зло происходило не отъ Бога, а отъ Матеріи; ибо никакой Богъ не можетъ изъять быть отъ подобнаго обвиненія, и непременно сочтенъ будетъ за виновника зла, какъ скоро, хотя Самъ и не станетъ его творить, но попуститъ кому либо и какимъ либо образомъ производить его. И такъ, пока мы въ другомъ мѣстѣ опредѣлимъ и объяснимъ причину и источникъ зла, да вѣдаетъ *Гермогенъ*, что богохуль-

ство его ни къ чему не служить. Да и въ самомъ дѣлѣ Богъ становится если не производителемъ, то одобрителемъ зла, отъ того, что не смотря на Свою безпредѣльную благодѣтельность, столь долгое время прежде сотворенія міра, терпѣлъ и сносилъ превратность Матеріи, которую въ качествѣ Бога, поборника добра и противника зла, долженъ бы былъ давно исправить. Нѣтъ середины: или Онъ могъ ее исправить, но не хотѣлъ, или хотѣлъ, но не могъ, будучи безсильнымъ богомъ. Если Онъ могъ, но не хотѣлъ, то долженъ быть Самъ не добръ, потому что благопріятствовалъ злу. Тогда можно считать Его за виновника зла; ибо, хотя бы Онъ его и не сотворилъ, но если бы захотѣлъ, то не допустилъ бы существовать ему: стало быть Онъ создалъ его, когда дозволилъ ему имѣть бытіе. Можно ли же представить себѣ что либо несообразнѣе? Если Онъ хотѣлъ, чтобы существовала вещь, которую отрекся произвести собственными руками: то Онъ впалъ тутъ въ явное съ Самимъ Собою противорѣчіе, желая, чтобы существовало такое существо, котораго произвести не хотѣлъ, и не желая произвести такого существа, котораго бытіе Ему угодно было. То, что признано Имъ не добрымъ, потому что Онъ произвести его отрекся, то самое сочтено Имъ добрымъ, потому что Онъ дозволилъ ему существовать. Перенося зло, какъ пѣчто доброе, вмѣсто немедленнаго его уничтоженія, Онъ дѣлается поборникомъ его: это такъ сказать злодѣйство, когда была на то Его воля; стыдъ и поношеніе, когда произошло то по нуждѣ. Словомъ сказать, Богъ становится рабомъ или покровителемъ зла, какъ скоро живетъ въ сообществѣ съ Матеріею, а тѣмъ паче когда употребляетъ въ дѣло превратную или дурную Матерію.

XI. Но гдѣ же доказательства *Гермогеновы*, кото-

рыя бы увѣрили насъ, что Матерія дурна или зла? Нельзя ему впрочемъ не называть дурнымъ того, что онъ считаетъ зломъ. Мы приняли уже за правило, что все, неподверженное ни уменьшенію ни униженію, не можетъ признаваемо быть низшимъ противу того, что ему совѣчно. Слѣдовательно мы говоримъ, что и зло Богу равнымъ образомъ не приличествуетъ, потому что если Онъ обладаетъ вѣчностію, то не можетъ быть ниже того, что не терпитъ никакого рода униженія. Но такъ какъ уже доказано, что существо вѣчное, каковъ есть Богъ, будучи одинъ, поколику вѣченъ, и благъ, поколику Богъ, въ высочайшей степени есть существо благое: то какимъ образомъ Матерія, долженствующая по вѣчности своей считаться также существомъ всеблагимъ, можетъ признаваема быть зломъ? Въ противномъ случаѣ, если то, что вѣчно, можетъ считаться зломъ, тогда и зло это, какъ нѣчто вѣчное, останется несокрушимымъ и неодолимымъ. Изъ чего должно заключить, что мы тщетно стараемся искоренить зло между нами, что тщетно Богъ намъ то предписываетъ, тщетно угрожаетъ быть тутъ судіею: наказанія Его будутъ несправедливы. Если же зло должно прекратиться въ то время, когда діаволь, вождь его, заключенный нынѣ въ кладязь бездны, поверженъ будетъ во огонь, уготованный отъ Бога ему и ангеламъ его, когда явленіе сыновъ Божіихъ освободитъ всякую тварь отъ зла, потому что она также *подверглась суетѣ*, когда скоты, воспріавъ первоначальную свою повинность и непорочность, станутъ пастись вмѣстѣ съ хищными звѣрями, и младое дитя возложитъ руку на аспида, когда Отецъ повергнетъ къ подножію ногъ Сыновнихъ всѣхъ съ Нимъ боровшихся, то есть, производителей зла,—словомъ сказать, если зло должно имѣть конецъ, то оно

по необходимости имѣло и начало. Въ такомъ случаѣ и Матерія равномерно имѣла начало, потому что съ прекращеніемъ зла должна и она кончиться; ибо что почитается за зло, то должно и участвовать въ сущности зла.

ХП. Но пусть Матерія будетъ дурна или зла, и весьма зла, разумѣется по естеству своему, подобно какъ Богъ благъ, и весьма благъ, также по Своему естеству. Надобно непремѣнно, чтобъ естество пребыло твердымъ и опредѣлительнымъ, столько же постоянно неразлучнымъ со зломъ въ Матеріи, сколько непоколебимымъ и неизмѣннымъ во благѣ у Бога. Если бы естество въ Матеріи могло перейти отъ зла къ добру, тогда бы оно и въ Богѣ перейти могло отъ добра ко злу.

«Но когда естество, скажетъ иной, не терпитъ «перемѣны, тогда ни камни не могутъ воздвигнуть чадъ «Аврааму, ни сѣмя ехиднило породить плодовъ покаянія, ни чада гнѣва содѣлаться чадами міра.—»

Ты приводишь эти примѣры безъ всякаго основанія. Вещи, имѣющія начало, каковы камни, ехидны и люди, ничего общаго не имѣютъ съ Матеріею, которая по твоему мнѣнію не сотворенна. Именно потому, что тѣ имѣли начало, она не можетъ имѣть конца. Не забудь притомъ, что Матерія однажды навсегда признава отъ тебя вѣчною, потому что у ней нѣтъ ни Создателя, ни начала, и что слѣдовательно надлежитъ почитать естество ея неизмѣннымъ и нетлѣннымъ, какъ то полагаешь и самъ ты, отрицая, чтобы Богъ могъ произвести что либо изъ Себя Самаго, такъ какъ вѣчное существо не измѣняется, и потеряло бы нѣчто изъ того, что оно есть, сдѣлавшись чрезъ измѣненіе тѣмъ, что оно не есть, если бы не было

вѣчнымъ; въ отношеніи же къ вѣчному Господу, Онъ не можетъ инымъ быть, какъ каковъ есть.

Я опровергну *Гермогена* собственнымъ его объясненіемъ. Матерія подвергается порицанію съ той уже стороны, что Богъ извлекаетъ вещи добрыя и весьма добрыя изъ Матеріи дурной и весьма дурной. «И видѣ *Богъ* вся, елика сотвори, и се добра злы, и благослови «я,» вѣроятно благословилъ потому, что все было хорошо, а не дурно. Стало быть Матерія получила преобразование; а если такъ, то лишилась и основнаго существа вѣчности, то есть, съ переменною вида, уничтожилась. Но вѣчность не можетъ погибнуть, потому что если она не негибнуща, то уже есть не вѣчность. Слѣдовательно она не могла подвергнуться ни какому преобразованію, потому что если вѣчность существуетъ, то она измѣниться не можетъ.

XIII. Но можетъ быть спросить кто: «какимъ образомъ твари, не получившія преобразованія, могли «родиться добрыми, происходя отъ Матеріи? Какимъ образомъ сѣмя доброе и весьма доброе могло заключаться въ томъ, что дурно и весьма дурно?» Безъ сомнѣнія доброе дерево не производитъ плодовъ дурныхъ, потому что безъ доброты нѣтъ Бога, равно какъ и дурное дерево не производитъ плодовъ добрыхъ, потому что нѣтъ Матеріи, если она не дурна. Или нѣтъ: придадимъ ей частичку добра. Тогда она перестанетъ имѣть однообразное естество, то есть, перестанетъ быть совершенно дурною, и облечется въ двойное естество, отчасти доброе и отчасти дурное.

Тутъ опять спросить кто либо: «могутъ ли въ предметѣ добромъ и дурномъ соединяться вмѣстѣ свѣтъ «и тьма, сладость и горечь?» Если столь различныя вещи, какъ добро и зло, могутъ дѣйствительно соединены быть въ Матеріи, и составлять двойственное

естество, обилующее плодами того и другаго рода, въ такомъ случаѣ нельзя уже будетъ приписывать единственно Богу добро, подобно какъ не приписывается Ему и зло. То и другое, происходя отъ качества Матеріи, будетъ равномѣрно и ей принадлежать. Тогда не будетъ у насъ никакого повода ни благодарить Бога за добро, ни жаловаться Ему на зло. Онъ ничего не будетъ дѣлать по Своей волѣ. Послѣ сего что же Онъ, какъ не рабъ Матеріи?

XIV. Сколько бы кто ни утверждалъ, что, производя добро изъ Матеріи, Богъ властенъ выбирать и творить то, что въ Матеріи есть лучшаго, хотя и это уже для Бога не умѣстно; но вѣрно и неоспоримо то, что Онъ, извлекая зло изъ Матеріи, особливо противъ Своей воли, дѣлается рабомъ Матеріи, потому что, будучи благимъ, долженъ извлекать зло изъ дурной сущности противъ воли: Онъ тутъ поступаетъ или по необходимости, когда противъ воли это дѣлается, или по причинѣ Своего рабства, когда повинуется необходимости. Что хорошаго въ обонхъ случаяхъ: творить ли зло по необходимости или по волѣ? Если Онъ извлекаетъ его изъ Матеріи, то это необходимость; если творить изъ ничего, то на то есть Его воля. И такъ напрасно защищаешь ты Бога отъ упрека въ произведеніи зла. Какъ скоро Онъ извлекъ его изъ Матеріи: то зло должно приписано быть сотворшему его, покуда Онъ былъ тутъ дѣйствующею причиною. Конечно есть различіе въ томъ, извлекъ ли Онъ его изъ чего либо или произвелъ изъ ничего. Но какая нужда, откуда бы Онъ ни извлекъ его, лишь бы извлекъ изъ того, что было для Него приличіе и достойнѣе? Достойнѣе же всего было то, чтобы сотворить его по Своей волѣ, а не по необходимости, то есть, произвести изъ ничего, а не изъ Матеріи. Благоразуміе

также должно полагать, что Богъ былъ свободенъ, а не рабъ при сотвореніи зла: какое бы ни было Его могущество, всегда принадлежитъ Ему болѣе могущество, нежели слабость.

Но когда мы положимъ съ одной стороны, что Матерія не заключаетъ въ себѣ ничего добраго, а съ другой, что Богъ все доброе произвелъ изъ собственного естества: то тутъ откроются новыя затрудненія. Во первыхъ, если нѣтъ никакого рода добра въ Матеріи: то стало быть оно отъ нея и не произошло, потому что въ ней не было ни малѣйшаго его зародыша. Во вторыхъ, если добро не произошло отъ Матеріи: то стало быть произошло отъ Бога. Если же оно не произошло и отъ Бога: то произошло видно отъ ничтожества. Судя по системѣ *Гермогена*, инаго заключенія сдѣлать нельзя.

XV. И такъ если добро не есть произведеніе Матеріи, потому что въ ней его нѣтъ, и что она дурнаго свойства, и если добро не происходитъ также и отъ Бога, потому что Онъ по мнѣнію *Гермогена* Самъ Собою ничего не можетъ творить: то изъ того слѣдуетъ, что добро произведено изъ ничтожества, потому что не произведено ни кѣмъ, ни Богомъ ни Матеріею. Но если добро есть произведеніе ничтожества: то почему и злу отъ него не произойти? Мало того: почему и всѣ вообще твари отъ ничтожества не произошли, когда что нибудь произошло отъ него? Видно могущество Божіе, произведя что либо изъ ничего, бессильно было произвести изъ него всѣ вещи. Не скажетъ ли кто, что добро произошло отъ дурной Матеріи, потому что не произошло ни отъ ничтожества ни отъ Бога? Въ такомъ случаѣ надобно, чтобы вопреки неизмѣнности, составляющей преимущественно принадлежность вѣчности, происхожденіе добра заключа-

лось въ преобразованіи Матеріи. *Гермогенъ* пожалуй станетъ тотчасъ отрицать, чтобы добро могло произойти отъ Матеріи. Надобно однакожъ, чтобы оно происходило отъ какой либо изъ тѣхъ вещей, отъ которыхъ не хочегь онъ, чтобы оно происходило.

Впрочемъ если зло не могло произойти отъ ничтожества безъ того, чтобы Богъ не былъ виновникомъ его, по той причинѣ, что тогда оно причтено бы было къ Его волѣ, или если должно приписать его Матеріи; тогда бы оно принадлежало къ сущности, его породившей. Богъ и по сей системѣ, какъ я выше сказалъ, почитаемъ будетъ виновникомъ зла, потому что вмѣсто извлеченія изъ Матеріи по Своему могуществу и волѣ одного добра, и ничего болѣе, кромѣ добра, какъ слѣдовало, Онъ изъ нея извелъ вещи единственно не добрыя, и даже дурныя, желая видно, чтобы вещи были дурны, если бытіе ихъ зависѣло отъ Него, или считая Себя безсильнымъ произвести что либо иное, кромѣ добра, если Онъ того хотѣлъ, но не произвелъ; ибо все равно, по безсилію ли или по волѣ былъ бы Богъ виновникомъ зла.

Какой поводъ имѣлъ Богъ, сотворивши добрыя вещи въ качествѣ благаго Бога, произвести потомъ зло, какъ будто въ Немъ не достало уже благодати, когда Онъ не ограничился твореніями, сообразными естеству Его? Совершивши дѣло Свое, какую надобность имѣлъ Онъ дѣйствовать въ пользу Матеріи, и сотворить потомъ зло, дабы одному Ему прослыть благимъ въ отношеніи къ сдѣланному Имъ добру, между тѣмъ какъ Матерія не была бы признана дурною въ отношеніи къ злу, ею порожденному? Добро конечно имѣло бы гораздо болѣе цѣны безъ заразительнаго дыханія зла. Но *Гермогенъ* уничтожаетъ доводы тѣхъ лицъ, которые думаютъ, что зло

нужно было для того, дабы лучше могло выказаться добро, сіяющее наиболѣе отъ противоположностей. Стало быть не по сей причинѣ сотворено зло, или если былъ другой какой къ тому поводъ, то почему не могло оно быть произведено изъ ничтожества? Богъ избавился бы отъ упрека, что Онъ творецъ зла, по той же причинѣ, по которой нынѣ извиняется и въ томъ, что производитъ зло изъ Матеріи. Если же это такъ: то справедливо и то, что настоящій вопросъ подвергается многостороннимъ измѣненіямъ противъ воли тѣхъ людей, которые, не изслѣдывая различія зла, и не зная, приписать ли его Богу или отдѣлить отъ Него, вводятъ только Бога въ многочисленныя и неприличныя достоинству Его противорѣчія.

XVI. Въ заключеніе сего разсужденія, къ которому можетъ быть придется мнѣ и впредь обратиться, я объявляю, что самая необходимость требуетъ приписать или Богу то добро и зло, которое Онъ извлекъ изъ Матеріи, или Матеріи, изъ которой Онъ произвелъ и то и другое, или обоимъ имъ вмѣстѣ, потому что оба они взаимно должны тутъ участвовать, то есть, какъ тотъ, кто, производитъ, такъ и та, чрезъ которую онъ производитъ, или же наконецъ каждому изъ нихъ назначить особый свой удѣлъ; ибо третьяго послѣ Бога и Матеріи нѣтъ никого. Станете ли вы считать добро и зло принадлежностію Бога: тогда Богъ окажется виновникомъ зла; а Богъ всеблагій Творцемъ зла быть не можетъ. Будете ли добро и зло приписывать Матеріи: тогда Матерія сдѣлается основнымъ началомъ добра; а Матерія, будучи дурнаго свойства, не можетъ никогда быть основою добра. Скажете ли, что то и другое относится къ нимъ обоимъ: въ такомъ случаѣ матерія поставится паравнѣ съ Богомъ, тотъ и другая будутъ одинаковыми; тотъ и

другая участвовать будутъ въ добрѣ и злѣ; а Матерія не можетъ уподоблена быть Богу безъ того, чтобы не вышло двухъ божествъ. Назначите ли одному одно, а другой другое, то есть, Богу добро, а Матеріи зло: тогда зло не приишется прямо Богу, а добро не приишется прямо Матеріи, но Богъ, извлекиши изъ Матеріи добро и зло, окажется Творцемъ обоихъ ихъ совокупно съ Матеріею. Если это такъ: то я не понимаю, чѣмъ можетъ *Гермогенъ* поддержать свое мнѣніе, не желая, чтобы Богъ былъ виновникомъ зла, и вмѣстѣ съ тѣмъ полагая, что Онъ производитъ его изъ Матеріи, какъ бы то ни было, по волѣ ли Своей, или по необходимости, или же по другому какому побужденію. Если тотъ, кто творитъ, есть виновникъ зла: то пріобщать къ нему Матерію, дабы она доставила ему потребные къ тому элементы своей сущности, значитъ тоже, что уничтожить причину употребленія тутъ Матеріи. Дѣйствительно если Матерія является здѣсь только для того, чтобы защитить Бога отъ упрека въ произведеніи зла: то за всѣмъ тѣмъ Онъ остается виновникомъ зла даже и въ присутствіи Матеріи. Такимъ образомъ когда исключится Матерія, то чрезъ то самое, что исчезнетъ надобность въ ея присутствіи, не останется ничего инаго предположить, какъ что Богъ произвелъ всѣ вещи изъ ничего. Но сотворилъ ли Онъ вкупѣ и зло? Мы увидимъ то, когда изслѣдуемъ, существуетъ ли зло, и точно ли то, что ты такъ называешь, есгь дѣйствительное зло. Впрочемъ приличіе для величія Божія все, даже и зло, создать изъ ничего, нежели творить что либо на чужій счетъ, если то правда, что пужна была Ему тутъ помощь Матеріи. Свобода, а не необходимость приличествуетъ Богу. Лучше, чтобъ Онъ восхотѣлъ

произвести зло Самъ Собою, нежели, чтобы побужденъ былъ къ тому случайно.

XVII. Сущность единого Бога требуетъ неизбежно слѣдующаго условія. Онъ есть одинъ, потому что другаго нѣтъ; другаго нѣтъ, потому что съ Нимъ никто сосущественъ быть не можетъ; Онъ первый, потому что все было послѣ Него; все было послѣ Него, потому что все отъ Него происходитъ; все отъ Него происходитъ, потому что все произведено изъ ничего, такъ что въ священномъ Писаніи весьма справедливо сказано: *«кто уразумѣ умъ Господень, и кто совѣтникъ Ему бысть, иже научаетъ Его, или съ кимъ советова, и настави и? Или кто показа Ему судъ, или путь разумнѣя кто показа Ему, или кто прежде даде Ему, и воздастся Ему (Исаіи XL. 13 и 14)?»* Вѣроятно никто, потому что для вспомошествованія Ему не существовало никакой силы, никакой Матеріи, никакой сущности, какая бы она ни была. Если бы Онъ дѣйствовалъ надъ первобытною Матеріею: то надлежало бы Ему воспріять о томъ мысль и способъ устройства избрать какъ бы путь разумнѣя и мудрости. Ему слѣдовало бы для произведенія своихъ дѣйствій совѣщаться гораздо болѣе съ качествомъ и естествомъ Матеріи, нежели съ Своею волею. Можно прямо сказать, что Онъ творилъ бы въ семъ случаѣ зло въ слѣдствіе расположенія къ тому Матеріи, и тутъ собственное естество Его не имѣло бы никакого участія.

XVIII. Если Матерія нужна была Богу для сотворенія нашего міра, какъ полагаетъ *Гермогенъ*: то видно Богъ имѣлъ для того Матерію несравненно достойнѣйшую и благороднѣйшую, о которой должно спрашивать не у Философовъ, но у Пророковъ: я говорю

о премудрости Его, которая одна можетъ провидѣть намѣренія Господни. Кто вѣдаетъ, что есть Божіе и что есть въ Богѣ, кромѣ Духа, въ Немъ обитающаго? Духъ Божій, премудрость Божія, были Его совѣтниками: Онъ шествовалъ путемъ премудрости и разумія. Посредствомъ премудрости и вмѣстѣ съ премудростію Онъ сотворилъ всѣ вещи. *«Егда готовяше небо, говорить она, съ Нимъ бѣхъ; и егда отлучаше престолъ Свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, и егда тверды полагаше источники поднебесныя, и егда полагаше морю предѣлы его, да воды не мимо идутъ устъ его, и крѣпка творяше основанія земли, бѣхъ при Немъ устроая: Азъ бѣхъ, о ней же радовался, на всякъ же день веселяхся предъ лицемъ Его на всяко время, егда веселяшеся, вселенную совершивъ, и веселяшеся о сынѣхъ человеческихъ (Притч. Сол. VIII. 27—31).* Кто охотнѣе не признаетъ эту премудрость основою и источникомъ всѣхъ вещей, то есть, такую Матерію изъ Матерій, которая не была ниже самой себя, не разнствовала въ своей сущности, которой не колебало непрерывное волненіе, не безчестилъ грубый, врожденный наружный видъ, которая собственно себѣ принадлежала, всегда была разумна и отлично хороша, словомъ сказать, такую Матерію, въ какой имѣлъ надобность Богъ, любящій то, что принадлежитъ Ему, а не другому кому. Признавши, что она пужна Ему была для соговоренія вселенной, Онъ не укосилъ приступитъ къ созиданію вещей вообще, и къ рожденію премудрости въ Себѣ Самомъ. *«Господь, сказано тамъ же, созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Свои; прежде вѣкъ основа мя: въ началѣ прежде неже землю сотвориши, и прежде неже бездны содѣлати, прежде неже произыти источникомъ водъ, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ мя.»*

Да познаетъ же *Гермогенъ* причину, почему сказано о премудрости Божіей, что она рождена или создана. Причина та, чтобы люди въ точности были увѣрены, что нѣтъ ничего, что не было бы произведено и не имѣло бы начала, кромѣ единого Бога. Если въ самомъ дѣлѣ то, что рождено въ самомъ Богѣ и рождено отъ Него, имѣло свое начало, то есть, если самая премудрость рождена или создана въ то время, какъ начала она двигаться въ мысли Божіей для устройства всѣхъ дѣйствій въ нашемъ мірѣ: то тѣмъ паче не возможно подумать, чтобы что либо, существующее внѣ Господа, не имѣло начала. Но когда та же самая премудрость есть Слово Божіе, Слово, то есть, Премудрость, безъ котораго или безъ которой *ничто же есть, еже есть*, подобно какъ безъ премудрости ничто также и предпринято не было: то какимъ образомъ можно предполагать, чтобы существовала какая либо вещь, исключая Бога Отца, которая бы была древнѣе едиnorodнаго Сына Божія и благороднѣе Его. Не уже ли усомнимся мы, что не сотворенное и не созданное могущественнѣе сотвореннаго и созданнаго? Вещь, не имѣющая для бытія своего надобности ни въ какомъ Создателѣ, должна быть гораздо высшаго разряда противъ вещи, въ Создателѣ надобность имѣющей. Следовательно если зло не сотворено, а слово Божіе рождено (*отрыгну сердце мое слово благо*, сказано въ XLIV. Псалмѣ): то я не понимаю, какъ можетъ зло быть произведеніемъ добра, сильнѣйшее быть плодомъ слабѣйшаго, не сотворенное происходить отъ сотвореннаго. Стало быть *Гермогенъ* ставитъ Матерію выше Бога Отца, ставя ее выше Сына Божія. *Въ началѣ бѣ Слово* (Сынъ Божій), *и Богъ бѣ Слово*.—*Азъ и Отецъ едино есмы*, говоритъ Онъ. Онъ впрочемъ смотритъ хладнокровно

на то, что Ему предпочитается Матерія, которую еретики равняютъ съ Богомъ Отцемъ.

XIX. Обращаюсь къ книгамъ *Моисеевымъ*, въ которыхъ описано наше происхожденіе, и которыми наши противники стараются, хотя и тщетно, подкрѣпить жалкія свои догадки, опасаясь быть обличены тѣмъ, чѣмъ и должны обличены быть. Они заимствуютъ оттуда по обычаю своему нѣсколько словъ, и пользуются симъ случаемъ, чтобъ исказить смыслъ самыхъ простыхъ вещей. «Изъ слова *въ началъ* (*in-principio*) *сотвори Богъ небо и землю*, изъ сего слова «составили они нѣчто твердое и тѣлесное, и наисла» новали его Матерією.» Мы, держась настоящаго смысла, принимаемъ это слово *principium* (основу) просто за начало, и говоримъ, что оно свойственно вещамъ, только что начинающимся. Дѣйствительно все то, что должно родиться, не бываетъ безъ начала: начало составляетъ ту минуту, когда оно въ первый разъ является. Стало бытъ *principium* (основа) или начало знаменуетъ такъ сказать зачатіе, а не имя какой либо сущности. Если небо и земля были главныя (первоначальныя) произведенія, сотворенныя Богомъ прежде всѣхъ другихъ вещей: то священное Писаніе о томъ, что сотворено было прежде всего, имѣло полное право сказать: *въ началъ сотвори Богъ небо и землю*, подобно какъ могло бы оно сказать также: *наконецъ сотворилъ Богъ небо и землю*, если бы создалъ ихъ послѣ всѣхъ вообще вещей.

Если подъ словомъ *principium* (основа) надобно разумѣть какую либо сущность: то и конецъ ея тогда будетъ какою либо Матерією. Одна сущность конечно быть можетъ основою другой вещи, отъ нея происходящей, подобно какъ глина есть основа сосуда, или какъ ростокъ есть основа травы. Но когда мы

употребляемъ слово *prīncipiūm* (основа) въ смыслѣ происхожденія, а не порядка: то всегда упоминаемъ ту вещь, которая служитъ основою другой вещи. Такъ напримѣръ, когда мы скажемъ: *In prīncipio* (въ основѣ или первоначально) горшечникъ сдѣлалъ блюдо или чашу, то тутъ слово это не можетъ означать Материю, потому что я принялъ Материю не въ смыслѣ происхожденія, но въ смыслѣ порядка относительно прочихъ издѣлій, потому что горшечникъ началъ дѣлать блюдо и чашу прежде другихъ вещей. Тутъ слово *prīncipiūm* (основа) означать будетъ порядокъ, наблюдаемый мастеромъ въ своихъ работахъ, а не происхожденіе сущностей.

Я могу объяснить слово *prīncipiūm* еще другимъ образомъ. На Греческомъ языкѣ слово ΑΡΧΗ, соответствующее Латинскому слову *prīncipiūm*, означаетъ не только высшую степень, но вмѣстѣ и первенство и власть. Посему—то *Архонты* и назывались начальниками и главами Республики. По такому значенію слово *prīncipiūm* равносильно было бы словамъ верховной власти и могущества. Богъ дѣйствительно сотворилъ небо и землю на тотъ конецъ, дабы заявить Свое всемогущество и Свою верховную власть.

XX. Но пусть Греческое слово ΑΡΧΗ, означаетъ не иное что, какъ *prīncipiūm*, а *prīncipiūm* не иное что, какъ начало: мы обязаны еще признавать за начало премудрость, которая говоритъ: «Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя; прежде всѣхъ основа мя: въ началѣ, прежде неже землю сотворити (Притч. Сол. VIII. 22 и 23).» Если же подлинно все произведено было премудростію Божіею: то Богъ, сотворивши небо и землю *in prīncipio*, то есть, въ началѣ, сотворилъ ихъ сообразно съ премудростію. Словомъ сказать, когда бы слово *prīncipiūm* означало Ма-

терію: то въ священномъ Писаніи сказано бы было не *in principio*, но *ex principio*, то есть, не въ началъ, но изъ начала (изъ основы), *сотвори Богъ небо и землю*, потому что сотворилъ бы ихъ не въ области Матеріи, но вмѣстѣ съ Матеріею. Относительно же премудрости Богъ въ правѣ былъ сказать: *in principio* (въ основѣ). Онъ дѣйствительно произвелъ всѣ творенія въ области премудрости, потому что, обдумавъ и предположивъ въ ней планъ вселенной, Онъ уже сотворилъ ея; ибо положимъ даже, что Онъ долженъ былъ воспользоваться и первобытною Матеріею для произведенія Своихъ твореній, во всякомъ случаѣ Онъ уже ихъ сотворилъ, обдумавъ и распорядивъ ихъ въ Своей премудрости. Она есть *начало* (основа) *путей Его*. А какъ первое дѣло премудрости есть мысль и распоряженіе, и какъ Богъ не приступаетъ ни къ чему иначе, какъ посредствомъ созерцанія Своего Слова: то священное Писаніе, открывъ мнѣ Бога, творящаго всяческая, и дѣла, Имъ творимыя, и не указавъ, изъ чего Онъ ихъ творитъ, доставляетъ мнѣ и тутъ свой авторитетъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ три главныя вещи должны сопутствовать каждому дѣлу, какое бы оно ни было, то есть, тотъ, кто творитъ, вещь, имъ творимая, и Матерія, изъ которой что творится: то три имена должны встрѣчаться и при повѣствованіи о всякомъ дѣлѣ, какъ то: лице Творца, свойство творимаго, и сущность его или Матерія. Если Матерія не упомянута тамъ, гдѣ наименованы Творецъ и творенія: то само собою слѣдуетъ, что Творецъ произвелъ все изъ ничего. Вѣрно бытописатель не пропустилъ бы указать, изъ чего что Богъ сотворилъ, если бы Онъ произвелъ что изъ чего либо.

Я приведу Евангеліе въ подтвержденіе авторитета ветхаго завета. Оно тѣмъ паче должно бы было за-

явить намъ, изъ какой Матеріи сотворилъ Богъ всѣ вещи, что ясно открылъ намъ, кѣмъ именно онѣ произведены. *Въ началѣ бѣ Слово*, въ томъ самомъ началѣ, когда *сотвори Богъ небо и землю. И Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Вся тѣмъ быша, и безъ Него ни что же бысть, еже бысть* (Іоан. I). Такъ, какъ тутъ нельзя не видѣть, кто творить, то есть, Богъ, что сотворено, то есть, всѣ вещи, кѣмъ онѣ созданы, то есть, Словомъ: то не требовалъ ли порядокъ идей, чтобы мы извѣщены были также и о томъ, изъ чего Богъ Словомъ Своимъ сотворилъ всеобщность вещей, если бы онѣ дѣйствительно откуда либо извлечены были? Стало бытъ священное Писаніе не могло наименовать того, что не существовало; не наименовавъ же того, оно достаточно убѣждаетъ меня, что того и вовсе не было. Пропустило ли бы оно называть его, если бы существовало оно?

XXI. Но иные скажутъ мнѣ: «если ты предполагаешь, что всеобщность вещей сотворена изъ ничего, потому только, что въ Писаніи прямо не сказано, чтобы изъ первобытной Матеріи что либо произошло: то берегись, чтобъ и противная сторона, «основываясь на томъ, что нигдѣ ясно не говорится, «чтобы что либо сотворено было изъ ничего, не вывела заключенія, что все произошло отъ Матеріи.»

Знаю я, что легко составлять извѣстные доводы; но изъ того не слѣдуетъ, чтобы всѣ они были пріятія достойны, когда побужденія разнствуютъ. Дѣйствительно, хотя въ священномъ Писаніи ясно и точно не сказано, чтобы все сотворено было изъ ничего, равно какъ не сказано и того, чтобы изъ Матеріи все было произведено; но гораздо менѣе надобности настояло въ предъувѣдомленіи, что все сотворено изъ ничего, нежели въ полномъ насъ удостовѣреніи, что

все произведено изъ Матеріи, если бы то подлинно такъ было. Не сказать прямо, откуда происходитъ вещь, сотворенная изъ ничего, значитъ засвидѣтельствовать, что она изъ ничего сотворена. Тутъ нѣтъ опасности, чтобъ я счелъ ее сотворенною изъ чего либо, когда мнѣ не указапо, изъ чего именно она сотворена. Напротивъ того, когда вещь сотворена изъ другой вещи: то если ты мнѣ ясно не представишь, изъ чего точно эта вещь сотворена, въ такомъ случаѣ я легко подумать могу, что она сотворена изъ ничего, по той самой причинѣ, что ты мнѣ не показалъ, изъ чего она сотворена. Если бы даже по естеству ея надлежало счесть ее сотворенною изъ чего либо: то и тутъ я въ правѣ заключить, что сотворена она не изъ той Матеріи, изъ которой сотворена, когда ты мнѣ не докажешь, какая именно Матерія употреблена была къ тому. Слѣдовательно, если Богъ не сотворилъ всѣхъ вещей изъ ничего: то хотя въ священномъ Писаніи и не было упомянуто, что онѣ изъ ничего Имъ сотворены; но необходимость требовала чисто и ясно въ Писаніи обозначить, что Богъ всѣ вещи сотворилъ изъ Матеріи, если то дѣйствительно такъ было; ибо одно само собою могло быть подразумѣваемо, хотя бы и не было объяснено вполне, между тѣмъ какъ другое долженствовало оставаться подъ сомнѣніемъ, будучи въ точности не заявлено.

XXII. Что такова была причина, почему Духъ Святой соблюлъ на сей счетъ молчаніе въ священномъ Писаніи, доказательствомъ служить то, что Онъ, говоря о сотвореніи какой либо вещи и о Создателѣ ея, нигдѣ не пропускаетъ упоминать и о Матеріи, изъ которой что происходитъ. *«Да прораститъ земля быліе травное, стьющее сѣмя по роду и по подо-*

бію, и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же сѣмья его въ немъ по роду на земли. И бысть тако. И изнесе земля быліе травное, сѣющее сѣмья по роду и по подобію, и древо плодовитое, творящее плодъ, ему же сѣмья его въ немъ по роду на земли. . . . И рече Богъ: да изведутъ воды гадъ душъ живыхъ, и птицы летающія по земли по тверди небесній. И бысть тако. И сотвори Богъ киты великія, и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды по родомъ ихъ, и всяку птицу пернату по роду. . . . И рече Богъ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады, и звѣри земли по роду. И бысть тако (Быт. I. 11, 12, 20, 21, 24).

Если Богъ, извлекая изъ сотворенныхъ уже вещей вещи новыя, объявляетъ и показываетъ устами Пророка, откуда что извлекъ, не смотря на то, что и сами мы могли бы счесть ихъ извлеченными изъ той или другой вещи, но не изъ ничего, такъ какъ существовали уже вещи такія, изъ которыхъ могли онѣ произойти; если Духъ Святой озабочился наставить насъ, изъ чего та и другая вещь произведена: то не уже ли бы забылъ Онъ насъ просвѣтити касательно происхожденія неба и земли, открывши намъ, откуда Господь извлекъ ихъ, и изъ какой Матеріи состояло основное ихъ начало, дабы не казались они сотворенными изъ ничего, тѣмъ паче, что еще ничего такого не существовало, изъ чего могъ бы Онъ ихъ создать? Слѣдовательно подобно какъ Онъ обозначилъ, откуда извлекъ то, что изъ какой вещи произошло, такъ и, умалчивая о томъ, откуда что извлечено, Онъ утверждаетъ, что сіе послѣднее произведено изъ ничего. Изъ всего сего я вывожу заключеніе, что *въ началѣ дѣйствительно сотвори Богъ небо и землю (изъ ничего).* Я удивляюсь полнотѣ свя-

щенного Писанія: оно мнѣ открываетъ вмѣстѣ и Создателя и твореніе Его. Сверхъ того нахожу я, что въ Евангеліи говорится о Богѣ Словѣ, Исполнителѣ и Совѣтникѣ Того, Кто управляетъ міромъ. Но чтобы все сотворено было изъ первобытной Матеріи, о томъ нигдѣ я не читалъ. Долгъ *Гермогена* показать намъ, гдѣ о томъ написано. Если же это нигдѣ не написано: то да страшится онъ ужаснаго изреченія: *горе тебѣ!* имѣющаго постигнуть всѣхъ тѣхъ, кто дерзаетъ *приложить* или *отнять* что либо, изъ словъ священнаго Писанія.

XXIII. «Но онъ приводитъ въ оправданіе свое слѣдующій текстъ: *земля же бѣ невидима и неустроена*. Онъ приписываетъ Матеріи имя земли, потому что «послѣдняя якобы отъ первой происходитъ. Ему угодно, чтобы слово *бѣ* означало такую Матерію, которая прежде существовала, не имѣя начала и не послучивъ ни отъ кого бытія. *Бѣ невидима и неустроена*, прибавляетъ онъ, потому что Матерія по его мнѣнію была груба, смѣшана, безпорядочна.»

Всѣ эти мнѣнія я опровергну одно за другимъ; а между тѣмъ намѣренъ отвѣчать *Гермогену* теперь кратко. Мы согласны, что дѣло идетъ тутъ о Матеріи. Но если она была прежде всѣхъ вещей: то упомянуто ли въ Писаніи, чтобы Богъ сотворилъ изъ нея что нибудь? Конечно нѣтъ: ничего подобнаго не сказано. Пускай Матерія существуетъ, сколько ей или *Гермогену* угодно: она могла, положимъ, существовать и безъ того, чтобы Богъ извлекъ изъ нея самомалѣйшую вещь, или потому, что не приличествовало Богу имѣть надобность въ ея помощи, или вѣрно потому, что нигдѣ не сказано, чтобъ Онъ извлекъ что либо изъ Матеріи.

«Стало быть, говоришь ты, она существовала безъ причины, безъ цѣли?»

Не совѣмъ безъ цѣли. Хотя она и не послужила къ созданію міра; но отъ нея произошла ересь, ересь столь безстыдная, что вмѣсто рожденія ея отъ Матеріи, сама она Матерію породила.

XXIV. Обращаюсь къ статьямъ, по мнѣнію *Гермогена* знаменующимъ Матерію. Поговоримъ сперва объ именахъ. Одно изъ сихъ земля часто встрѣчается въ священномъ Писаніи; но о другомъ имени, то есть, о *Матеріи*, нигдѣ и помину нѣтъ. Почему же, когда Матерія въ Писаніи не поименована, даешь ты ей названіе земли какъ бы въ качествѣ другой сущности? Надлежало бы въ Писаніи не только назвать Матерію собственнымъ ея именемъ, но и наименовать ее землею для удостовѣренія каждаго, что Матерія и земля составляютъ одну и ту же вещь, дабы кто не приписалъ одной сущности такого имени, которое собственно принадлежитъ другой, или же бы своевольно не присвоилъ его какому либо иному роду, и не сообщилъ его первому веществу, какое на глаза попадетъ. Извѣстно, что когда нѣтъ частнаго имени для означенія вещи, носящей имя общее: то чѣмъ менѣе бываетъ видимо, кому принадлежитъ это имя, тѣмъ легче могу я приписать его совѣмъ другой сущности. Такимъ образомъ если бы *Гермогенъ* и доказалъ, что Матерія получила названіе земли: то ему останется доказать еще, что земля получила названіе Матеріи, дабы имѣть право приписать Матеріи оба имени.

XXV. *Гермогенъ* хочетъ, чтобы въ священномъ Писаніи рѣчь шла о двухъ земляхъ: одна была бы та, которую Богъ сотворилъ въ началѣ, а другая, Матерія, о которой сказано: *бъ невидима и неустроена*. Слѣдовательно, если я спрошу его, какая изъ двухъ сихъ вещей должна дать имя свое другой вещи: то онъ отвѣчать мнѣ будетъ, что вещь сотворенная за-

имствовала имя отъ той вещи, изъ которой она сотворена; ибо вѣроятнѣе полагать, что потомство обязано именемъ своимъ происхожденію, нежели происхожденіе потомству.

Если это такъ: то я подыму другой вопросъ: можетъ ли сотворенная Богомъ земля, судя по справедливости, заимствовать имя свое отъ той земли, которая только содѣйствовала Ему въ твореніи? «Гермогенъ и прочіе поборники Матеріи пишутъ, что эта «земля была невидима, неустроена и груба, а другая «земля, то есть, наша, получила отъ Бога свой видъ, «форму и красу.» Стало быть сія послѣдняя сдѣлалась другою вещію противъ той, изъ которой произошла. Если же она сдѣлалась другою вещію; то не могла и участія имѣть въ имени той земли, которой сущности не удержала. Если земля была собственное имя первой *Матеріи*: то та земля, которая уже не *Матерія*, подвергшись преобразованію, не должна посить и имени земли, ей чуждаго и сущности ея не приличествующаго.

«Ты отвѣчаешь на это, что обработанная Матерія, «то есть, земля, сохранила общность имени и рода «той земли, которая была ея основою.»

Совсѣмъ нѣтъ. Я назову не глиною, а сосудомъ, то, что изъ сего матеріала сдѣлано. Янтарь (*ambra*) можетъ составлять смѣсь золота и серебра, но именуется не золотомъ и не серебромъ, а просто янтаремъ. Вещь, удаляющаяся отъ естества другой вещи, теряетъ и имя свое для принятія особаго имени согласно съ новымъ ея естествомъ. А что пастоящая земля не сохранила основной сущности первой земли, то есть, Матеріи, на то не нужно мнѣ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства о томъ книги Бытія, гдѣ сказано: *И видъ Богъ, яко* (суща или земля) есть

добро. Гермогенъ напротивъ того считаетъ Матерію началомъ и причиною зла. Наконецъ если эта земля есть Матерія: то почему и Матерія не земля? Мало того. Небо и всѣ существа должны бы были получить имя Матеріи и земли, если бы отъ Матеріи происходили.

Довольно кажется поговорили мы объ имени земли, которая, по мнѣнію *Гермогена*, равнокачественна Матеріи. Каждому извѣстно, благодаря поученіямъ во первыхъ природы, а потомъ священнаго Писанія, что это имя (земля) принадлежитъ одной стихіи, развѣ основываясь на авторитетѣ *Оеополпа*, не повѣритъ ли кто сказанія *Силен*а, удостовѣрившаго царя *Мидаса*, что существуетъ другая вселенная. Но тотъ же Историкъ приводитъ, что существуетъ и множество боговъ.

XXVI. У насъ Богъ одинъ и земля одна, которую Богъ сотворилъ въ началѣ. Священное Писаніе, начинающая повѣствованіе о происхожденіи земли, сперва говоритъ намъ, что она была сотворена, потомъ объясняетъ, какія были ея качества; а равно, сказавши, что и небо сотворено было: *въ началъ сотвори Богъ небо, тутъ же излагаетъ дальнѣйшія распоряженія: и сотвори Богъ твердь, и разлучи Богъ между водою, яже бѣ подъ твердію, и между водою, яже бѣ надъ твердію, и нарече Богъ твердь небо, то есть, то самое небо, которое сотворилъ въ началѣ. Тоже происходитъ и съ человѣкомъ. И сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его. Потомъ говорится, какимъ образомъ Онъ сотворилъ его. И созда Богъ человѣка, персть возьмъ отъ земли, и вдуну въ лице его дыханіе жизни, и бысть человекъ въ душу живу. Вотъ какъ надлежитъ излагать повѣствованіе: сперва бытописатель предвѣщаетъ, потомъ оканчиваетъ; сперва начинается именовать, потомъ описываетъ. Какъ бы было странно,*

если бы св. Писаніе, не упомянувъ нигдѣ о Матеріи, и не назвавъ даже имени ея, стало объяснять ея форму и наружный видъ? Оно бы напримѣръ начало рассказывать мнѣ, что такое есть Матерія, прежде нежели бы извѣстило, существуетъ ли она; показало бы мнѣ фигуру этого нѣчто, и скрыло бы отъ меня имя его. Напротивъ того, слѣдую нашей системѣ, какое впускаетъ вѣроятіе повѣствуемое въ Писаніи объясненіе той вещи, которой происхождение и имя открываетъ оно тутъ же! Какая полнота въ этомъ текстѣ: *въ началѣ сотвори Богъ небо и землю; земля же бѣ невидима и неустроена*, то есть, та самая земля, которую Богъ сотворилъ, и которую Писаніе только что обозначило. Тутъ самое слово *же*, поставленное для соединенія одной фразы съ другою, служитъ союзомъ повѣствованію: *земля же бѣ . . .* Словомъ симъ книга Бытія возводитъ насъ къ той самой землѣ, о которой предъ тѣмъ упомянула, и связываетъ весь смыслъ. Сомнѣваешься ли ты въ томъ? Вымарай изъ текста союзъ *же*, и вся связь нарушится. Ты могъ бы тогда приписать всякой другой землѣ то, о чемъ было бы просто сказано: *земля бѣ невидима и неустроена*.

XXVII. «Но ты, поднявши гордо голову, не переставашь съ презрительнымъ видомъ вопіять: сказано, *«земля бѣ*, то есть, она вѣчно существовала и не имѣла начала; а это свойственно одной Матеріи.»—Мой скромный и простой отвѣтъ состоитъ въ томъ, что выраженіе *бѣ* можетъ употреблено быть въ отношеніи ко всякой вещи, даже и къ той, которая сотворена, получила рожденіе, прежде не существовала, и есть не Матерія. Что только имѣетъ существо, получило ли оно начало, или нѣтъ, обо всемъ томъ, потому именно, что существуетъ, можно сказать: *оно было*. Вещь, первоначально глаголомъ изображенная, обозна-

чается потомъ тѣмъ же глаголомъ посредствомъ спряженія. *Земля есть*: это основа опредѣленія. *Земля бѣ*: это знакъ повѣствованія.—Вотъ каковы доводы и тонкости еретиковъ, старающихся исказить самыя обыкновенныя выраженія, чтобы только выдумывать гаданія. Подлинно большое недоумѣніе! *Земля бѣ*, та земля, которая была сотворена.

XXVІІІ. Надобно рассмотреть, приличествуютъ ли слова *невидима и неустроена* той землѣ, которая сотворена, или той, изъ которой она сотворена, дабы выраженіе *земля бѣ* относилось точно къ той землѣ, которой форма обозначена. Мы докажемъ, что эта форма не только приличествовала сотворенной землѣ, но и не могла никакой другой землѣ приличествовать. Если одна только Матерія существовала съ Богомъ, и между ими никакой особой стихіи не было, и если кромѣ Матеріи и Бога не существовало ничего: то изъ сего слѣдуетъ, что Матерія не могла быть невидимою. Развѣ не полагалъ ли *Гермогенъ*, что тьма находилась въ сущности Матеріи. На это мы будемъ отвѣчать въ своемъ мѣстѣ. Впрочемъ тьму видить и человѣкъ (или по крайней мѣрѣ замѣчаетъ), а колыи паче Богъ. Если бы качество ея состояло въ томъ, что бы быть невидимою: то никто бы ее и не позналъ. Откуда же взяла ересь, что земля, которая скрыта была по своей невидимости, должна быть груба, смѣшана, безпорядочна? Если обстоятельство это открыто ей Богомъ: то пусть то докажетъ.

Я еще разъ спрошу: можно ли сказать послѣ сего о Матеріи, что она была груба? Что не совершенно, то конечно грубо. Что сотворено, то должно быть несовершенно. Что не вполне образовано, то также несовершенно.—«Согласенъ, говоришь ты.»—Стало бытъ Матерія, которая не сотворена, не могла быть несовершенною; а не будучи никогда несовершенною, не могла

быть и грубая. Будучи безъ начала, потому что не сотворена, она не имѣла и основы; ибо основа есгь признакъ того, что началось.—Ничего подобнаго нельзя сказать о землѣ. Такъ какъ она сотворена, то можетъ названа быть грубою; а коль скоро сотворена, то была и несовершенною, доколѣ доведена была до своего совершенства.

XXIX. Я вижу, какъ Богъ совершалъ дѣла Свои постепенно: сперва сотворилъ міръ съ неустроенными стихіями, а потомъ облекъ его красотою формъ. Онъ не начинается съ того, чтобы тотчасъ облечь свѣтъ блескомъ солнца, чтобы умѣрить тьму утѣшительными лучами луны, чтобы усѣять небеса множествомъ свѣтилъ и звѣздъ, чтобы наполнить моря огромными обитателями. Онъ не обогащаетъ тотчасъ земли обильнымъ плодоносіемъ. Во первыхъ даруетъ Онъ землѣ бытіе, а потомъ населяетъ ее жителями, дабы она не оставалась пустою. *Не вотще*, (Господь), говоритъ *Исайя*, *сотвори ю, но на вселеніе созда ю* (Ис. XLV. 18). Будучи такимъ образомъ устроена, она нѣкогда сдѣлается совершенною, а между тѣмъ пребываетъ невидима и груба: груба потому самому, что невидима, недоступна для глазъ, лишена того, чего ей еще не достаетъ; невидима, потому что окружена влажнымъ оплотомъ, сокровищемъ ея плодоносія, достаточно сгущеннымъ на тотъ конецъ, что бы плоть наша имѣла нѣкоторое сходство съ его формою. Въ семъ смыслѣ и Псалмопѣвецъ возглашаетъ: *Господня земля и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней. Той на моряхъ основалъ ю естъ, и на рѣкахъ уготовалъ ю естъ* (Псал. XXIII. 1 и 2). Суша, дотолѣ водами покрываемая, просіяла отъ раздѣленія водъ, низвергшихся въ бездну. Она сдѣлалась видимая, какъ скоро Богъ изрекъ: *да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собра-*

нѣ едино, и да явится суша (Кн. Быт. I. 9). Слышишь ли ты? Да явится, а не да будетъ суша; ибо она была уже сотворена, но оставалась дотоѣ невидимою. *Да явится суша*, говоритъ Господь, потому что она, не переставая быть землею, должна была сдѣлаться сушею отъ раздѣленія водъ. И нарече Богъ сушу землею, а не назвалъ ее Матеріею.

Дошедши въ послѣдствіи до своего совершенства, земля перестала быть грубою, какъ скоро услышала словеса Божіи: да прораститъ земля быліе травное, спящее съмя по роду и по подобію, и древо плодовитое творящее плодъ, ему же съмя его въ немъ по роду на земли; и въ другомъ мѣстѣ: да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая, и гады, и зѣври земли по роду. И такъ божественное Писаніе сдержало слово. Землю, наименованную имъ съ начала невидимою, неустроенною, грубою, оно одарило красотою и совершенствомъ. Другой Матеріи невидимой и грубой тогда не существовало. Стало быть твоя Матерія сдѣлалась послѣ того уже видимою и совершенною. Желалъ бы я видѣть эту Матерію, вкусить плодовъ съ ея деревьевъ, и воспользоваться животными, ею питаемыми. Но никакой Матеріи нигдѣ я не нахожу. Вездѣ глазамъ нашимъ представляется только земля. Я вижу ее, ощущаю, наслаждаюсь ею непрестанно, съ тѣхъ поръ какъ она перестала быть невидимою и грубою. О ней безъ сомнѣнія и Пророкъ *Исаія* говоритъ такъ: *такъ глаголетъ Господь, сотворившій небо, сей Богъ, показавшій землю, и сотворившій ю* (Ис. XLV. 18). Ту землю, которую Господь сдѣлалъ видимою, Господь и устроилъ. А какъ устроилъ? Сказавши одно слово: *да явится суша*. За чѣмъ велѣлъ Онъ ей явиться, какъ не за тѣмъ, что дотоѣ она была не явлена? Не за тѣмъ ли, чтобъ она

не казалась сотворенною туне, и чтобы была видима и обитаема? Какое изъ всего сего вывести заключеніе? То, что земля, нами паселяемая, есть та самая, которую Богъ сотворилъ и явилъ, и что нѣтъ другой земли невидимой и грубой, кромѣ той, которая была сотворена и мнѣ явлена. Словомъ сказать, выраженіе: *земля же бѣ невидима и неустроена*, относится единственно къ той землѣ, которую Богъ *разлучилъ* отъ неба.

XXX. Слѣдующій текстъ вѣроятно подтвердить *Гермогеновы* догадки: *И тѣма (бѣ) верху бездны, и Духъ Божій пошашеся верху воды*. Онъ думаетъ выиграть дѣло, принимая мнимое тутъ смѣшеніе существъ за всеобщій хаосъ. Совсѣмъ нѣтъ. Здѣсь просто одно за другимъ помѣщены слова: тѣма, бездна, Духъ, вода. Столь ясное положеніе различныхъ и извѣстныхъ элементовъ, никакго не подаетъ повода предполагать смѣшенія и недоразумѣнія. Доказательство становится еще явственнѣе отъ того, что назначить каждому элементу свои предѣлы, *тѣмъ верхъ бездны, а Духу верхъ воды*, тоже самое есть, что отвергнуть всякое смѣшеніе существъ, потому что священный Бытописатель ясно указываетъ на ихъ различіе, обозначая въ точности устройство cadaго.

Наконецъ Матерію, являемую намъ неустроенною, безумно было бы считать такою, когда именуются столь различныя ея формы и устройство, между тѣмъ какъ не дано намъ знать, что такое есть это смѣшенное тѣло, которое можно назвать единственнымъ въ своемъ родѣ, ибо что неустроенно, то единообразно. Тѣло неустроенное, состоящее изъ смѣшенія различныхъ элементовъ, должно непременно казать видъ одинакій, потому что тамъ нѣтъ вида, гдѣ бываетъ одинъ только видъ отъ смѣшенія многочислен-

ныхъ элементовъ. Впрочемъ одно изъ двухъ: или Матерія имѣла сама въ себѣ всѣ эти роды, ее отличающіе, то есть, тьму, бездну, Духъ и воды, или она ихъ не имѣла. Если имѣла: то какъ выдавать намъ ее лишенною формъ или устройства? Если не имѣла: то какъ въ такомъ случаѣ узнать ее?

XXXI. Иные прибѣгаютъ къ слѣдующему доводу. «Священное Писаніе, говорятъ они, хотѣло упомянуть только о небѣ и о нашей землѣ, потому что «Богъ сотворилъ ихъ въ началѣ. Что же касается до «вышепомянутыхъ родовъ: то съ ними ничего подобнаго не было. Слѣдовательно такъ какъ не обозначено, чтобъ они были сотворены: то они принадлежатъ къ несотворенной Матеріи.»

Мы готовы отвѣчать и на это затрудненіе. Божественное Писаніе и тогда довольно бы ясно выразилось, когда бы только сказало, что отличнѣйшія творенія, небо и земля, произведены Богомъ, имѣютъ свойственную имъ красу, и заключаются въ сихъ главнѣйшихъ тѣлахъ. Красу же неба и земли составляли тогда тьма, бездна, Духъ и воды. Дѣйствительно бездна и тьма простирались по всей землѣ. Если бездна находилась внизу земли, а тьма верху бездны: то безъ всякаго сомнѣнія и тьма и бездна была внизу земли. Относительно Духа и водъ, они были по видимому внизу неба. Воды находились верху земли, потому что ее покрывали. Духъ былъ верху водъ. Стало быть и Духъ и воды были верху земли; а если такъ, то они потому самому были внизу неба. Подобно какъ земля обнимала тьму и бездну, такъ заключались въ нѣдрахъ неба и Духъ и воды.

Дѣло не новое именовать одно только *содержащее*, потому что оно составляетъ главнѣйшую вещь, включая въ него и *содержимое*, просто какъ часть сего. На-

примѣръ сказалъ бы я: городъ построилъ театръ и циркъ, сцена была такого-то размѣра, статуи окружали каналъ, обелискъ господствовалъ надъ всѣмъ. Хотя бы я прямо и не упомянулъ, что послѣднія различныя украшенія воздвигнуты городомъ: то развѣ не явно бы было, что городъ же ихъ устроилъ, подобно какъ устроилъ театръ и циркъ? Развѣ не сказалъ я, что они находятся уже при построенныхъ зданіяхъ, и нельзя ли было того понять?

Но оставимъ этотъ примѣръ, какъ заимствуемый изъ человѣческаго быта. Священное Писаніе само доставляетъ мнѣ подобный же примѣръ. Въ немъ сказано: *и созда Богъ чловѣка, персть вземъ отъ земли, и вдуу въ лице его дыханіе жизни, и бысть чловѣкъ въ душу живу.* Оно именуетъ тутъ лице чловѣка. Но сказано ли, что Богъ сотворилъ лице? Потомъ говорится о ребрѣ, о кости, о плоти, объ очахъ, о потѣ и о крови. Но обозначено ли, что все это сотворено Богомъ? Что скажетъ на это *Гермогенъ*? Принадлежатъ ли члены чловѣка къ несотворенной Матеріи, тогда какъ точно не заявлено, что каждый изъ нихъ сотворенъ, или не заключаются ли они вообще въ составъ чловѣка? Я тоже самое въ правѣ сказать о тмѣ, безднѣ, Духѣ и водахъ, которыя суть какъ бы члены неба и земли. Члены созданы вмѣстѣ съ тѣлами; а потому съ ними уже и наименованы. Нѣтъ стихій, которая бы не была частию стихій, ее содержащей. Всѣ же стихіи и элементы, какія бы ни были, заключаются въ небѣ и въ землѣ.

XXXII. Такъ отвѣчалъ бы я въ защиту священнаго Писанія, упомянувшаго первоначально только о сотвореніи двухъ тѣлъ, неба и земли. Оно вѣдало, что просвѣщенные умы сами познаютъ бытіе членовъ въ тѣлахъ, а потому и объяснилось кратко. Но оно

предвидѣло также, что люди грубые или лукавые, потушивъ въ своей совѣсти этотъ сокровенный смыслъ, потребуютъ и для самихъ членовъ точнаго удостовѣренія на счетъ сотворенія ихъ. Посему-то оно признало нужнымъ извѣститъ насъ въ другихъ мѣстахъ о томъ, что каждый изъ сихъ родовъ произведенъ Богомъ. Во первыхъ Премудрость говоритъ тебѣ: *Господь созда мя прежде неже бездны содѣлати* (Притч. Сол. VIII. 22 и 24), дабы ты зналъ, что и самая бездна была рождена, то есть, сотворена, потому что имѣть чадъ значитъ родить ихъ. Тутъ дѣло не въ словахъ, рождена ли бездна или сотворена, но въ томъ, что она имѣла начало; чего бы не было, если бы происходила она отъ Матеріи. Относительно тьмы, выслушай, что самъ Господь говоритъ устами *Исай*: *Азъ устроивый свѣтъ, и сотворивый тьму* (Ис. XLV. 7). *Амосъ* столь же ясно упоминаетъ о Духѣ: *се Азъ утверждаю громъ, и созидаяю вѣтръ* (духъ), *и возвѣщаю въ челоуѣцехъ Христа моего* (Ам. IV, 13), показывая чрезъ то, что Богъ сотворилъ того Духа, котораго послалъ на созданную Имъ землю *носитися верху воды* для осквненія и оживленія дыханіемъ своимъ вселенной, и который однакоже самъ не былъ Богъ, какъ то иные мыслятъ, судя только потому, что написано: *Богъ духъ есть*. Воды не могли быть достаточны для ношенія Господа. Св. Писаніе разумѣетъ тутъ духа, производящаго вѣтры и бури, какъ то и Царь *Давидъ* сказалъ: *дхнеть духъ Его, и потекутъ воды* (*). Что касается собственно до водъ, то *Соломонъ* на сей счетъ изъяснился такъ: *егда полага-*

(*) Пс. CXLVII. 7. — Тутъ Тертуліанъ впалъ въ лѣвое заблужденіе. Всѣми учителями Церкви признано, что не вѣтръ и буря носились верху первоначальныхъ водъ: но Богъ Духъ Святый, третіе лице св. *Троицы*. *Перев.*

ше морю предѣлъ его, да воды не мимо идутъ устъ его, и крѣпка творяще основанія земли, бѣхъ при немъ у- строяя (Притч. VIII. 29).

Не смотря на ясныя доказательства наши, что эти различныя роды твореній произведены Богомъ, хотя въ книгѣ Бытія порознь и не поименованы, противникъ нашъ можетъ быть возразить: «я согласенъ, что «они сотворены, но сотворены изъ первобытной Матеріи. Слова *Моисеевы: и тьма бѣ верху бездны, и «Духъ Божій пошася верху воды*, обозначаютъ именно Матерію; а сверхъ того и все вообще Писаніе «множественно свидѣтельствуетъ, что эти различныя «роды произошли отъ Матеріи.»

Стало быть, буду я отвѣчать, земля рождена отъ земли, бездна отъ бездны, тьма отъ тьмы, Духъ и вода отъ Духа и воды. Но выше примѣчено уже, что Матерія не могла быть неустроенною, заключая въ себѣ формы, устройства и роды, исходившіе изъ нѣдръ ея въ различныхъ видахъ, развѣ подлинно не разжались ли они сами изъ себя: въ каковомъ случаѣ конечно не могли бы они исходить въ различныхъ видахъ, потому что одинакія вещи различны не бываютъ. Съ другой стороны божественный промыслъ становится бесполезнымъ, какъ скоро онъ творить то, что уже существовало для него гораздо приличнѣе и достойнѣе творить то, чего еще не было. Наконецъ или *Моисей* дѣйствительно обозначилъ Матерію, сказавши: *и тьма бѣ верху бездны, и Духъ Божій пошася верху воды*; или же, когда эти роды твореній явлены въ другихъ мѣстахъ произведенными отъ Бога: то св. Писаніе долженствовало сверхъ того извѣстить насъ особо, что они происходятъ отъ той Матеріи, о которой *Моисей* предъ тѣмъ упоминалъ; если же *Моисей* обозначилъ собственно помянутые ро-

ды, а не Матерію: то я напрасно доискиваюсь, гдѣ бы шла рѣчь о Матеріи.

XXXIII. Между тѣмъ тогда какъ *Гермогенъ* ищетъ Матеріи въ своихъ вымыслахъ, не имѣя возможности найти ее въ св. Писаніи, мы удовольствуемся съ одной стороны полною увѣренностію, что все сотворено Богомъ, а съ другой совершенною неуѣренностію, чтобы что либо могло сотворено быть отъ Матеріи. Положимъ даже, что она бы и существовала: во всякомъ случаѣ надлежитъ вѣрить, что она есть дѣло рукъ Божіихъ. Чтобы восторжествовать надъ нашими противниками, стоить только противопоставить имъ то неопровержимое мнѣніе, что ничто, кромѣ Бога, не можетъ быть не сотвореннымъ. Пусть однакожъ Матерія, судя по ссылкамъ твоимъ на св. Писаніе, не будетъ лишена возможности доказать свое бытіе. Я останавливаю тебя однимъ словомъ: ничто не сотворено безъ Слова (Божія), ничто не произошло само собою изъ ничего, потому что, какъ мнѣ извѣстно, то, что сотворено, прежде не существовало, или же, если какая вещь и сотворена изъ другой вещи, то происходитъ отъ такого существа, которое уже было сотворено. Такъ отъ земли происходятъ растенія, плоды, животныя и внѣшній образъ самаго человѣка; такъ отъ водъ раждаются рыбы, а равно и птицы. На семъ условіи я согласенъ придать имя Матеріи и происхожденія такихъ вещей, которыя отъ земли и отъ водъ порождены, но въ такомъ только случаѣ, когда подобная Матерія есть твореніе Божіе.

XXXIV. Впрочемъ что все создано изъ ничего, въ томъ удостовѣряетъ насъ наиболѣе предъопредѣленіе Божіе объ обращеніи нѣкогда всѣхъ вещей въ ничтожество. Дѣйствительно *небо сіется, яко одежда* (Псал. СІ. 27), или лучше сказать, совершенно исчезнетъ вмѣ-

стѣ съ землею, которая была въ началѣ съ нимъ сотворена. *Небеса и земля прейдутъ*. Первое небо и первая земля исчезли, такъ что и мѣста, гдѣ они были, не нашлось; ибо оканчивающаяся вещь лишается и занимаемаго ею мѣста. *Дѣла руку твоею суть небеса: та погибнутъ, и вся яко ризь обѣщаютъ, и измѣнятся* (тамъ же); измѣниться же, значить оставить первое свое состояніе, утраченное чрезъ это измѣненіе. *Звѣзды спадутъ съ небесе* (Матѣ. XXIV. 29), подобно фиговому дереву, которое, колеблясь отъ сильнаго вѣтра, роняетъ незрѣлые плоды. *Горы яко воскъ растаютъ отъ лица Господня* (Псал. XCVI. 5), когда Онъ возстанетъ сокрушить землю. *Изсушу луги: возыщутъ воды, и не обрящутъ* (Исаи XLII. 15). — Какъ бы кто ни толковалъ духовнымъ образомъ всѣ эти пророчества; но нельзя истребить истины происшествій, имѣющихъ исполниться въ томъ видѣ, какъ онѣ были предсказаны. Фигуры и прообразованія заимствуются отъ истинныхъ, а не отъ мечтательныхъ существъ, потому что ничто не можетъ сообщить подобія своего другой вещи иначе, какъ будучи само ей подобно.

Обращаясь къ тому основному началу, что извлеченное изъ ничего должно опять подвергнуться ничтожеству. Изъ того, что вѣчно, то есть, изъ Матеріи, такъ какъ и изъ того, что вообще выше низкихъ существъ, Богъ не сотворилъ бы ничего гибнущаго. Гораздо сообразнѣе съ Его достоинствомъ изъ низкихъ существъ извлекать существа высшія, то есть, изъ гибнущаго извлекать то, что вѣчно. Таково обѣщаніе, данное Имъ на счетъ нашей плоти. Онъ восхотѣлъ поселить внутри насъ залогъ Своей силы и могущества, дабы расположить насъ къ тому вѣрованію, что всѣ вообще твари, бывшія какъ бы мертвы-

ни, потому что не существовали, воззваны Имъ изъ ничтожества къ осуществленію.

XXXV. Хотя и не слѣдовало бы разсуждать о сущности Матеріи, потому что прежде надлежало бы доказать бытіе ея; но займемся симъ предметомъ такъ, какъ бы извѣстно было, что она существуетъ, дабы было явлено ея небытіе тѣмъ паче, что приписываемыя ей качества не выдерживаютъ изслѣдованія, и дабы *Гермогенъ* яснѣе позналъ свои противорѣчія. — «Съ перваго взгляду, говоритъ онъ, Матерія кажется «намъ безтѣлесною; но, разсмотрѣвъ ее при свѣтиль-«никѣ здраваго ума, открываемъ мы, что она ни тѣ-«лесна, ни безтѣлесна.» — Какой это здравый умъ, который ничего не объясняетъ здраво, то есть, точно и вѣрно? По видимому, если я не ошибаюсь, всякая вещь должна быть или тѣлесна или безтѣлесна. Если даже допустить, что въ иныхъ сущностяхъ есть нѣчто безтѣлесное, хотя сущность составляетъ тѣло каждой вещи; но при всемъ томъ между тѣлеснымъ и безтѣлеснымъ, ничего третьяго не существуетъ. Положимъ однакожъ, что и есть что либо третіе. Оно открыто здравымъ умомъ *Гермогена*, творящаго Матерію ни тѣлесною, ни безтѣлесною. Но гдѣ же оно? Какъ именуется? Какимъ должны мы его представлять себѣ? Какъ распознать его? Здравый его умъ видно ничего инаго ему не сказалъ, какъ только, что Матерія ни тѣлесна, ни безтѣлесна.

XXXVI. Но вотъ онъ самъ себѣ противорѣчить, или я право не знаю, какая другая причина побудила его потомъ объявить, что «Матерія частію тѣлесна, «и частію безтѣлесна.» Какъ же? Не ужели необходимость требовала, чтобы Матерія была и то, и другое, дабы не быть ни тѣмъ, ни другимъ? Она должна быть тѣлесна и безтѣлесна, не смотря на прежнее о ней

рѣшеніе здраваго ума, который впрочемъ не объясняетъ ни мысли своей, ни своихъ доводовъ. Стало быть *Гермогенъ* хочетъ, чтобы тѣлесная часть Матеріи служила для образованія тѣла; а безтѣлесную ея часть составлять уже будетъ ея безпорядочное движеніе. — «Если бы, говоритъ онъ, была она только «тѣлесна: то не замѣтно бы было въ ней ничего безтѣлеснаго, то есть, движенія. Если же бы была она «напротивъ совершенно безтѣлесна: то не производила бы никакого тѣла.» — Каковъ здравый умъ! По крайней мѣрѣ можно сказать, что если ты, *Гермогенъ*, проводишь въ рисункахъ своихъ такія же кривыя линіи, какъ твой мнимо-здравый умъ: то ты долженъ быть самый безумный живописецъ. Кто позволилъ тебѣ почитать движеніе частію сущности, тогда какъ движеніе не только не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго, но потому, что тѣлесно, не иное что есть, какъ случайность сущности или тѣла, подобно какому либо дѣйствію, столкновенію, скользновенію, паденію. Вотъ что значитъ движеніе. Когда тѣло движется само собою: то дѣйствіе его есть движеніе, но конечно не самобытная часть сущности, хотя ты изъ движенія и производишь безтѣлесную сущность Матеріи. Словомъ сказать, всѣ твари двигаются или сами собою, какъ то одушевленные, или чрезъ другихъ, какъ то неодушевленные. Но я не назову, ни человѣка, ни камень существами вмѣстѣ и тѣлесными и безтѣлесными, по той причинѣ, что они имѣютъ тѣло и движеніе, а скорѣе назову ихъ только тѣлесными по причинѣ образа общей обоимъ имъ тѣлесности, составляющей ихъ сущность. Если въ нихъ и есть безтѣлесныя вещи, какъ то дѣйствія, склонности, обязанности, страсти: то мы не считаемъ ихъ самобытными частями ихъ самихъ. Съ какой же стати *Гермогенъ*

обращаетъ въ часть Матеріи движеніе, которое принадлежитъ не къ сущности, а къ ея образу дѣйствія? Если бы тебѣ угодно было выдумать неподвижную Матерію: то не уже ли неподвижность составляла бы вторую ея часть? Тоже самое разумѣть должно и о движеніи. Но о немъ поговоримъ мы еще въ другомъ мѣстѣ.

XXXVII. Видно ты опять обращаешься къ тому же здравому уму, который обыкновенно не доводитъ тебя ни до чего точнаго и вѣрнаго. Подобно какъ Матерія признана тобою ни тѣлесною, ни безтѣлесною, такъ точно дѣлаешь ты ее наконецъ ни доброю ни злою, и приводишь на то слѣдующіе доводы: «если бы Матерія была добрая, то будучи такою во всякое время, она не имѣла бы надобности въ томъ, что бы Богъ ее устраивалъ; если же бы она была въ сущности злая, то противилась бы всякому своему улучшенію, и тогда Богъ никогда не могъ бы «управиться съ нею, потому что работалъ бы во «тще».—Это собственные твои слова, *Гермогенъ*. Не худо бы тебѣ вспомнить о нихъ въ другомъ мѣстѣ, чтобы не впадать въ противорѣчіе съ самимъ собою. Но какъ мы разсуждали уже предъ симъ объ этомъ двусмысліи добра и зла: то теперь отвѣчать я намѣренъ только на твое предложеніе и на твои доводы. Не стану повторять, что тебѣ слѣдовало бы остановиться на чемъ либо опредѣлительномъ, и рѣшительно объявить, какова точно есть Матерія, добрая ли она или злая или же составляетъ нѣчто третіе. Но ты не поддерживалъ даже и того, что выдумалъ. Ты испровергъ самое предложеніе свое, состоящее въ томъ что Матерія ни добра ни зла. Сказать: если бы она была добрая, то не имѣла бы надобности въ томъ, чтобы Богъ ее устраивалъ, значить тоже, что назвать ее

злою. Прибавить къ тому: если бы она была злая, то противилась бы всякому своему улучшенію, есть почти тоже, что счесть ее за добрую. Такимъ образомъ ты объявляешь вмѣстѣ и добрую и злою ту самую Матерію, которую предъ тѣмъ призналъ ни добрую ни злою. Но для опроверженія умствованія твоего, которымъ чаялъ ты подкрѣпить свое предложеніе, я противопоставлю тебѣ слѣдующее: Если бы Матерія всегда была добрая, то почему не имѣть ей надобности въ томъ, чтобы подвергнуться лучшему устройенію? Развѣ то, что добро, не можетъ хотѣть, желать и пріобрѣтать успѣховъ въ томъ, чтобы отъ добра переходить еще къ большому добру? Равнымъ образомъ если бы Матерія была существенно зла: то почему не могла бы она быть преобразована Богомъ, который несравненно могущественнѣе, нежели она, который есть верховное Существо, *Который можетъ отъ каменія воздвигнути чада Аврааму?* Что ты дѣлаешь? Ты не только сравниваешь Бога съ Матерією, но унижаешь Его передъ нею, полагая, что Онъ безсиленъ покорить власти Своей естество Матеріи для ея улучшенія. Стало быть здѣсь ты никакъ не хочешь, чтобы естество Матеріи было злое; а въ другомъ мѣстѣ отвергаешь основное свое начало.

XXXVIII. Сказанное мною о движеніи я могу сказать и о мѣстѣ, назначаемомъ тобою для Матеріи, дабы еще болѣе выказать твое безразсудство. Ты помѣщаешь Матерію и даешь ей мѣсто подъ Богомъ или внизу Бога. Такимъ образомъ Матерія имѣетъ свое мѣсто. Если она имѣетъ мѣсто, то должна быть заключена въ пространствѣ его. Если она заключена въ его пространствѣ, то должна быть ограничена тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ находится. Если она ограничена мѣстомъ, то должна имѣть послѣднюю линію,

которую ты, какъ живописецъ, обязанъ признать за конецъ всякой вещи, ограничиваемой послѣднею линіею. Стало быть Матерія не безконечна, потому что, имѣя мѣсто, ограничивается симъ мѣстомъ, а ограничиваясь имъ, неизбѣжно получаетъ предѣлы. Ты напротивъ того дѣлаешь ее безконечною, говоря: Матерія безконечна, потому что всегда пребываетъ. Можетъ быть кто изъ учениковъ твоихъ возразить, что ты хотѣлъ говорить о безконечности не тѣла, а времени: но слѣдующее изреченіе твое покажетъ, что ты точно разумѣлъ тутъ безконечность, безпредѣльность *тѣлесную*, не имѣющую ни конца ни предѣловъ. «Отсюда происходитъ, говоришь ты, что не вся Матерія употреблена была для творенія, но только нѣкоторыя ея части.» Изъ сего явствуетъ, что ты приписываешь ей безконечность тѣла, а не времени. Ты самъ себя противорѣчишь, когда, назначивъ прежде Матеріи безконечность тѣла, назначаешь ей въ слѣдъ за тѣмъ мѣсто, которое ограничиваешь, и которое служитъ ей предѣломъ.

Сверхъ того я не знаю, почему Богъ не употребилъ всей Матеріи для творенія, развѣ не потому ли, что былъ безсиленъ или завистливъ. Спросилъ бы я, какая же это вторая часть Матеріи, не употребленная въ дѣло, чтобы можно было узнать, какова она въ цѣломъ. Богу надлежало бы явить намъ ее, какъ первообразъ древности для прославленія Его творенія.

XXXIX. «Пусть, скажешь ты, будетъ она ограничена, въ своихъ измѣненіяхъ и переворотахъ, если ты находишь то приличнѣйшимъ; пусть будетъ подвергнута переработкѣ и устройству отъ Бога, покуда способна она измѣняться, превращаться и раздѣляться. Всѣ измѣненія ея доказываютъ только дѣ-

«лимость ея.»—Тутъ ты дѣлаешься невѣренъ утвержденному тобою основному началу, по которому противопологалъ ты Богу то мнѣніе, что Онъ не могъ сотворить Матеріи изъ Самаго Себя, потому что въ качествѣ верховнаго и нерушимаго, а слѣдственно неизмѣннаго и недѣлимаго существа, не могъ Онъ подлежать никакому раздѣленію. Если происхожденіе Матеріи есть вѣчность, потому что она не имѣетъ ни начала ни конца: то она должна быть чужда измѣненія и дѣленія, подобно какъ то и другое чуждо Богу. Имѣя преимущество быть съ Нимъ вѣчною, она необходимо должна участвовать съ Нимъ же во всѣхъ силахъ, законахъ и условіяхъ вѣчности. Равнымъ образомъ, когда ты говоришь, что всякое существо имѣетъ часть Матеріи, дабы все состояло изъ ея частей: то тутъ разумѣешь ты и отдѣлившіяся уже отъ нея части, нами нынѣ видимыя. Какъ же все можетъ имѣть въ себѣ все, даже и то, что издревле существуетъ, когда у тѣхъ существъ, которые теперь мы видимъ, части отличны отъ преждебывшихъ существъ? Ты отвѣчаешь, что Матерія получила послѣ лучшее образованіе, вѣроятно бывши дотолѣ зла; и такимъ образомъ лучшимъ вещамъ ты приписываешь первообразъ вещей злыхъ или самыхъ дурныхъ.

XL. До сихъ поръ господствовала путаница; а вотъ и устройство. Ты хочешь, чтобъ изъ порядка произошелъ безпорядокъ. Ничто не бываетъ образомъ чего бы то ни было, что съ чѣмъ не одинаково. Человѣкъ, смотрящій въ зеркало, видитъ въ немъ образъ не какого нибудь мула, но образъ человѣка, исключая можетъ быть мудреца, воображающаго себѣ, что обработанная и воздѣланная Матерія соответствуетъ Матеріи грубой и безобразной. Скажи: что нынѣ есть столь безобразнаго въ мірѣ, и что могло

быть прежде въ Матеріи столь прекраснаго, чтобы міръ былъ зеркаломъ Матеріи? Когда Греки именуютъ міръ словомъ, означающимъ *украшеніе*: то какимъ образомъ міръ можетъ превратиться въ образъ Матеріи безъ украшенія, дабы имѣлъ ты право утверждать, что все познается по своимъ частямъ? Всегда останется неоспоримымъ, что не подвергшееся преобразованію принадлежитъ къ этому всему. Но ты прежде сказалъ, что Богъ употребилъ Матерію не всю. Стало быть остальная грубая, смѣшанная и чуждая всякаго образованія часть, не можетъ находиться въ тваряхъ образованныхъ, улучшенныхъ и мудро устроенныхъ, потому что сихъ послѣднихъ нельзя назвать и частями Матеріи, такъ какъ онѣ, будучи отъ нея отдѣлены чрезъ свое преобразованіе, не имѣютъ уже ничего похожаго на ея образъ.

XLI. Обращаюсь опять къ движенію, чтобы показать тебѣ, какъ ты всюду ошибаешься. Движеніе Матеріи было безпорядочное, нестройное, мятущееся; почему и сравниваешь ты его съ кипяткомъ въ котлѣ. Но какъ въ другомъ мѣстѣ ты его представляешь? «Желая увѣрить насъ, что Матерія ни добра «ни зла, ты говоришь, что низшая Матерія, имѣя «движеніе, производящееся всегда равномерно, не «склоняется ни къ добру ни къ злу.» Стало быть если это движеніе производится равномерно: то оно не бываетъ ни усиленнымъ, ни подобнымъ кипятку въ котлѣ, а должно быть стройнымъ и умѣреннымъ, какъ такое движеніе, которое свободно вращаясь между добромъ и зломъ, но не склоняясь ни къ тому ни къ другому, пребываетъ всегда въ равновѣсіи. Слѣдовательно тутъ нѣтъ ни волненія, ни смятенія, ни кипѣнія, но скорѣе бываетъ мѣра и равенство въ движеніи, не склоняющемся ни на какую сторону.

Если бы оно колебалось и направлялось болѣе въ одну, нежели въ другую сторону, тогда можно бы упрекнуть его, что оно есть движеніе безпорядочное, неровное, мятущееся. И такъ если движеніе не склонялось ни къ добру ни къ злу: то оно совершалось между добромъ и зломъ; а это служить повымъ доказательствомъ, что Матерія ограпичена извѣстными предѣлами; ибо движеніе ея, не склоняясь ни къ добру ни къ злу, потому что не нагибалось ни на которую сторону, пребывало такъ сказать висающимъ въ равномъ разстояніи между обоими, и потому было ограничено и тѣмъ и другимъ.

Но это не все. «Ты назначаешь добру и злу мѣсто, утверждая, что движеніе Матеріи не склоняется ни къ тому ни къ другому.» Матерія, заключааясь въ какомъ либо мѣстѣ, и не имѣя возможности склоняться на ту или на другую сторону, не склонялась видно и къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ обитають добро и зло. Впрочемъ, назначая добру и злу мѣсто, ты творишь ихъ тѣлесными, потому именно, что дѣлаешь имъ это назначеніе. Безтѣлесныя вещи не могутъ имѣть другаго свойственнаго имъ мѣста, кромѣ тѣла, и суть его случайности или свойства. Матерія, не склоняясь ни къ добру ни къ злу, дѣйствовала такъ не потому, что добро и зло гѣлесны и заключены въ какомъ либо мѣстѣ. Ты сильно ошибаешься, пріемля добро и зло за сущности. Ты дѣлаешь ихъ сущностями, назначая имъ мѣсто. Ты назначаешь имъ мѣсто, когда полагаешь Матерію висающею въ равномъ разстояніи отъ того и другаго.

ХІІ. Ты разбросалъ всѣ вещи по разнымъ мѣстамъ, чтобы противорѣчіе не бросалось въ глаза. Но я соберу ихъ во едино для сравненія. «Ты объявляешь, что движеніе Матеріи безпорядочно, и

«прибавляешь, что Матерія подвержена отсутствію «или лишенію формъ. Въ другомъ мѣстѣ Матерія по «твоему мнѣнію имѣетъ надобность въ устройствѣ со «стороны Бога.» Но имѣетъ ли Матерія, подверженная отсутствію формъ, надобность въ устройствѣ, и Матерія, имѣющая надобность въ устройствѣ, подвержена ли отсутствію формъ? «Ты не хочешь, чтобы Матерія была равна Богу; потомъ присовокупляешь, «что она имѣетъ нѣкоторую съ Богомъ общность. «Ты говоришь, что если бы она не имѣла чего либо «общаго съ Богомъ, то не могла бы быть Имъ украшена.» Я же скажу, что если бы въ ней что либо было общее съ Богомъ: то она не имѣла бы надобности быть Имъ украшенною, потому что составляла бы часть божества по причинѣ сей общности; да и Самъ Богъ могъ бы быть отъ Матеріи украшеннымъ, имѣя съ нею что либо общее; и тутъ ты подчиняешь уже Бога необходимости, если въ Матеріи было какое либо основное начало, по силѣ котораго Онъ далъ ей форму. «Ты приписываешь имъ общее качество, то есть, что они могутъ всегда двигаться сами «собою.» Что же ты убавляешь у Матеріи противъ Бога? Свобода, вѣчность движенія, не составляютъ ли совершеннаго сходства съ Богомъ? «Но Богъ, отвѣчаешь ты, движется въ должномъ порядкѣ, а Матерія «безъ порядка.» Какая нужда? Она тѣмъ не менѣе божественна, потому имѣетъ свободное и вѣчное движеніе. Но этого мало. Ты еще болѣе придаешь важности Матеріи, потому что она можетъ двигаться по крайней мѣрѣ такимъ образомъ, а Богъ не можетъ и того дѣлать, долженъ будучи соблюдать порядокъ.

XLIII. Еще одно замѣчаніе на счетъ движенія. «Ты говоришь, что движеніе Матеріи, по сходству своему съ кипящимъ котломъ, прежде нежели было

«устроено и укрощено, находилось въ мятущемся положеніи и было неприкосновенно со стороны насилья и борьбы; послѣ чего прибавляешь: но она воздержалась, чтобы быть устроенною отъ Бога, и пріила движеніе правильное и удобопреклонное посредствомъ замедленія мятущагося своего движенія.» Сей часъ назначалъ ты движенію борьбу: а теперь приписываешь ему медленность. Познай же сколько разъ противорѣчишь ты самъ себѣ касательно естества Матеріи. Выше сказалъ ты: «если бы Матерія была по естеству своему злая, то противилась бы всякому своему улучшенію, и тогда Богъ никогда бы не могъ управиться съ нею, потому что работала бы вотще.» Стало быть ты положилъ два начала: первое, что Матерія по естеству своему не злая; второе, что естество ея не могло быть преобразовано Богомъ. Въ послѣдствіи, забывши оба эти заключенія, ты говоришь: «но какъ скоро Матерія приведена была Богомъ въ устройство и порядокъ, то совлеклась своего естества.» Если она преобразована въ добро: то слѣдовательно отъ зла перешла къ добру. Если же въ слѣдствіе устройства Божія совлеклась она злаго естества: то естество ея перестало уже существовать; и оно прежде устройства своего было злымъ, а послѣ того перемѣнило качество свое.

XLIV. Остается мнѣ показать, какимъ образомъ по твоему мнѣнію Богъ дѣйствовалъ. Тутъ ты удаляешься отъ философовъ, не сближаясь однакожъ и съ Пророками. Стойки хотятъ, чтобы Богъ проходилъ сквозь Матерію, какъ медъ сквозь соты. А ты что говоришь? «Богъ не проникалъ со всѣхъ сторонъ Матеріи, чтобы «сотворить изъ нея міръ, но только для исполненія «намѣреній Своихъ являлся ей или приближался къ ней, подобно какъ производитъ дѣйствіе свое красо-

«та чрезъ одно появленіе, или магнитъ чрезъ приближеніе или прикосновеніе.» Спрашивается: что общаго у Бога, сотворшаго міръ, съ красотою, уязвляющею сердца, или съ магнитомъ, притягивающимъ желѣзо? Если предположить, что Богъ только являлся Матеріи; то все же Онъ не уязвлялъ ее, подобно красотѣ, уязвляющей сердца. Если допустить, что Онъ только къ ней приближался: то и тутъ Онъ не прилѣплялся къ ней, какъ Магнитъ къ желѣзу. Но я согласенъ принять примѣры твои за нѣчто дѣльное. Если правда, что Богъ произвелъ изъ Матеріи міръ, явившись ей только или приблизясь къ ней: то извѣстно, что Онъ сотворилъ его послѣ явленія и приближенія Своего. Стало бытъ Онъ ей явился и приблизился къ ней не прежде сотворенія міра. Кто же повѣритъ, чтобы Богъ всегда оставался для Матеріи невидимымъ, во все время ея существованія вмѣстѣ съ Нимъ отъ вѣчности? Не уже ли всегда удаленъ былъ отъ нея Тотъ, кто всюду присутствуетъ и все наполняетъ, и чьи хвалы воспѣвають лики неодушевленныхъ и безтѣлесныхъ существъ по словамъ Пророка *Даніила*? Какъ безпредѣльно долженствовало быть то мѣсто, гдѣ Богъ столь удаленъ былъ отъ Матеріи, что никогда не являлся ей и никогда къ ней не приближался? Видно огромный путь долженъ Онъ былъ предпринять, когда восхотѣлъ въ первый разъ явиться ей и къ ней приблизиться.

XLV. Между тѣмъ Пророки и Апостолы не передали намъ, чтобы Богъ сотворилъ міръ только потому, что являлся Матеріи и къ ней приближался, и даже ни разу не упомянули о какой бы то ни было Матеріи. Они первоначально говорятъ намъ о сотвореніи Премудрости: *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя* (Прит. Сол. VIII. 22). Потомъ приходитъ

Слово, Имъ же вся быша и безъ Него ничто же бысть (Юан. I. 3). Наконецъ Словомъ Господнимъ небеса утвердишася и духомъ устъ Его вся сила ихъ (Пс. XXXII 6). Слово и Духъ правая рука Божія, двоица, посредствомъ которой Богъ произвелъ все, что ни сотворилъ. *Дѣла руку Твоею суть небеса* (Пс. CI. 26), сказано далѣе. *Господь содержи кругъ земли, поставивый небо яко камару* (Исаі. XL. 22). Что Богъ произвелъ столь многія и значительныя сущности едипственнно чрезъ воззрѣніе или приближеніе Свое, а не чрезъ свойственное Ему могущество: не станемъ о томъ разсуждать. Я воспользуюсь лучше авторитетомъ *Іереміи*, который говоритъ: *Господь сотворивый землю въ силу Своей, и устроивый вселенную въ мудрости Своей, и разумніемъ Своимъ распростре небеса* (Іер. LI. 15). Вотъ тѣ силы, посредствомъ которыхъ Богъ породилъ весь этотъ міръ. Слава Его еще болѣе усугубляется, если Онъ употребилъ тутъ какой либо трудъ. Наконецъ *въ седмый день почилъ Онъ отъ трудовъ Своихъ*: это трудъ и покой, приличный величію Божию.

Если же Богъ сотворилъ міръ однимъ дѣйствіемъ воззрѣнія или приближенія Своего: то переставши творить, не уже ли пересталъ Онъ также являться и приближаться? Напротивъ того съ тѣхъ поръ Богъ долженъ былъ являться Матеріи еще чаще, и окружать ее со всѣхъ сторонъ еще болѣе. Ты слышалъ, какъ Богъ дѣйствуетъ въ отношеніи созданія міра: Онъ дѣйствуетъ *въ силу, творящей землю, устроиваетъ вселенную въ мудрости Своей, распростираетъ небеса разумніемъ Своимъ*. Онъ не довольствуется однимъ воззрѣніемъ или приближеніемъ: Онъ употребляетъ къ тому силы души Своей, какъ-то премудрость, могущество, разумѣніе, Слово, дыханіе, мужество, кото-

рыя были бы Ему не нужны, если бы требовалось только одно воззрѣніе или приближеніе. Вотъ каковы совершенства Божіи невидимыя, которыя однакожъ со времени сотворенія міра видимы стали изъ Его дѣяній: это Божія премудрость, а не мечтательные атрибуты Матеріи. *Кто бо разумъ умъ Господень? О глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове Его и неизслѣдовани путіе Его* (Римл. XI. 33)! Что означаютъ эти Апостольскія слова, какъ не то, что Богъ сотворилъ всѣ вещи изъ ничего, потому что онѣ не могутъ никѣмъ постигнуты и проникнуты быть, кромѣ Бога, между тѣмъ какъ легко были бы поняты, когда бы были произведеніемъ Матеріи?

Вотъ мое послѣднее заключеніе: чѣмъ болѣе извѣстно, что никогда никакой Матеріи не существовало, и что ей нисколько не приличествуютъ приписываемыя ей качества, тѣмъ яснѣе открывается, что Богъ сотворилъ всѣ вещи изъ ничего.

Замѣтимъ однакожъ между прочимъ, что *Гермогенъ*, усвоивая Матеріи собственную свою сущность, то есть, сущность безпорядочную, мятущуюся, не стройную, увлекаемую буйнымъ, колеблющимся и пылкимъ движеніемъ, изобразилъ какъ нельзя лучше самого себя въ этомъ образчикѣ своего искусства.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ (*).

ПРОТИВЪ ПРАКСЕАСА,

или о Святой Тройцѣ (**).

I. Діаволъ употребляетъ многія ухищренія, чтобы поддѣлаться подѣ истину. Онъ иногда притворяется, будто защищаетъ ее, чтобъ удобнѣе ее поколебать. Проповѣдуя единого Бога, Отца всемогущаго, Создателя вселенной, онъ старается произвестъ ересь по случаю сего единства. Онъ на примѣръ утверждаетъ, что Самъ Отецъ вселился въ утробу Дѣвы, Самъ Отецъ отъ нея рожденъ, Самъ Отецъ пострадалъ, словомъ сказать, Самъ Отецъ есть Иисусъ-Христосъ. Змѣй вошелъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: забывая, что когда искушалъ Иисуса-Христа, котораго *Іоаннъ* крестилъ, то приступилъ къ Нему, какъ къ Сыну Божію, вѣдая, что Богъ имѣетъ Сына; о чемъ

(*) Писана въ 209 году по Р. Х.

(**) Сколько извѣстно, *Тертуліанъ* открылъ ересь *Праксеаса*, оставивъ уже Римъ, и переселясь въ Карфагенъ, въ концѣ епископства папы *Виктори*. Возраженіе его противъ сей ереси имѣло такой счастливый успѣхъ, что *Праксеасъ*, прочитавъ его, позналъ свое заблужденіе, торжественно отъ него отрекся, и вступилъ въ общеніе съ Церковью. *Тертуліанъ* таковою побѣдою своею не возгордился, и приписалъ ее Тому, Кто творитъ подобныя благодатныя обращенія.

могъ почерпнуть свѣдѣніе изъ самаго Священнаго Писанія, на которое ссыался: *аще Сынъ еси Божій, рцы, да каменіе сіе хлѣбы будутъ*; и потомъ *аще Сынъ еси Божій, верзися низу, писано бо есть: яко Ангеломъ своимъ заповѣсть (кто? вѣроятно Богъ Отецъ) о тебѣ сохранить тя, и на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Мат. IV. 3 и 6). Впрочемъ змѣй вздумалъ можетъ быть обличить Евангеліе во лжи, восклицая: «что тутъ Матвей? Что тутъ Лука? Я Самаго Бога обрѣлъ, я Всемогущаго «искушалъ лицомъ къ лицу; посему-то я и приступилъ къ Нему, посему-то и искушалъ Его; а если «бы Богъ имѣлъ Сына, то я никогда не сталъ бы «Его искушать.»—Вотъ каковъ демонъ, изъ начала лжеецъ. Таковъ и тотъ человѣкъ, котораго онъ заражаетъ ядомъ своимъ, какъ напримѣръ *Праксеасъ*.

Праксеасъ первый перенесъ изъ Азіи въ Римъ это превратное ученіе, человѣкъ характера безпокойнаго, напыщенный гордостію мучепицества за нѣсколько скучныхъ дней, проведенныхъ имъ въ темницѣ, тогда какъ сказано: *аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любви же не имамъ, никакая польза ми есть* (1. Кор. XIII. 3). Римскій Епископъ одобрилъ уже пророчество *Монтана, Приски* и *Максимиллы* (*), и чрезъ это одобреніе готовъ былъ даровать миръ церквамъ Азійскимъ и Фригійскимъ; но *Праксеасъ* представилъ ему въ лживомъ видѣ и ихъ пророковъ и ихъ церкви, и ссылаясь на авторитетъ его предшественниковъ, принудилъ его возвратить разосланные уже мирныя грамоты, и отречься отъ новыхъ благодатныхъ даровъ. Такимъ образомъ *Праксеасъ* въ Римѣ

(*) Едва ли это правда. *Тертуліанъ* въ это время былъ уже Монтанистомъ, и по привязанности къ своей ереси легко могъ увлечься носившимися о томъ несправедливыми слухами.

оказалъ діаволу двойную услугу: удалилъ пророчества и ввелъ ересь, обратилъ въ бѣгство Параклета и распялъ Бога Отца. Плевелы, посѣянные *Праксеасомъ*, принесли плоды. Онѣ поросли и тамъ, гдѣ мы теперь находимся, въ то время, какъ большая часть людей спали въ простотѣ вѣры; но когда тотъ, кого Богу угодно было къ тому употребить, обнаружилъ ихъ: то онѣ казались совсѣмъ истребленны. Но еретикъ обезпечилъ себя на счетъ прошедшаго времени: онѣ сдѣланы были учителемъ, совершивъ мнимое отреченіе; о чемъ акты хранятся въ рукахъ у *Psychicos* (*), производившихъ дѣло: все прочее покрыто глубокимъ молчаніемъ. Что касается до насъ: то мы потомъ, познавъ Параклета (**), и вступая за него, совсѣмъ отстали отъ Римлянъ. Между тѣмъ плевелы сіи пустили свои корни. Сперва скрывались они подъ личиною лицемѣрія въ сумракѣ какъ бы полу-жизни; но наконецъ прозябли и расцвѣли. Съ помощію однакожъ Божіею они вновь будутъ нынѣ исторгнуты; а въ противномъ случаѣ придетъ день, когда соберутся всѣ выросшія негодныя травы и преданы будутъ огню неугасимому купно съ разными другими соблазнами.

II. «Итакъ Богъ—Отецъ родился во времени, Богъ «Отецъ страдалъ. Проповѣдуемый Иисусъ—Христосъ не «иное что, какъ Самъ Богъ—Отецъ, какъ Самъ Госъ «подъ Всемогуцій.» Такъ хочетъ *Праксеасъ*. Мы однакожъ во всѣ времена, и особливо теперь, когда просвѣтилъ насъ еще болѣе Параклетъ, обучающій вся-

(*) Такъ *Тертуліанъ*, сдѣлавшись Монтанистомъ, обыкновенно именовалъ членовъ Римской церкви. *Psychicos* значитъ душевный человекъ (I. Кор. II. 14).

(**) *Тертуліанъ* по видимому полагалъ, что *Монтанъ* имѣетъ въ себѣ Параклета или Духа Святаго. *Перев.*

кой истинѣ, мы всегда вѣровали и вѣруемъ во единого Бога, но съ тѣмъ отличіемъ, съ тѣмъ такъ сказать домостроительствомъ, что сей единый Богъ имѣетъ единого Сына, Свое присносущное Слово, изшедшее изъ Него Самаго, *Имѣ же вся быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*. Мы вѣруемъ; что Онъ посланъ былъ Отцемъ Своимъ въ утробу Дѣвы, родился отъ нея вмѣстѣ и человѣкомъ и Богомъ, сыномъ человѣческимъ и сыномъ Божіимъ, что имя Его есть Иисусъ-Христосъ, что Онъ страдалъ, умеръ и былъ погребенъ по Писанію, что потомъ Отцемъ Своимъ былъ воскрешенъ, и, вознесся на небо, сѣлъ одесную Его, дабы нѣкогда приняти опять судить живыхъ и мертвыхъ. Мы вѣруемъ, что Онъ оттуда по общанію Своему ниспослалъ Святаго Духа, Параклета Отца Своего, для освященія вѣрующихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. А что Символъ сей преданъ намъ съ самаго начала Евангелія, гораздо прежде первыхъ еретиковъ, коими же паче прежде недавно возникшей ереси *Цраксеаса*, доказательствомъ тому служить именно позднее всѣхъ ересей происхождение. Отсюда выводится прямое заключеніе, что первое всегда справедливо, а второе бываетъ повреждено.

Но независимо отъ такого заключенія, для наставленія и предостереженія нѣкоторыхъ людей, надлежитъ войти въ ближайшій разборъ дѣла, дабы кто не сказалъ, что лживое ученіе опровергается однимъ простымъ заключеніемъ, а не обслѣдованіемъ, особливо такое ученіе, которое превозносится обладаніемъ истины, думая утвердить единство Божіе на томъ, что смѣшиваетъ въ одно лице и Бога Отца и Бога Сына и Бога Духа Святаго, какъ будто бы одно не было все, когда все происходитъ отъ одного, сохраняя впро-

чемъ святое домостроительство, раздѣляющее единицу на Тройцу, или на исповѣдуемые нами три лица: Отца, Сына и Святаго Духа. Они суть три не въ существѣ, но въ степени; не въ сущности, но въ образѣ; не въ могуществѣ, но въ родѣ: всѣ три имѣютъ одну сущность, одно естество, одно могущество, потому что существуетъ одинъ Богъ, и отъ одного Его исходятъ эти степени, эти образы, эти роды, подъ именами Отца, Сына и Святаго Духа. Въ какомъ смыслѣ ересь пріемлетъ число, отвергая раздѣленіе, дальнѣйшій разборъ дѣла то покажетъ.

III. Умы простые и можно сказать невѣжественные, равно какъ люди не ученые, составляющіе наибольшую часть вѣрующихъ, видя, какъ человѣкъ въ слѣдствіе символа вѣры отъ многобожія вѣка сего переходитъ къ единому истинному Богу, забываютъ, что надобно не только признавать Его единымъ, но и вѣрить всему домостроительству Его. Они симъ домостроительствомъ обыкновенно смущаются. Они за раздѣленіе Единицы пріемлютъ число и лица Тройцы, тогда какъ Единица проистекаетъ изъ самой себя, а Тройца отъ того не только не уничтожается, но совершается. Они вопіютъ, что мы проповѣдуемъ двухъ и трехъ боговъ; что же до нихъ касается, то они исповѣдуютъ единаго Бога, какъ будто бы единство, своевольно ограниченное, не составляло ереси, тогда какъ Тройца, благоразумно пріемлемая, составляетъ истину. «Мы стоимъ за едиподержавіе, говорятъ они, «произнося это слово гордо, какъ настоящіе Римляне, «дабы дать намъ уразумѣть, что они столь же хорошо его понимаютъ, какъ и выговариваютъ.» Но эти Римляне умѣютъ только произносить слово едиподержавіе; а Греки, не хотятъ даже вникнуть въ смыслъ домостроительства. Сколько мнѣ извѣстны оба языка,

единодержавіе по моему мнѣнію не иное что есть, какъ властительство одного. Но единодержавіе не требуетъ непременно, чтобы при такомъ правленіи тотъ, кто имѣетъ всю власть, не имѣлъ сына, или сдѣлался бы самъ сыномъ своимъ, или же бы не исполнялъ единодержавія своего посредствомъ лицъ, ему благоудобныхъ. Я даже утверждаю, что нѣтъ такого господства, принадлежащаго одному, зависящаго частно отъ одной особы, словомъ сказать, нѣтъ такого единодержавія, которое бы не было управляемо другими лицами, близкими къ нему, сообщниками его. Если единодержавный Государь имѣетъ сына, и сдѣлаетъ его сообщникомъ власти своей: то единодержавіе чрезъ сіе не раздѣлится и не перестанетъ быть единодержавіемъ. Напротивъ того оно въ цѣлости останется принадлежностію того лица, которое удѣлило нѣкоторую его часть сыну своему, и такимъ образомъ единодержавіе между двумя столь одинакими лицами пребудетъ ненарушимо. Слѣдовательно когда божественное единодержавіе управляется множествомъ легионовъ и воинствъ Ангеловъ, какъ то написано: *тысяща тысящъ служаху Ему, и тмы темъ предстояху Ему* (Дан. VII. 10), и отъ того, что у Бога столько миллионовъ служителей, ни власть единого Бога не пресѣкается, ни качество единодержавія не теряетъ своего достоинства: то какое безуміе предполагать, будто бы божество раздѣляется и разсѣвается въ Сына и въ Святомъ Духѣ, тогда какъ Они составляютъ только вторую и третію степень, и имѣютъ одну сущность съ Отцемъ, нисколько не раздѣляясь и не разсѣваясь между безчисленнымъ множествомъ Ангеловъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ сущностію?

«Ты говоришь, что составъ, доводы, орудія, сила
«и самый смыслъ единодержавія чрезъ то уничтожа-

ются.» Неправда! Желалъ бы я, чтобы ты лучше вникалъ въ значеніе вещей, нежели бы только произносилъ слова. Ты не долженъ думать, что когда прибавится у Бога господство особаго качества и свойства: то оно становится какъ бы соперникомъ Ему, и чрезъ то разрушается единодержавіе, и вводится другой богъ, противоположный Создателю. Великое богохульство есть признавать многихъ боговъ, подобно *Валентинамъ и Продикамъ*. Уничтожать Создателя значить уничтожать единодержавіе.

IV. Полагая, что Сынъ проистекаетъ изъ сущности Отца, потому что Сынъ ничего не дѣлаетъ безъ воли Отца, и что Отецъ даровалъ Сыну всякую власть: какимъ образомъ могу я добросовѣстно уничтожить въ Сынѣ единодержавіе, переданное Сыну Самимъ Отцемъ? Тоже самое должно сказать и о третьей степени или лицѣ, потому что Духъ также не отънуда исходитъ, какъ отъ Отца чрезъ Сына. Берегись, чтобы самъ ты не разрушалъ единодержавія, испровергая домостроительство, установленное во столько именъ, во сколько Богу благоугодно было. Но оно пребываетъ столь нераздѣльно, не смотря на бытіе Троицы, что Сынъ обязанъ передать его Отцу во всей непарушимости. Апостоль говоритъ такъ: *Таже кончина вѣка, егда предастъ царство Богу и Отцу. Подобаеть бо Ему царствовать, дондеже положитъ вѣя враги подѣ ногами Своима, сообразно съ изреченіемъ Псалмопѣвца: Суди одесную Мене, доколь положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ. — Егда же покоритъ Ему всяческая, тогда и самъ Сынъ покорится покоршему Ему всяческая, да будетъ Богъ всяческая во вѣкъ* (1. Корин. XV. 24—28). Видишь ли? Сынъ не вредитъ единодержавію, хотя оно въ немъ теперь и пребываетъ, потому что находится въ Сынѣ съ коренною своею

сущностию, и потомъ передано будетъ Сыномъ Отцу съ тою же коренною сущностию. Слѣдовательно мы не разрушаемъ единодержавія, признавая Сына, которому оно, какъ извѣстно, вручено отъ Отца, и который долженъ его иѣкогда возвратить Отцу. Однимъ вышеприведеннымъ текстомъ изъ Апостольскаго Посланія мы уже ясно показали, что Отецъ и Сынъ суть два лица, не считая того, что самыя имена Отца и Сына, дѣйствіе одного, дающаго царство, и дѣйствіе другого, его пріемлющаго, равно какъ дѣйствіе покоршаго и покорившагося, неоспоримо доказываютъ, что они суть два.

V. Но какъ наши противники непремѣнно хотятъ смѣшивать двухъ въ одномъ, такъ чтобъ Отецъ былъ тоже, что и Сынъ: то надобно основательно рассмотреть, существуетъ ли Сынъ, кто Онъ и каковъ Онъ есть. Это значитъ, что разборъ долженъ заимствовать доводы свои отъ священнаго Писанія и отъ истиннаго его истолкованія. Иные увѣряютъ, что по Еврейскому тексту книга Бытія начинается сими словами: въ началѣ Богъ сотворилъ себѣ Сына. Но положимъ, что это изреченіе не достовѣрно. Я извлеку доводы мои отъсюда, то есть, отъ домостроительства, существовавшаго въ Богѣ прежде сотворенія міра до времени рожденія Имъ Сына. Дѣйствительно прежде всякаго начала Богъ существовалъ одинъ: Онъ составлялъ Самъ для Себя и міръ Свой, и Свое пространство, и общность существъ. Онъ былъ одинъ въ томъ смыслѣ что внѣ Его ничего не было сотворено. Но и тутъ нельзя сказать, чтобъ Онъ былъ одинъ. Съ Нимъ было лице, которое Онъ имѣлъ въ самомъ себѣ, то есть, Разумъ, потому что Богъ есть существо разумное. И такъ прежде всего былъ въ Немъ Разумъ: все отъ него истекло. Разумъ этотъ не иное что есть, какъ

Его Премудрость. Греки даютъ ему имя *Λογοςъ*, которое у насъ значитъ тоже, что *Слово*. Отсюда происходитъ, что мы обыкновенно говоримъ просто и прямо: *въ началѣ бѣ Слово у Бога*, хотя бы и приличнѣе было приписать первенство Разуму, потому что Богъ не только родилъ Слово въ началѣ, но обладалъ Разумомъ прежде начала, и что Слово, будучи произведено Разумомъ, должно было явиться послѣ Разума, составлявшаго его сущность (*). Но какая нужда до того, какъ что было? Довольно, что Богъ, хотя бы и не родилъ еще Сына, но имѣлъ Его уже въ Себѣ Самомъ вмѣстѣ съ Разумомъ или въ Разумѣ, таинственно обдумывая и располагая то, что хотѣлъ произнести чрезъ Слово Свое. Обдумывая и располагая съ Разумомъ, Онъ превратилъ въ Слово тотъ Разумъ, который питалъ Своимъ Словомъ. Чтобы лучше это понять: то ты, будучи образомъ и подобіемъ Божіимъ, познай самъ по себѣ собственный свой Разумъ, внутри тебя сущій: ты существо разумное, не только сотворенное высшимъ существомъ, но и оживленное сущностію его. Посмотри! Когда ты бесѣдуешь безмолвно самъ въ себѣ: то эта внутренняя бесѣда производится не иначе, какъ разумомъ, который открывается въ тоже время, какъ и слово, при всякомъ движеніи мысли, при всякомъ возбужденіи чувства. Все, что ты помыслилъ, есть слово: все, что почувствовалъ, есть разумъ. Нельзя обойтись, чтобы ты не говорилъ во внутренности души самъ съ собою; и говоря, ты имѣешь собесѣдникомъ то слово, въ которомъ обитаетъ разумъ, побуждающій тебя говорить и мыслить. Стало быть

(*) Не должно забывать, что это писано прежде всѣхъ Вселенскихъ Соборовъ, когда еще не были опредѣлены догматы Церкви. Замѣчаніе сіе относится ко всѣмъ вообще сужденіямъ *Тертуліана*. *Перев.*

въ тебѣ есть такъ сказать другое слово, посредствомъ котораго ты говоришь, мысля, и мыслишь, говоря. Во сколько же кратъ у Бога, котораго ты только образъ и подобіе, можетъ полнѣе быть Разумъ Его, хотя бы Онъ былъ и безмолвенъ, а вмѣстѣ съ Разумомъ и Его Слово? Слѣдовательно можно смѣло сказать, что Богъ прежде сотворенія вселенной былъ не одинъ, что имѣлъ въ Самомъ Себѣ Разумъ Свой, и въ Разумѣ Свое Слово, которое родилъ непосредственно изъ внутренности Своей, изъ чрева, какъ говоритъ *Давидъ*.

VI. Эта сила, это домостроительство Божественнаго Разума, открыты намъ въ Священномъ Писаніи подъ именемъ Премудрости. Да и можетъ ли что быть премудрѣе Разума и Слова Божія? Выслушай, что сказано о Премудрости, какъ о второмъ лицѣ Божества: *«Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣла Своя: прежде вѣкъ основа мя; въ началѣ, прежде неже землю сотворити, прежде неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ мя, то есть, производитъ и раждаетъ въ Своей мысли. Сей часъ увидишь ты ее присутствующею съ Богомъ: доказательство, что она отлична отъ Него. «Егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ, и егда отлучаше престолъ Свой на вѣтрѣхъ, и егда крѣпки творяше вышнія облаки, и егда тверды полагаше источники поднебесныя, и егда полагаше морю предѣлъ его, да воды не мимо идутъ устъ его, и крѣпка творяше основанія земли, бѣхъ при Немъ устрояя: Азъ бѣхъ, о ней же радовашеся, на всякъ же день веселяся предъ лицемъ Его на всяко время (Пр. Сол. VIII. 27—30).» Дѣйствительно какъ скоро Богъ восхотѣлъ дать бытіе разнороднымъ существамъ, которыя предварительно уже расположилъ Своимъ Разумомъ, Премудростію и Словомъ: то въ тоже время*

родить Онъ это всеблагое Слово, заключавшее въ себѣ нераздѣльно и Разумъ и Премудрость, дабы общность существъ сотворена была тѣмъ лицомъ, въ которомъ были они уже зачаты и расположены, или лучше сказать въ которомъ были они уже осуществлены въ мысли Божіей. Чего бы имъ могло недовствовать? Ничего, кромѣ развѣ того, чтобы были видимы и отличены въ своихъ сущностяхъ и родахъ.

VII. Тогда Слово пріемлетъ свою форму и красу, то есть, звукъ и голосъ, при Божіемъ изреченіи: *да будетъ свѣтъ!* Такимъ образомъ рожденіе Слова вполне совершилось, будучи явлено Богомъ, и предварительно произведено въ мысли подъ именемъ Премудрости. *Господь созда мя начало путей Своихъ.* Послѣ того Оно дѣйствительно было рождено: *Егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ.* Слѣдовательно Оно подобно и равно тому, отъ кого происходитъ; Оно есть Сынъ перворожденный, потому что рожденъ прежде всѣхъ вещей, Сынъ однородный, потому что одинъ только рожденъ отъ Бога, и, собственно говоря, зачатъ и рожденъ въ сердцѣ Его, какъ-то самъ Отецъ свидѣтельствуетъ: *отрыгну сердце мое слово благо.* Отецъ услаждается симъ лицомъ, которое находитъ и свое услажденіе въ лицѣ Отца. *Сынъ мой еси Ты; Азъ днесь родихъ Тя.* И въ другомъ мѣстѣ: *изъ чрева прежде денницы родихъ Тя.* Равнымъ образомъ и Сынъ отъ лица Своего подъ именемъ Премудрости возвѣщаетъ, что у Него есть Отецъ. *Господь созда мя начало путей Своихъ въ дѣль Своя.* *Прежде всѣхъ холмовъ раждаетъ мя.* Хотя по видимому Премудрость тутъ и говоритъ, что она создана Богомъ для того, чтобы быть *началомъ путей Его и дѣль Его*; по томъ предъявлено намъ, что *вся быша Словомъ и безъ него ничто же бысть, еже бысть*; также и въ другомъ

мѣстѣ: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и ду-
хомъ устъ Его вся сила ихъ*, то есть, духомъ, сопро-
вождавшимъ Слово. Ясно, что иногда подъ именемъ
Премудрости, а иногда подъ названіемъ Слова, вездѣ
говорится объ одномъ и томъ же лицѣ, раждается ли
оно въ началѣ путей Господнихъ, или утверждаетъ
небеса, или же творитъ всяческая, такъ что безъ не-
го ничего не было и нѣтъ.

Я не стану долѣе настаивать на томъ, что Прему-
дрость, Разумъ, божественная сила и Духъ, подъ раз-
ными наименованіями, составляютъ то же самое, что
и Слово, которое содѣлалось Сыномъ Бога, Его ро-
дившаго и произведшаго въ себя.

«Стало быть, говоришь ты, Слово по вашему мнѣ-
нію есть дѣйствительная сущность, образовавшаяся
«изъ Духа и Премудрости, которыя были Ему сооб-
щены.»

Точно такъ. Да и почему не хочешь ты, чтобы
Слово дѣйствительно существовало въ качествѣ на-
стоящей сущности, и было бы истинное лице и ис-
тинная вещь, и такимъ образомъ, содѣлавшись вто-
рымъ послѣ Бога лицомъ, составило два единосущ-
ныхъ существа, Отца и Сына, Бога и Слово?—«Но,
«возражаешь ты, что такое есть слово, какъ не го-
лосъ и не звукъ устъ, или, говоря языкомъ грам-
матиковъ, какъ не воздухъ, который, будучи ис-
торгнуть изъ устъ, дѣлается внятнымъ для слуха,
«но который впрочемъ не имѣетъ ничего состоятель-
«наго, будучи нѣчто пустое и безтѣлесное?»—Что до
меня касается: то я утверждаю, что отъ Бога ничего
пустаго и несостоятельнаго произойти не могло; ибо
то, изъ чего какая вещь происходитъ, не пусто и не
несостоятельно, и то, что истекаетъ изъ безконечной
сущности, будучи само составлено изъ величайшихъ

сущностей, не может имѣть недостатка въ сущности. Богъ—Слово лично сотворилъ все то, что Имъ сотворено. Спрашивается: какъ помыслить, чтобы Тотъ, безъ кого ничто не могло быть, былъ такъ сказать ничто, чтобы несостоятельное сотворило что либо твердое, чтобы пустое произвело нѣчто полное, а безтѣлесное тѣлесное? Да и въ самомъ дѣлѣ, хотя часто вещь можетъ различествовать съ своимъ производителемъ; но ничто изъ пустаго и изъ ничего произведено быть не можетъ. Можно ли пустою и мечтательною вещію счесть Слово Божіе, именуемое Сыномъ, названное Богомъ: *и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово*? Сказано: *не возмещи имене Господа Бога твоего всуе*. Также: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ нищеза быти равенъ Богу* (Филип. II. 5 и 6). Какой же это образъ Божій? Безъ сомнѣнія образъ, отличный отъ Бога, но тѣмъ не менѣе дѣйствительный. Кто станетъ спорить, чтобы Богъ не имѣлъ тѣла, хотя Онъ и Духъ? Духъ имѣетъ тѣло особаго рода въ Своемъ образѣ. Невидимыя существа, какія бы ни были, имѣютъ у Бога свое тѣло (*) и свою форму, посредствомъ которыхъ и видимы бываютъ отъ Бога; тѣмъ же паче рожденное изъ Его сущности не можетъ лишено быть сущности. Такимъ образомъ какая бы ни была сущность Слова; но я объявляю Его особымъ лицомъ, и усвоиваю Ему имя Сына Божія; признавая же Сыномъ, считаю Его существомъ, отличнымъ отъ Отца.

УШ. Кто бы вздумалъ, что я ввожу здѣсь какъ бы нѣкотораго рода *отростокъ*, то есть, какъ бы *истечение* одной вещи изъ другой, по примѣру *Вален-*

(*) Странное понятіе, яко бы Богъ и невидимыя существа имѣютъ тѣло.

тина, извлекающаго множество своихъ Эоновъ изъ первоначальнаго Эона, тому я отвѣчать буду такъ: не уже ли истина не можетъ и не должна пользоваться выраженіемъ, ей свойственнымъ и составляющимъ собственность ея, отъ того только, что ересь употребила его или лучше сказать заимствовала отъ истины для постройки зданія лжи? Рождено ли Слово Божіе, или нѣтъ? Вотъ поле, на которомъ прошу со мною подвизаться. Если Слово рождено: то признай въ томъ и истеченіе истины; и тогда какая до того нужда, что ересь исказила истину?

Остается разсмотрѣть, какъ кто пользуется своимъ достояніемъ и своими изреченіями. *Валентинъ* отличаетъ свои *истеченія* и отдѣляетъ ихъ отъ Отца; но ставитъ ихъ въ такомъ дальнемъ разстояніи, что послѣдній Эонъ уже отца своего не знаетъ. Этотъ Эонъ ревностно желаетъ его познать, но не достигаетъ того; изнуряется своими пожеланіями, и почти рушится въ своей сущности.—У насъ напротивъ того одинъ Сынъ знаетъ Отца, все слышалъ отъ Отца, все видѣлъ во Отцѣ, говорилъ только то, что заповѣдано Ему отъ Отца, исполняетъ не Свою волю, но волю Отца Своего, котораго вѣдалъ отъ всей вѣчности. Да и подлинно кто можетъ знать то, что есть Божіе, кромѣ Духа въ Богѣ сущаго? Слово создано дыханіемъ, и дыханіе есть, такъ сказать, тѣло Слова. Слово всегда пребывало во Отцѣ, какъ-то Оно само о себѣ объявляетъ: *Азъ во Отцѣ*. Оно всегда было во Отцѣ; а потому и написано: *И слово бѣ у (Бога) Отца*. Оно никогда не отдѣлялось и не различествовало отъ Отца; въ удостовѣреніе чего сказано: *Отецъ и Азъ едино есмы*. Вотъ въ какомъ смыслѣ истина понимаетъ *истеченіе*: это хранилище истины, по силѣ котораго мы говоримъ, что Слово рождено, но не отдѣлено.

Богъ произвелъ Слово, по ученію самаго Параклета, подобно какъ дерево происходитъ отъ корня, ручей отъ источника, лучъ отъ солнца. Эти различные роды суть *истеченія* тѣхъ сущностей, отъ которыхъ происходятъ. Я рѣшился бы даже сказать, что дерево, ручей и лучъ суть какъ бы сыновья корня, источника и солнца, потому что во всякомъ происхожденіи существуетъ родство, и что все, производящееся отъ сего происхожденія, есть потомство; кольми же паче Слово Божіе, получившее себѣ въ собственность имя Сына, никогда не можетъ отдѣлено быть отъ Бога, точно такъ какъ не отдѣляется дерево отъ корня, ручей отъ источника и лучъ отъ солнца.

Слѣдовательно, судя по симъ примѣрамъ, я долженъ заключить, что мнѣ надобно признать два лица, Бога и Слово Его, Отца и Его Сына; ибо корень и дерево, хотя и двѣ вещи, но соединены между собою; источникъ и ручей, хотя и два рода, но всегда нераздѣльны; солнце и лучъ, хотя имѣютъ и два вида, но представляютъ нѣчто вмѣстѣ сросшееся. Всякая вещь, происходящая отъ другой вещи, составляетъ необходимо вторую вещь въ отношеніи къ той, отъ которой происходитъ, но отъ нея необходимо не отдѣляется. Гдѣ два, тамъ долженъ быть второй; гдѣ три, тамъ долженъ быть третій. Третій есть Духъ Святой, исходящій отъ Отца чрезъ Сына, подобно какъ плодъ, происходящій отъ дерева, составляетъ какъ бы третью часть въ отношеніи къ корню, подобно какъ ручей, вытекающій изъ рѣки, есть нѣчто третіе въ отношеніи къ источнику, подобно какъ свѣтъ, происходящій отъ луча, бываетъ также нѣчто третіе въ отношеніи къ солнцу. Но ничто изъ сихъ трехъ не чуждо того начала, отъ котораго заимствуетъ свои качества. Такъ точно и св. Троица исходитъ отъ От-

ца, какъ отъ своего источника чрезъ всѣ степени, связующіяся нераздѣльно между собою, нисколько не вредя единодержавію, или лучше сказать, благопріятствуя во всемъ сущности божественнаго домостроительства.

IX. Не теряй никогда изъ виду утвержденного мною основнаго начала, что Отецъ, Сынъ и Духъ Святый всегда нераздѣльны, и тогда ты познаешь, въ какомъ собственно смыслѣ что говорится. Я утверждаю, что иный есть Отецъ, иный есть Сынъ, иный есть Духъ Святый. Невѣдущій или совращенный съ пути человекъ соблазняется симъ словомъ, какъ будто бы оно означало различіе, и потому влечетъ за собою понятіе о раздѣленіи Отца, Сына и Святаго Духа. Когда я говорю, что Отецъ истинный, нежели Сынъ и Духъ Святый: то говорю это по необходимости, чтобы дать отвѣтъ противникамъ моимъ, которые, защищая исключительное единодержавіе, смѣшиваютъ въ одно лице и Отца и Сына и Святаго Духа. Дѣйствительно же говорю я это для обозначенія не разнообразія, но распредѣленія, не раздѣленія, но отличія, потому что Отецъ не то, что Сынъ, разумѣется, различенъ въ лицѣ, а не въ сущности. Отецъ есть всецѣлая сущность. Сынъ есть истечение и часть сего всецѣлаго, какъ самъ Онъ то объявилъ, сказавши: *Отецъ мой болѣе мене есть*. Псалмопѣвецъ также о томъ свидѣтельствуетъ, говоря: *умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его* (Псал. VIII. 6). Такимъ образомъ Отецъ не то, что Сынъ, въ томъ смыслѣ, что рождшій есть иный, нежели рожденный;—въ томъ смыслѣ, что посылающій не таковъ, какъ тотъ, кто посылается;—въ томъ смыслѣ, что производящій есть не то, что произведенный. Самъ Господь произнесъ подобное слово о Параклетѣ

для обозначенія не раздѣла, но порядка и распредѣленія. *Азъ умолю Отца, говоритъ Онъ, да иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ Духъ истины* (Іоан. XIV. 16). Что же Онъ тутъ разумѣетъ? Доказываетъ, что Параклетъ иное лице, нежели Онъ, подобно какъ мы утверждаемъ, что Сынъ не то, что Отецъ; хочетъ показать третью степень божества въ Параклетѣ по примѣру тому, какъ мы показываемъ вторую степень въ Сынѣ, соблюдая основное начало высшаго домостроительства. Впрочемъ самое имя Отца, даваемое одному, и имя Сына, даваемое другому, не доказываютъ ли, что они между собою отличны? Они всегда суть и будутъ то, что имя ихъ обозначаетъ. Различіе сихъ двухъ именъ не можетъ никогда смѣшиваемо быть, потому что обозначающее ихъ различіе не подвержено смѣшенію. *Ей, ей; ни, ни; лишше же сею, отъ непріязни есть* (Мат. V. 37).

Х. И такъ существуетъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ. Какъ день не то, что ночь, такъ Отецъ не то, что Сынъ: оба одно и тоже быть не могутъ. Противное тому вообразили себѣ суетные защитники исключительнаго единодержавія. «Они говорятъ, что Отецъ «Самъ сдѣлался собственнымъ Своимъ Сыномъ.» Совсѣмъ не то. Само собою слѣдуетъ, что тотъ, кто Отецъ, долженъ имѣть Сына, а Сынъ долженъ имѣть Отца. Родиться взаимно одному отъ другаго невозможно, такъ чтобы Отецъ былъ собственнымъ своимъ сыномъ, а Сынъ собственнымъ своимъ Отцемъ. Что Богъ установилъ, то Онъ и соблюдаетъ. Необходимость требуетъ, чтобъ Отецъ имѣлъ Сына, дабы быть Отцемъ. Необходимость также требуетъ, чтобы Сынъ имѣлъ отца, дабы быть сыномъ. Иное дѣло имѣть, а другое быть. Чтобы напримѣръ быть мужемъ, надоб-

но мнѣ имѣть жену: я не могу быть самъ для себя женою. Равномѣрно чтобы быть отцемъ, я долженъ имѣть сына; я не могу быть самъ сыномъ своимъ. Также чтобы быть сыномъ, я долженъ имѣть отца: я не могу быть самъ своимъ отцемъ. Я таковъ, по-колику я тотъ или другой. Я отецъ, когда имѣю сына. Я сынъ, когда имѣю отца. Если я самъ по себѣ тотъ или другой, то не могу уже быть тѣмъ, чѣмъ именуюсь: не могу быть ни отцемъ, потому что самъ я отецъ, ни сыномъ, потому что самъ я сынъ. Сколько съ одной стороны надобно мнѣ имѣть одного и быть другимъ, столько съ другой, если бы я былъ вмѣстѣ и тотъ и другой, не могъ бы я быть однимъ, не имѣя другаго. Будучи сыномъ, тогда какъ я отецъ, я не могъ бы уже имѣть сына, потому что самъ бы имъ былъ. Не имѣя же сына, потому что самъ бы имъ былъ, какимъ образомъ могъ бы я быть отцемъ? Мнѣ надобно имѣть сына, чтобы быть отцемъ. Я не сынъ, когда не имѣю отца: подъ тѣмъ только условіемъ, что есть отецъ, можно быть сыномъ. Равнымъ образомъ будучи отцемъ, тогда какъ я сынъ, я не могъ бы имѣть отца, потому что самъ бы имъ былъ. Не имѣя же отца, потому что самъ бы имъ былъ, какимъ образомъ могъ бы я быть сыномъ? Мнѣ надобно имѣть отца, чтобы быть сыномъ. Я не отецъ, когда не имѣю сына: подъ тѣмъ только условіемъ, что есть сынъ, можно быть отцемъ.

Я усматриваю здѣсь ухищреніе діавола. Онъ исключаетъ одного посредствомъ другаго, смѣшивая два лица въ одно, подъ предлогомъ сохраненія единодержавія, дабы люди не держались ни того ни другаго. Онъ уничтожаетъ отца, потому что Отецъ не имѣетъ Сына; уничтожаетъ и сына, потому что Сынъ не имѣетъ Отца; ибо какъ скоро онъ отецъ, то не мо-

жетъ быть сыномъ. Вотъ каковы эти строгіе блюстители единоподдержавія: они не могутъ даже отличить Отца и Сына.

«Но нѣтъ ничего труднаго для Бога».—Дѣло неоспоримое. *У человѣкъ сіе невозможно есть, у Бога же вся возможна.* Кому это не извѣстно. *Избра Богъ буя міра сего, да мудрыя посрамитъ.*—«Всѣ эти изреченія, говорятъ они, мы читали: следовательно для «Бога не трудно было сдѣлаться вмѣстѣ и Отцемъ и «Сыномъ вопреки обыкновенному порядку человѣческихъ вещей. Не нарушилъ ли Богъ законовъ при-«роды, допустивъ Дѣвѣ и безплодной женѣ родить!»—Что для Бога ничего нѣтъ труднаго, въ томъ я съ вами согласенъ. Но если мы станемъ простираť это могущество на всѣ прихоти нашего воображенія: то легко можемъ предположить, что Богъ устрояетъ все, такъ какъ намъ угодно, потому только, что имѣетъ къ тому возможность. Не для того, что Онъ можетъ все дѣлать, должны мы вѣрить тому, что именно Онъ сотворилъ и чего не сотворилъ. Главное дѣло въ томъ, что сотворилъ Богъ. Я увѣренъ, что Онъ могъ бы дать крылья человѣку для летанія, подобно какъ далъ ихъ коршунамъ; но сдѣлалъ ли Онъ это, потому что могъ? Онъ могъ бы *Праксеаса* и всѣхъ другихъ еретиковъ задушить при самомъ ихъ рожденіи. Но потому что могъ, задушилъ ли Онъ ихъ? Нѣтъ. Надлежало быть и коршунамъ и еретикамъ: надлежало по вашему мнѣнію быть распятымъ Богу Отцу. Въ семъ-то смыслѣ бываетъ нѣчто для Него затруднительно, то есть, именно то, чего Имъ не сдѣлано, не потому, чтобы дѣло было для Него затруднительно, но потому что Онъ не хотѣлъ того. Дѣйствительно могущество Божіе есть тоже, что Его воля: чего не можетъ, того Онъ не хочетъ. Все, чего Онъ хочетъ, то и можетъ

дѣлать, доказывая это опытомъ. Слѣдовательно такъ какъ Онъ могъ сдѣлаться собственнымъ для Себя сыномъ, если бы восхотѣлъ, и такъ какъ могъ то сотворить, если бы сотворилъ: то доказать, что Онъ сотворилъ это, значить тоже, что Онъ могъ то сдѣлать и хотѣлъ того.

XI. Ты долженъ однакожъ доказать это священнымъ Писаніемъ столь же ясно, какъ мы съ своей стороны изъ него доказываемъ, что Богъ родилъ Себѣ Сына, который есть Слово Его. Если Онъ именуется Его Своимъ Сыномъ, если Сынъ не иной кто, какъ изшедшій изъ чрева Его, и если Слово произошло изъ Его утробы: то стало быть Слово есть Сыщъ, а не самъ тотъ, изъ чьей утробы оно произошло. Ты, смѣшивая Отца съ Сыномъ, полагаешь, что одинъ и тотъ же Богъ вмѣстѣ и рождаетъ и исходитъ изъ Самаго Себя. Если Онъ и могъ сотворить это, но того не сотворилъ. Ты обязанъ представить мнѣ доводъ, подобный моему, какого я требую, то есть, чтобы въ св. Писаніи было точно сказано, что Отецъ и Сынъ суть одно и тоже. У насъ Богъ Отецъ и Богъ Сыщъ составляютъ отличныя лица: понимаешь ли? отличныя, а не раздѣльныя. Ссылаюсь въ семъ случаѣ на слѣдующій текстъ: *Отрыгну сердце Мое Слово благо*. Приведи намъ напротивъ того такой текстъ, гдѣ бы было сказано: *Отрыгну сердце Мое самаго Меня въ Слово благо*, дабы засвидѣтельствовать, что Онъ вмѣстѣ и рождающій и рождаемый, вмѣстѣ и производящій, и производимый, если то правда, что Онъ купно и Слово и Отецъ. Я могу показать тебѣ, что Отецъ говоритъ Сыну: *Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесъ родихъ Тя*. Если ты хочешь увѣрить меня, что Отецъ есть тоже, что Сынъ, приници мнѣ такой текстъ, гдѣ бы сказано было напримѣръ: *рече Господь само-*

му Себѣ: *Азъ Сынъ Мой есмь, Азъ днесь родихъ Себе,* и слѣдовательно *родихъ Себе* прежде дѣицы; или же гдѣ бы сказано было такъ: *Азъ Господь создахъ Мя начало путей Моихъ въ дѣла Моя, прежде всѣхъ холмовъ родихъ Мя,* и другіе подобнаго содержанія тексты. Не уже ли Богъ, Господь всѣхъ вообще существъ, побоялся бы изъясниться такимъ образомъ, если бы была то правда? Не ужели бы побоялся Онъ того, что люди Ему не повѣрятъ, когда бы просто сказалъ, что Онъ вѣстѣ и Отецъ и Сынъ. Нѣтъ! Онъ побоялся бы одного, то есть, чтобы не произнестъ лжи; побоялся бы Самаго Себя и истины Своей. Вотъ почему, вѣря правдивости Божіей, я убѣжденъ въ томъ, что Богъ говорилъ не иначе, какъ поступалъ, и поступалъ не иначе, какъ говорилъ. Ты же напротивъ того творишь Бога обманщикомъ, который забавляется Своими словами, и который, будучи Самъ Сыномъ Своимъ, возлагаетъ это званіе на другаго, между тѣмъ какъ все свѣщ. Писаніе свидѣлствуетъ противное, доказывая и отличая святую Троицу.

Отсюда истекаетъ наше заключеніе, что существо, которое говоритъ, и существо, съ которымъ и о которомъ оно говоритъ, не можетъ быть одно и тоже существо; ибо противно было бы всякой логикѣ и недостойно правды Божіей, чтобы Богъ, говоря Самому Себѣ, обращалъ рѣчь не къ Себѣ, а къ другому. Выслушай теперь, какъ Отецъ говоритъ о Сынѣ Своемъ устами Пророка *Исай: се отрокъ Мой, избранный Мой, пріятъ Его душа Моя, дахъ духъ Мой нпвъ, судъ языкомъ возвьститъ.* Хочешь ли видѣть, какъ Онъ обращаетъ рѣчь къ лицу Сына: *весіе Ти есть, еже возставити племена Іаковля, и разспяніе Израилево обратити; се дахъ Тя въ завітъ рода, во свѣтъ языкомъ, еже быти Тебѣ во спасеніе, даже до послѣд-*

нихъ земли. Желаетъ ли знать, какъ Сынъ говоритъ объ Отцѣ: *Духъ Господень на Мя, Его же ради помаза Мя благовѣстити слѣпымъ прозрѣніе* (людямъ Евангеліе). (Исаи XLII. 1. XLIX. 6. LXI. 1). Тоже самое возглашаетъ и Псалмопѣвецъ: *не остави Мене, дондеже возведу мышцу Твою роду всему грядущему*. Также въ другомъ Псалмѣ: *Господи, что ся умножиша стужающіи Ми* (Псал. LXX. 18. III. 1)? Но о чемъ тутъ говорить? Почти вся Псалтирь только и твердить о имени Христовомъ: вездѣ Сынъ бесѣдуетъ съ Отцемъ, то есть, Христосъ съ Богомъ.

Замѣть притомъ, какъ и Духъ Святой въ третьемъ лицѣ говоритъ объ Отцѣ и Сынѣ: *Рече Господь Господеву Моему: спди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Ис. СІХ. 1). Также у Исаи Пророка Духъ Святой говоритъ Отцу о Сынѣ: *Господи, кто вѣрова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся? Возвѣстимъ яко отроча предъ Нимъ, яко корень въ земли жаждущей, нѣсть вида Емю, ниже славы: и видѣхомъ Его, и не имяше вида, ни доброты* (Ис. LIII. 1 и 2).

Вотъ нѣсколько текстовъ изъ тысячи ихъ. Мы не намѣрены приводить здѣсь на сей счетъ разныхъ поясненій изъ Священнаго Писанія, потому что въ каждой изъ другихъ нашихъ статей, ссылаясь на полноту свидѣтельствъ его, мы почерпали оттуда довольно обширные доводы. Достаточно и сихъ немногихъ строкъ къ неодолимому утвержденію отличія лицъ Святыя Троицы. Да и что въ Писаніи находимъ мы дѣйствительно? Находимъ Духа Святаго, который говоритъ, находимъ Отца, которому Онъ говоритъ, находимъ Сына, о которомъ Онъ говоритъ. Равнымъ образомъ и другіе тексты, гдѣ говорится то объ Отцѣ и Сынѣ въ отношеніи къ Сыну, то о Сынѣ и Отцѣ въ отно-

шеніи къ Отцу, ясно обозначаютъ каждое лице въ особомъ своемъ качествѣ.

АИ. Когда соблазняетъ тебя число Троицы, какъ противоположное единству божественной сущности: то скажи мнѣ, откуда происходитъ, что Богъ, если Онъ одинъ и одинокъ, говоритъ во множественномъ числѣ: *сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію*, тогда какъ долженъ бы былъ сказать: *сотворю человека по образу Моему и по подобію*, потому что Онъ одинъ и одинокъ? Но въ слѣдующемъ текстѣ: *се Адамъ бысть, яко одинъ отъ Насъ*, не уже ли Богъ хотѣлъ обмануть меня и позабавиться надо мною, сказавши, что не одинъ былъ Богъ, тогда какъ Онъ былъ одинъ или одинокъ и весь сосредоточенъ въ Своемъ единствѣ? Не обращалъ ли Онъ тогда рѣчи къ Ангеламъ, какъ толкуютъ Іудеи, потому что не признаютъ и самаго Сына? Или же не произошло ли это отъ того, что Богъ былъ вмѣстѣ и Отецъ и Сынъ и Духъ Святой, и считая себя множественнымъ, обращалъ рѣчь къ Самому Себѣ во множественномъ числѣ? Сущія мечты! Причина, почему употреблялъ Онъ множественное число: *сотворимъ . . . по Нашему образу . . . одинъ отъ Насъ . . .* состояло въ томъ, что къ лицу Божіему были приобщены еще два лица: лице Сына и Слово Его, и лице Духа Святаго въ Словѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ сотворилъ Богъ человека? По чьему подобію сотворилъ Онъ его? Онъ бесѣдовалъ въ единствѣ Троицы, съ одной стороны съ Сыномъ, который долженъ будетъ пѣкогда облечься въ плоть человека, а съ другой со Святымъ Духомъ, который долженъ будетъ пѣкогда освятить Сына; бесѣдовалъ съ Ними, какъ съ Своими воеводами и со-вѣтниками.

Впрочемъ священное Писаніе различаетъ потомъ

лица: *И сотвори Богъ человека, по образу Божію сотвори его.* Почему по образу Божію, а не по Своему, когда творившій былъ одинъ, когда не было другаго, въ чей образъ Онъ творилъ? Безъ сомнѣнія существовалъ кто либо, въ чей образъ Онъ творилъ, то есть, Онъ творилъ въ образъ Сына, который долженствуя нѣкогда быть настоящимъ, истиннымъ человекомъ, начерталъ на человѣкѣ подобіе Свое, сотворивши его изъ персти, дабы Самъ могъ въ точности быть образомъ и подобіемъ человѣка.

Что написано о прочихъ твореніяхъ міра, до того происходившихъ? Во первыхъ прежде, нежели Сынъ открылся, сказано: *И рече Богъ: да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ*, то есть, бысть Слово, истинный свѣтъ, просвѣщающій всякаго человека, грядущаго въ міръ, свѣтъ, посредствомъ котораго сотворенъ и самый свѣтъ сего міра. Но какъ скоро Иисусъ-Христосъ началъ присутствовать и вспомоствовать Богу въ лицѣ (Бога) Слова: то тутъ уже Богъ повелѣваетъ и Богъ исполняетъ. *И рече Богъ: да будетъ твердь . . . И сотвори Богъ твердь. И рече Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной . . . И сотвори Богъ два свѣтила великая: свѣтило великое (большее), и свѣтило меньшее.* Впрочемъ кто творитъ первоначальныя вещи, тотъ же самый творитъ и все прочее, то есть, (Богъ), Слово, *Имъ же вся быша, и безъ Него же ничтоже бысть, еже бысть.* Если же правда, какъ *Іоаннъ* свидѣтельствуетъ, что сотворившій все былъ Богъ, и *Богъ бѣ Слово*: то тутъ уже дѣйствуютъ два лица: одно, которое говоритъ *да будетъ*, и другое, которое исполняетъ. Но въ какомъ смыслѣ суть они два? Я уже сказалъ: въ лицахъ, а не въ сущности, въ отличіи, а не въ раздѣленіи.

Не смотря однакожъ на то, что вездѣ соблюдаетъ

ся единство сущности въ сихъ трехъ лицахъ, нераздѣльно соединенныхъ, необходимость требуетъ предположить, что тотъ, кто повелѣваетъ, долженъ быть отлеченъ отъ того, кто исполняетъ. Дѣйствительно кто что повелѣваетъ, тотъ не можетъ самъ исполнять того, что повелѣваетъ исполнить другому. Между тѣмъ Онъ повелѣваетъ: стало быть не повелѣвалъ бы Онъ Самъ Себѣ, если бы былъ одинъ, но просто исполнилъ бы безъ повелѣнія, и не выжидалъ бы, пока Самъ Себѣ повелитъ.

ХІІІ. «Ты возражаешь мнѣ на это, что если Богъ «говоритъ и Богъ творитъ, то есть, если иной Богъ «говоритъ и иной Богъ творитъ: то стало быть я проповѣдую двухъ боговъ.» Увлекаясь своимъ жестоко-сердіемъ, ты можешь на минуту и сему вѣрить; а чтобы тебѣ еще удобнѣе вѣрить тому, то выслушай, какъ въ ХLIV псалмѣ обозначаются два Бога: *престолъ Твой Божіе въ вѣкъ вѣка; жезлъ правости жезлъ царствія Твоего. Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе; сего ради помаза Тя Божіе Богъ Твой елеемъ радости наше причастникъ Твоихъ.* Обращаясь къ Богу, Давидъ утверждаетъ, что Богъ помазалъ Бога: стало быть онъ являетъ намъ тутъ двухъ Боговъ. По сей же самой причинѣ и Пророкъ Исаія говоритъ объ Иисусѣ-Христѣ такъ: *Саваимстѣи мужи висоции и къ Тебѣ преидутъ, и Тебѣ будутъ раби, и въ слѣдъ Тебѣ пойдутъ связани узами ручными, и преидутъ къ Тебѣ, и поклонятся Тебѣ, и въ Тебѣ помолятся: яко въ Тебѣ Богъ есть, и рекутъ: Ты еси Богъ, и не вѣдѣхомъ, Богъ Израилевъ спасъ* (Ис. ХLV. 14 и 15). Тутъ Пророкъ говоря, что *въ Тебѣ Богъ есть* и что *Ты еси Богъ*, равнымъ образомъ являетъ намъ двухъ Боговъ, одного, который былъ, и другаго, въ которомъ Онъ былъ, Иисуса-Христа и Духа Святаго.

Мало того. Ты найдешь тоже самое и въ Евангеліи. Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово. Здѣсь также одинъ Богъ бѣ, и другой, у котораго бѣ. Сверхъ того я вижу, что равномѣрно двумъ (Богамъ) приписывается и одно имя Господа. *Рече Господь Господеви Моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножіе ногъ Твоихъ* (Псал. СІХ). Пророкъ *Исаія* также съ своей стороны изъяснился на сей счетъ слѣдующимъ образомъ: *Господи, кто върова слугу нашему, и мышца Господня кому открыся* (ІІІ. 1)? Онъ вѣрно бы сказалъ: *Твоя мышца*, упомянулъ бы о имени *Господнемъ*, если бы не желалъ дать намъ подразумѣвать тутъ двухъ лицъ: Господа Отца и Господа Сына. Но книга Бытія еще древнѣе гласитъ: *И Господь одожди на Содомъ и Гоморръ жупель и огонь отъ Господа съ небесе* (ХІХ. 24). Докажи, что это изреченіе не написано; или лучше сказать, кто ты, что считаешь долгомъ своимъ не вѣрить столь ясному изреченію, исполненному смысла точнаго, опредѣлительнаго, неизмѣннаго, и не заключающаго въ себѣ ни малѣйшей аллегоріи или притчи? Если ты изъ числа тѣхъ, которые не ожидали тогда Господа подъ именемъ Сына Божія, и не вѣрили Ему въ качества Господа: то вспомни, что сказано сверхъ того въ другомъ мѣстѣ: *Азъ ряхъ: божи есте и сынове Вышняго . . . Богъ ста въ сонмъ боговъ* (Псал. LXXXI. 6 и 1). Это сказано на тотъ конецъ, что когда св. Писаніе не усумнилось почитать именемъ боговъ мужей, учинившихся дѣтьми Божіими чрезъ вѣру: то ты долженъ признать, что тѣмъ паче оно могло и должноствовало приписать это имя Сыну Божію единственному и истинному.

«Хорошо, говоришь ты: продолжайте пожалуй по «силѣ сихъ текстовъ проповѣдывать двухъ боговъ,

«двухъ Господовъ.» — Сохрани Богъ! Мы, изслѣдывая времена и побудительныя причины св. Писанія при свѣтѣ благодати Божіей, мы, наставленные Параклетомъ, а не людьми, торжественно объявляемъ, что Троица Святая состоитъ не только изъ двухъ, но изъ трехъ лицъ, Отца, Сына и Святаго Духа, соотвѣтственно божественному домостроительству, допускающему число, но отвергающему всякое предположеніе, будто бы Отецъ, какъ-то вы ложно думаете, Самъ воплотился, Самъ страдалъ: о чемъ и мыслить не позволяется, потому что нѣтъ на сей счетъ никакого преданія. Мы однакожъ не сами по себѣ именуемъ двухъ Боговъ и двухъ Господовъ: именуемъ ихъ такъ не потому, чтобъ Отецъ не былъ Богъ, чтобы Сынъ не былъ Богъ, чтобы Духъ Святый не былъ Богъ, но потому что въ прежнія времена возвыщено было о двухъ (и о трехъ) Богахъ и Господахъ, дабы Иисусъ-Христосъ при Своемъ пришествіи былъ признанъ за Бога и провозглашенъ Господомъ, такъ какъ Онъ есть Сынъ Бога и Господа. Если бы св. Писаніе упоминало только объ одномъ Богѣ, объ одномъ Господѣ, въ одномъ лицѣ: тогда конечно нельзя бы было Иисусу-Христу присвоить качество Бога и Господа; ибо въ Писаніи вездѣ и всегда проповѣдуется, что нѣтъ Бога и Господа, кромѣ единого. Тогда можно бы было почитать, будто бы Отецъ Самъ снисходилъ на землю, опираясь на то, что Писаніе свидѣтельствуетъ объ одномъ только Богѣ и Господѣ; и въ такомъ случаѣ все Его домостроительство, учрежденное и приспособленное къ утвержденію нашей вѣры, обратилось бы въ хаосъ и въ тьму.

Но когда Христосъ снишелъ къ намъ, когда признанъ нами за Того, кто составляетъ божественное число, признанъ вторымъ послѣ Отца, когда третій

есть Духъ Святый, когда наконецъ Христосъ открылъ намъ Отца въ совершеннѣйшемъ видѣ: то имя Бога и Господа надлежало привести къ единству на тотъ конецъ, чтобы народы отъ многобожія перешли къ поклоненію единому Богу, и чтобы существовало различіе между чтилителями истиннаго Бога и воспитанниками идолопоклонства. Христіане должны были просіять въ мірѣ, какъ чада свѣта, служа и покаяныя имени единого Бога и единого Господа.

Впрочемъ, если бы, сознаваясь въ совѣсти нашей, что имя Бога и Господа приличествуетъ равно и Отцу и Сыну и Духу Святому, станемъ мы ихъ называть особливými Богами и Господами: тогда бы мы погасили свои свѣтильники и сдѣлались робкими во время мученичества; открывши же себѣ дверь для избѣжанія отъ смерти, легко могли бы поклясться нѣсколькими Богами и Господами, какъ-то поступили извѣстные еретики, пріемлющіе многихъ боговъ. И такъ я никогда не скажу, что есть особливые Боги и Господы; но стану слѣдовать Апостолу; и когда надобно будетъ наименовать вмѣстѣ Отца и Сына, то изъяснюсь такъ: Богъ Отецъ и Іисусъ-Христосъ Господь нашъ. Если дѣло идетъ объ одномъ Христѣ, то я вмѣстѣ съ тѣмъ же Апостоломъ могу назвать Его прямо Богомъ, какъ сказано: *отъ нихъ же (Израелитовъ) Христосъ по плоти, сый надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки* (Римл. IX. 5). Солпечный лучъ самъ по себѣ можетъ названъ быть солнцемъ; но наименовавъ солнце, отъ котораго лучъ происходитъ, нельзя уже назвать солнцемъ луча его. Тутъ хотя и не признаю я двухъ солнцевъ, но отличаю солнце отъ луча, имѣя въ виду двѣ вещи и два рода одной и той же нераздѣльной сущности, подобно сущности Отца и Сына, Бога и Слова Его.

XIV. Въ помощь къ утвержденію различія между Отцемъ и Сыномъ служить также и то, что Богъ невидимъ. Когда *Моисей* пожелалъ видѣть Господа и сказалъ: *аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, яви ми Тебе Самаго, да разумно вижду Тя*; то ему было отвѣтствовано: *не возможеши видѣти лица Моего, не бо узритъ человекъ лице Мое и живъ будетъ* (Исход. XXXIII. 13 и 20). «Что же это значитъ: человекъ, «узрѣвшій Меня, умереть? Мы знаемъ однакожъ, что «многіе видѣли Бога, и никто изъ видѣвшихъ Его не «умеръ.» Такъ точно! Они видѣли Его по способности человека, но не въ полнотѣ божества. Изъ Патриарховъ *Авраамъ* и *Іаковъ*, изъ Пророковъ *Исаія* и *Іезикій*, видѣли Бога, и не умерли. Слѣдовательно или они должны были умереть, увидѣвши Бога, такъ какъ *никто же узритъ Бога и живъ будетъ*, или если они, увидѣвши Бога, не умерли, то св. Писаніе изобличается въ неправдѣ, утверждая ли то, что Богъ невидимъ, или приводя, что Онъ былъ видимъ. Стало бытъ видимъ былъ другой Богъ; ибо о Томъ, кто былъ видимъ, нельзя сказать, что Онъ невидимъ. Изъ сего слѣдуетъ, что подъ именемъ Того, кто невидимъ, должны мы разумѣть Отца по причинѣ полноты Его величія, а подъ именемъ Того, кто видимъ, разумѣемъ Сына по причинѣ происхожденія Его, умѣряющаго Его величіе, подобно тому, какъ мы не можемъ смотрѣть на солнце въ цѣлостномъ его составѣ на небесахъ, между тѣмъ какъ глаза наши легко переносятъ сіяніе лучей его по причинѣ ослабленія сей частички солнца, ниспускающей на землю.

«Здѣсь нѣкоторые возражаютъ намъ, можетъ быть, что «Сынъ равноѣрно невидимъ, поколику Онъ есть Слово и Духъ; а приписывая Отцу и Сыну одно и тоже

«естество, можно заключить, что Отецъ и Сынъ со-
«ставляютъ одно лице.»

Но св. Писаніе, какъ мы уже сказали, свидѣтель-
ствуетъ различіе лицъ, отличая видимое лице отъ не-
видимаго.

Противники наши ограждаютъ себя слѣдующими
словами: «если бы Сынъ бесѣдовалъ съ Моисеемъ, то
«Онъ бы объявилъ, что никто не можетъ видѣть соб-
«ственно лица Его, потому что вездѣ и всегда неви-
«димъ былъ Отецъ подъ именемъ Сына.» Разсуждая
такимъ образомъ, они хотятъ доказать, что одинъ и
тотъ же (Богъ) бываетъ видимъ и невидимъ, подобно
какъ смѣшиваютъ они Отца съ Сыномъ; ибо нѣсколь-
ко выше, прежде нежели Богъ сказалъ Моисею, что
онъ не можетъ видѣть Его, написано: *и глагола Го-
сподь къ Моисею лицемъ къ лицу, яко же аще бы кто
возглаголалъ къ своему другу* (Исх. XXXIII. 11). *Иаковъ*
равномѣрно сказалъ: *въдѣхъ Бога лицемъ къ лицу* (Быт.
XXXII. 30). Стало быть одинъ и тотъ же (Богъ) бы-
ваетъ и видимъ и невидимъ; будучи же тѣмъ и дру-
гимъ, Онъ въ качествѣ Отца невидимъ, а въ качествѣ
Сына видимъ. Подобное истолкованіе св. Писанія, на
которомъ мы основываемся, совершенно приличе-
ствуетъ Сыну, оставляя Отца при Его невидимости. Мы
объявляемъ рѣшительно, что Сынъ невидимъ по Сво-
ему имени, какъ Слово Божіе и Духъ, судя по со-
образію сущности Своей съ качествомъ Бога, Слова и
Духа; но прежде, нежели облекся въ плоть, Онъ былъ
видимъ тѣмъ же способомъ, какъ Самъ объявилъ Аа-
рону и Маріамъ: *«аще будетъ въ васъ Пророкъ Госпо-
день, въ видѣніи ему познаюся, и во снѣ возглаголю
ему, не тако яко же рабъ Мой Моисей во всемъ дому
Моемъ въренъ есть; усты ко устамъ возглаголю ему явь*
(Числ. XII. 6—8), то есть, не въ гаданіи, не въ во-

ображеніи, но какъ Апостолъ сказалъ: *видимъ убо нынѣ яко же зеркаломъ въ гаданіи, тогда же лицемъ къ лицу* (1 Кор. XIII. 12).

Слѣдовательно, когда Сынъ предоставляетъ Моисею честь находиться въ Своемъ присутствіи и бесѣдовать съ Собою лицемъ къ лицу на будущее время, какъ то свидѣтельствуетъ Евангеліе, упоминая, что это совершилось буквально на особой горѣ, гдѣ Онъ дѣйствительно бесѣдовалъ съ Моисеемъ: то изъ сего очевидно явствуетъ, что въ прошедшемъ времени Богъ, то есть, Сынъ Божій, никогда ни Пророкамъ, ни Патріархамъ, ни самому Моисею иначе не являлся, какъ въ воображеніи, въ гаданіи, во снѣ или въ иномъ какомъ либо видѣніи.

Впрочемъ если Господь бесѣдовалъ съ Моисеемъ такъ, что Моисей могъ видѣть лице Его вблизи: то почему онъ тутъ же просилъ Господа явить ему Себя Самаго, чего бы вѣрно не потребовалъ, если бы видѣлъ Его? И потомъ за чѣмъ Богъ объявилъ, что никто не можетъ видѣть лица Его, когда уже его показалъ, если только показалъ? Или нѣтъ ли у Бога другаго лица, такъ что одного нельзя видѣть, а другое созерцать можно? *Иаковъ* восклицаетъ: *видѣхъ Бога лицемъ къ лицу, и спасеся душа моя*. Нѣтъ сомнѣнія, что лице, которое умерщвляетъ, должно быть другаго рода; или же являлся Сынъ, имѣвшій лице Господа, но являлся въ видѣніи, во снѣ, въ зеркалѣ, въ гаданіи; ибо Слово и Духъ могутъ быть видимы очами только воображенія. Онъ именуется лицемъ Своимъ невидимаго Своего Отца. Да и подлинно какой Отецъ не бываетъ лицемъ Сына по заимствуемой Сыномъ отъ Отца силѣ и власти? Не прилично говорить о какой либо высшей особѣ: этотъ человекъ есть лице мое, или, онъ служить мнѣ лицемъ. *Отецъ Мой,*

говорить Сынь, *болій Мене есть*. Стало быть Отець долженъ быть лицомъ Сына. Но какъ говорить св. Писаніе? *Духъ лица Его, Иисусъ Христосъ, Господь нашъ*. Слѣдовательно если Христосъ есть Духъ лица Отца Своего: то Онъ весьма справедливо по качеству единства названъ лицомъ Своимъ Того, чьимъ Онъ былъ духомъ и лицомъ, то есть, Отца. Я удивился бы, если бы кто Отца, главу Сына Своего, наименовалъ лицомъ сего послѣдняго. Богъ (Отець) есть глава Иисуса Христа.

XV. Если я не успѣлъ утвердить предмета сего текстами изъ ветхаго Завѣта: то остается мнѣ позаимствоваться Завѣтомъ новымъ для подкрѣпленія нашего объясненія, дабы воспрепятствовать тебѣ приписывать Отцу то, что отношу я къ Сыну. Въ Евангеліяхъ и въ посланіяхъ Апостоловъ я нахожу Того же видимаго и невидимаго Бога, явно и лично отличеннаго по одному и по другому естеству. Іоаннъ Богословъ возглашаетъ: *Бога никто же видѣ нигдѣ же*. Не въ прошедшемъ ли времени? Никакъ нѣтъ. Онъ прервалъ всякое сужденіе на счетъ времени, сказавши просто, что Бога никто не видалъ нигдѣ. Апостолъ Павелъ подтверждаетъ ту же истину, говоря: *Бога никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. VI. 16), вѣроятно потому, что тотъ умеръ бы, кто бы Его увидѣлъ. Между тѣмъ тѣже Апостолы торжественно свидѣлствуютъ, что они видѣли и осязали Бога. Если Христосъ тоже, что Богъ, и Сынъ тоже, что Отець: то какимъ образомъ могъ Онъ вмѣстѣ быть и видимъ и невидимъ?

«Для соединенія въ одно существо различности «Того, кто бываетъ видимъ и невидимъ, противникъ «мой отвѣтствуетъ мнѣ, что оба изреченія справедливы, что Богъ былъ видимъ, когда облекся въ

«плоть, невидимъ же, доколѣ въ нее не облекся, такъ «что Отецъ, будучи невидимъ, не имѣя плоти, есть «тоже, что Сынъ, видимый въ Своемъ человѣчествѣ.» — Я же спрошу. Если Отецъ былъ невидимъ, прежде нежели облекся въ плоть: то отъ чего св. Писаніе говоритъ мнѣ, что Онъ былъ видимъ прежде воплощенія? Также если Онъ видимъ сталъ со времени воплощенія Своего: то отъ чего Апостолы увѣряютъ, что Онъ нынѣ невидимъ? Отъ чего? Не отъ того ли, что существуетъ другой (Богъ), который, будучи древлѣ видимъ въ гаданіи, открылся нынѣ явственнѣе въ Своемъ человѣчествѣ, и этотъ другой есть Слово, *уже плоть бысть*, котораго собственно никто никогда въ сущности не видалъ, кромѣ Отца, потому что Онъ есть Его Слово.

Но рассмотримъ, кто именно есть Тотъ, котораго видѣли Апостолы? *Еже видѣхомъ очима нашими, говоритъ Іоаннъ, еже узрѣхомъ, и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ* (1 посл. Іоан.). Слово живота дѣйствительно, воплотившись, было видимо и осязаемо, потому что воплотился Тотъ, кто прежде воплощенія *въ началѣ бѣ Слово у Бога* Отца, а не Отецъ въ Словѣ. Слово, хотя и Богъ, но не престаеетъ быть въ Богѣ или у Бога, потому что Оно Богъ отъ Бога, со Отцемъ въ Отцѣ. *И видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца.* Слышишь ли? Славу единороднаго, то есть, Того, кто бываетъ видимъ и кого прославилъ Отецъ невидимый. Вотъ почему, наименовавъ предъ тѣмъ Бога Словомъ Божиимъ, во избѣжаніе мнѣнія противниковъ нашихъ, яко бы Апостолъ видѣлъ лично Отца, онъ для отличенія Отца невидимаго отъ Сына видимаго тутъ же присовокупляетъ какъ бы въ добавокъ: *Бога никто же видѣ ни гдѣ же.* Какого Бога? Слово? Конечно нѣтъ. Онъ въ другомъ

мѣстѣ сказалъ: *еже слышахомъ, еже видѣхомъ, еже осязахомъ*. Какого же Бога? Отца, въ которомъ бл Слово, то есть, едиnorodный Сынъ Божій, сый въ ло-
ни Отчи, той исповѣда. Это Тотъ, кто былъ видимъ, слышанъ, осязаемъ, дабы не счелъ Его кто либо при-
зракомъ. Это Тотъ, котораго видѣлъ Павелъ, не ви-
дѣвшій однакожъ Отца. *Еда не видѣхъ Иисуса*, гово-
рить онъ? Павелъ впрочемъ и самъ проповѣдуетъ о
божествѣ Иисуса—Христа: *ихъ же (Израелитовъ) отцы*
(Патріархи), *и отъ ихъ же Христосъ по плоти, сый*
надъ всеми Богъ благословенъ во вѣки (Римл. IX. 5).
Онъ также показываетъ, что Сынъ Божій, то есть,
(Богъ) Слово, бываетъ видимъ, потому что Тотъ, кто
воплотился, наименованъ Христомъ. Въ посланіи къ
Тимоѣею онъ говоритъ: *Богъ никто же видѣлъ есть*
отъ челоуѣкъ, ниже видѣти можетъ; и тутъ же, что-
бы преподать еще высшее понятіе о Его величіи, при-
совокупилъ: *единъ имѣй безсмертіе, и во свѣтъ жи-*
вый неприступнѣмъ; а выше предъ тѣмъ сказалъ: *бла-*
женный и единъ сильный, Царь царствующихъ и Го-
сподь господствующихъ (1 Тим. VI. 15 и 16), дабы мы,
вѣдая все это, не иному кому, какъ Сыпу приписывали
противоположныя качества, смертность и видимость.
Въ другомъ мѣстѣ Павелъ объявляетъ, что Сынъ умеръ
по Писанію, и что наконецъ явился ему, въ доступ-
номъ безъ сомнѣнія свѣтѣ, хотя впрочемъ дѣло не обо-
шлось безъ того, чтобъ онъ не былъ въ опасности
лишиться зрѣнія; равно какъ Петръ, Іоаннъ и Іаковъ,
присутствовавшіе при преображеніи Господнемъ, не
могли не подвергнуться страху и ужасу, *не вѣдуще,*
что глаголаша. Если бы они видѣли Отца въ славѣ
Его, а не Сына, *имущаго пострадати*: то конечно бы
умерли. *Ни кто же узритъ Бога и живъ будетъ*.

Если это такъ: то нѣтъ сомнѣнія, что Тотъ, кто

являлся въ послѣднія времена, являлся всегда и въ началѣ, а тотъ, кто не являлся въ послѣднія времена, не являлся равномерно и въ началѣ. Слѣдовательно существуютъ два: одинъ, который видимъ, другой, который невидимъ. Стало быть Сынъ всегда былъ видимъ, Сынъ всегда бесѣдовалъ, Сынъ всегда дѣйствовалъ сообразно власти и волѣ Отца; ибо *Сынъ не можетъ творити о Себѣ ничегоже, аще не еже видитъ Отца, творяща* (Іоан. V. 19), который творитъ все и дѣйствуетъ мыслію. Что же касается до Сына, живущаго въ мысли Отца, то Онъ исполняетъ то, что видитъ. Такимъ-то образомъ *вся тѣмъ быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть.*

XVI. Не думай, чтобы Сынъ предсѣдалъ только при одномъ сотвореніи міра: все, что было произведено потомъ, произведено Имъ же. *Отецъ любитъ Сына и вся даде въ руку Его* (Тамъ же III. 35). Стало быть Онъ возлюбилъ Его съ начала; стало быть и все предалъ въ руки Его также съ начала. Съ тѣхъ поръ какъ *Слово бѣ у Бога и Богъ бѣ Слово, дадеся Ему всяка власть на небеси и на земли. Отецъ не судитъ никого же, но предаде судъ Сынови*, разумѣется съ самаго начала. Говоря, что всякая власть и судъ преданы Ему, что все Имъ сотворено, и что все отдано въ руки Его, Богъ Отецъ не исключаетъ никакой эпохи; ибо слово *все* былъ бы обманъ, если бы было что либо исключено. Слѣдовательно Сынъ судилъ съ самаго начала: Онъ сокрушилъ столпотвореніе гордыни, разсѣялъ языки, наказалъ вселенную изверженіемъ воды, одождилъ на Содомъ и Гоморру жупель и огонь отъ Господа съ небесе. Онъ также нисходилъ часто на землю бесѣдовать съ человекомъ, отъ Адама до Патріарховъ и Пророковъ, въ видѣніи, во снѣ, въ воображеніи, въ гаданіи, приготовляясь такимъ образомъ

съ самаго начала къ тому дѣлу, которое долженъ былъ до конца довести: Онъ же ежедневно и поучалъ людей. Да и какой другой Богъ могъ здѣсь на землѣ обращаться съ людьми, какъ не Слово, долженствовавшее воплотиться? Но зачѣмъ же Оно поучало насъ такимъ образомъ ежедневно? За тѣмъ, чтобы проложитъ намъ путь къ вѣрѣ, чтобы насъ удобнѣе склонить къ увѣрованію, что Сынъ Божій дѣйствительно пришелъ въ міръ, тогда какъ намъ извѣстно, что и прежде подобное происходило; ибо все, что ни было писано, что ни было сотворено, *вся писана и сотворена быша въ наученіе наше, въ нихъ же концы вѣкъ достигоша* (1 Кор. X. 11). Вотъ почему Онъ вѣдаетъ впередъ помышленія и желанія человѣческія, вѣдаетъ именно потому, что долженъ былъ заимствовать отъ человѣка двойственную свою сущность: тѣло и душу. Посмотрите на Него. Онъ вопрошаетъ *Адама*, какъ будто не знаетъ, *гдѣ онъ?* Онъ *раскаивается*, что сотворилъ человѣка, какъ будто Его предвѣдѣніе не дало Ему знать, что произойдетъ. Онъ искушаетъ *Авраама*, какъ будто не вѣдаетъ, что происходитъ въ *человѣкѣ*. Будучи оскорбляемъ, Онъ примиряется. Словомъ сказать, Онъ творитъ многое множество такихъ вещей, которыми еретики упрекаютъ Бога, якобы онѣ недостойны Его, не зная того, что все это приличествовало Сыну, который долженъ былъ подвергнуться всѣмъ человѣческимъ страданіемъ, голоду, жадѣ, слезамъ, рожденію и самой смерти. Въ такомъ-то смыслѣ Отецъ *умалилъ Его* на время *малымъ чимъ отъ Ангелъ* (Пс. VІІІ. 6).

Но и самыя величайшія еретики едва ли согласятся, чтобы Сыну приличествовало то, что ты приписываешь Отцу, то есть, Его униженіе ради насъ, тогда какъ св. Писаніе удостовѣряетъ, что одинъ ума-

лень отъ другаго, а не отъ самаго себя. Что же ты скажешь, когда Одинъ увѣнчанъ, а другой увѣнчалъ Его честию и славою, то есть, отецъ увѣнчалъ Сына?

Впрочемъ можно ли повѣрить, чтобы Тотъ всемогущій и невидимый Богъ, котораго никто никогда не видалъ и видѣть не можетъ, который обитаетъ въ неприступномъ свѣтѣ, и не живетъ въ домѣ, построенномъ руками человѣческими, тотъ Богъ, предъ лицомъ котораго земля трепещетъ и горы таютъ, какъ воскъ, который возьметъ вселенную, какъ птичье гнѣздо, которому небо служить престоломъ, а земля подножіемъ ногъ Его, въ которомъ заключается всякое пространство, а Онъ никакимъ пространствомъ не ограниченъ, который составляетъ крайнюю черту вселенной:—можно ли, говорю, повѣрить, чтобы сей Всевышній Богъ прохаживался въ раю и искалъ *Адама*, затворилъ ковчегъ отвѣвъ по входѣ въ него *Ноя*, явился *Аврааму* у дуба Мамврійскаго, звалъ *Моисея* изъ горящей купины, представился четвертымъ въ печи царя Вавилонскаго (но что я говорю? Сынъ Божій названъ тамъ даже собственнымъ именемъ); какимъ образомъ могло все это происходить, какъ не въ воображеніи, въ видѣніи, въ гаданіи и такъ сказать сквозь зеркало? По истинѣ, что можно бы отвергнуть въ отношеніи къ Сыну, когда бы о томъ не было написано, тому я не повѣрилъ бы и тогда, когда бы даже написано было о томъ въ отношеніи къ Отцу, котораго еретики низводятъ въ утробу дѣвы *Маріи*, приводятъ въ судилище *Пилата* и заключаютъ въ гробъ *Иосифовъ*. Не вѣдая того, что съ самаго начала совокупность божественнаго домостроительства исполнена уже чрезъ Сына, они мечтаютъ, что являлся, бесѣдовалъ, дѣйствовалъ, терпѣлъ голодъ и жажду Отецъ, (не смотря на то, что предвѣчный Богъ не алчетъ и не

жаждетъ, а тѣмъ паче не подверженъ смерти и погребенію): мечтаютъ, что одинъ и тотъ же Богъ, то есть, Отецъ, производилъ всегда то, что производимо было Сыномъ.

XVII. Они предпочитаютъ лучше мыслить, что дѣйствовалъ Отецъ именемъ Сына, нежели Сынъ именемъ Отца, хотя Самъ Господь сказалъ намъ: *Азъ придохъ во имя Отца Моего*. Въ другомъ мѣстѣ Онъ же говоритъ: *явилъ имя Твое предъ людьми*. Да и св. Писаніе восклицаетъ: *благословенъ грядый во имя Господне*, то есть, (грядый) Сынъ во имя Отца. Не обличаютъ ли ихъ также самыя имена, даваемые Отцу: *Богъ всемогущій, Богъ вышній, Богъ воинствъ, Богъ Израилевъ, Сый?* Мы утверждаемъ, руководствуясь ученіемъ св. Писанія, что имена эти равномѣрно приличествуютъ и Сыну; что Сынъ явился подъ сими именами, дѣйствовалъ чрезъ нихъ, и ихъ открывалъ людямъ въ Своемъ лицѣ. *Вся*, говоритъ Онъ, *елика и-мать Отецъ, Моя суть* (Іоан. XVI. 15). Почему же и имена Ему не могутъ принадлежать? И такъ, когда ты читаешь: *всемогущій, вышній Богъ, Богъ силъ, Сый*: то помни, что имена эти доказываютъ бытіе Сына: Онъ всемогущій Богъ Самъ по Себѣ, потому что есть Слово всемогущаго Бога, и что всякая власть предана въ Его руки;—вышній Богъ, потому что Онъ десницею Божіею вознесся, какъ—то Апостолъ *Петръ* возвѣстия въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ;—Богъ силъ и воинствъ, потому что все Ему покорено отъ Отца;—Царь Израилевъ, потому что Онъ собственно составлялъ судьбу сего народа;—наконецъ Сый, потому что многіе удостоены имени сыновъ, но въ точности сынами не были. Между тѣмъ да послужить сей отвѣтъ мой уликою какъ для тѣхъ, которые приводятъ слѣдующій текстъ изъ Апокалипсиса Іоаннова: *Азъ есмь Сый, и*

иже бѣ, и грядый, вседержитель (или всемогущій), такъ и для всѣхъ другихъ людей, которые не думаютъ, чтобъ имя Всемогущаго приличествовало Сыну, какъ будто бы грядый есть не Всемогущій, тогда какъ Сынь Всемогущаго столько же есть всемогущъ, какъ Сынъ Божій есть Богъ.

XVIII. Но видѣтъ въ Сынѣ общность отческихъ именъ прѣпятствуетъ еретикамъ паиболѣе то, что священное Писаніе весьма часто проповѣдуетъ о единствѣ Бога, какъ будто бы оно столь же часто не открывало намъ въ нераздѣльности и двухъ Боговъ и двухъ Господовъ, какъ то уже выше нами доказано.

«Такъ какъ мы читаемъ, возражаютъ наши противники, что иногда существуетъ одинъ Богъ, а иногда два: то изъ того заключить слѣдуетъ, что тотъ «и другой суть одинъ и тотъ же, суть вмѣстѣ и Отецъ «и Сынъ.»

Св. Писаніе не подвергается ни малѣйшей опасности отъ того, что ты мечтаешь своимъ умствованіемъ вспомоцествовать ему избѣгать противорѣчій. Оно имѣетъ свои побужденія и причины утверждать единство Бога и отличать Отца отъ Сына: чего для него и достаточно. Извѣстно, что въ немъ именуется Сынъ многократно. Оно имѣетъ полное право называть единымъ Богомъ Отца, у котораго есть Сынъ. Будучи одинъ и имѣя Сына, Богъ не можетъ лишаться имени единаго, когда именуется безъ Сына; именуется же Онъ безъ Сына всякой разъ, когда говорится о Немъ главнѣйше, какъ о первомъ лицѣ, предшествующемъ Сыну; ибо сперва надобно признать Отца, и послѣ Отца уже именуется Сынъ. Стало бытъ *Богъ Отецъ есть Богъ единый, и нѣсть инаго, развѣ Его.* Онъ Самъ о Себѣ такъ говоритъ, и изъясняясь такимъ образомъ, Онъ не отвергаетъ Сына, но отвер-

гастъ только другаго Бога, потому что Сынъ не есть другой Богъ.

Наконецъ рассмотримъ послѣдствія подобныхъ изъясненій, и ты увидишь, что они большею частию имѣютъ отношеніе къ людямъ, производящимъ и чтущимъ идоловъ, на тотъ конецъ, дабы единство божества изгнало множество ложныхъ боговъ, но разумѣется единство, имѣющее Сына, столько же нераздѣльнаго и неразлучнаго съ Отцемъ, сколько въ Отцѣ признаваемого, хотя особо и не именуемого; ибо наименовавъ Его, Онъ бы Его отдѣлилъ отъ Себя, сказавши напримѣръ: нѣтъ иного Бога, развѣ Мене, исключая Сына. Исключить тутъ Сына, значило бы объявить Его отдѣльнымъ. Представимъ себѣ, что солнце произнесло бы слѣдующую рѣчь: я солнце, другаго солнца нѣтъ, кромѣ меня, исключая луча моего. Не имѣлъ ли бы я права уличить его въ противорѣчіи, какъ будто бы лучъ не заключался и самъ въ солнцѣ? И такъ Богъ возвѣстилъ, что нѣтъ иного Бога, развѣ Его, или по причинѣ идолопоклонства язычниковъ и Израиля, или же по причинѣ еретиковъ, которые подобно язычникамъ творятъ идоловъ руками своими, а словами пзобрѣтаютъ себѣ Бога и Христа мечтательнаго. Такимъ образомъ свидѣтельствуя о единствѣ Своемъ, Отецъ дѣйствовалъ въ пользу Сына, дабы кто не подумалъ, что Иисусъ-Христосъ пришелъ о имени другаго Бога, но каждый бы увѣренъ былъ, что Онъ пришелъ о имени Того, кто прежде уже сказалъ: *Азъ есмь Богъ, и нѣсть иного, развѣ Мене*, и кто объявилъ Себя единымъ Богомъ, но въ сообществѣ съ Сыномъ, съ которымъ Онъ единъ простеръ и небеса.

XIX. Но вотъ еретики привязываются и къ сему тексту: *Азъ единъ простеръ небеса*, привязываются къ нему, какъ бы къ свидѣтельству, испровергающему

Святую Троицу. Но не говоря о прочихъ доводахъ, если принять ихъ ученіе, то самое слово *единъ* уничтожаетъ уже гаданіе еретиковъ, которые мечтаютъ, что міръ сотворенъ Ангелами и разными другими силами, и которые Самаго Создателя считаютъ Ангеломъ, посланнымъ для сотворенія вселенной и всего, въ ней заключающагося, но такъ, чтобъ Онъ и Самъ не вѣдалъ, что будетъ творить. Если же подлинно простеръ Онъ *единъ* небеса: то какимъ образомъ еретики могутъ толковать ложно текстъ сей, будто бы Онъ отвергаетъ лице Премудрости, которая сама говоритъ: *егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ* (Притч. Сол. VIII. 27). Апостолъ, сказавши: *кто разумъ умъ Господень, иже изъяснитъ и?* самъ себѣ какъ бы отпѣчаетъ: никто, *кромя Премудрости, юже представи Богъ прежде вѣкъ* (1 Кор. II. 7). Она была съ Нимъ и въ Немъ, и вмѣстѣ съ Нимъ все учреждала, такъ однакъ, что Онъ не невѣдалъ того, что творилъ. Стало бытъ Апостолъ, сказавши *кромя Премудрости*, сказалъ *кромя Сына*, который есть Іисусъ-Христосъ, премудрость и сила Божія, который одинъ вѣдаетъ намѣренія Божіи, какъ то и сказано: *Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій*, слѣдовательно вѣдаетъ не тотъ, кто виѣ Его. И такъ въ Богѣ было другое лице, по силѣ котораго Онъ былъ не одинъ, исключая что Онъ одинъ былъ въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ силамъ.

Отвергай, если тебѣ угодно, самое Евангеліе, которое говоритъ: *вся тѣмъ* (Словомъ Божіимъ) *быша, и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть*. Но и въ другомъ мѣстѣ, если не ошибаюсь, сказано также: *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася, и Духомъ устъ Его, вся сила ихъ* (Псал. XXXII. 6). Это Слово, эта сила, эта премудрость, не иное что есть, какъ

лично Сынъ Божій. Слѣдовательно когда Богъ сотворилъ всяческая и утвердилъ небеса Сыномъ Своимъ: то Онъ утвердилъ небеса не одинъ, за исключеніемъ однакожъ того, кто не имѣлъ ничего общаго съ другими силами. Потому—то Онъ и говоритъ послѣ того о Сынѣ: *Господь разорлетъ совѣты языковъ, отмѣтаетъ же мысли людей, и отмѣтаетъ совѣты князей.* Онъ именуетъ Его Сыномъ Своимъ, говоря: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный; Того послушайте.* Такимъ образомъ, говоря прямо и непосредственно о Сынѣ Своемъ, Онъ Самъ изъясняетъ, въ какомъ смыслѣ *простеръ Онъ единъ небеса*, то есть, простеръ ихъ едины съ Сыномъ Своимъ, такъ какъ Отецъ и Сынъ составляютъ едино. Отсюда слѣдуетъ, что и Сынъ взаимно можетъ сказать: *Азъ единъ простеръ небеса*, потому что *Словомъ Господнимъ небеса утвердишася.* А какъ небеса утвердились содѣйствіемъ Премудрости или Слова, и какъ Словомъ все сотворено: то по всей справедливости можно сказать, что Сынъ простеръ небеса одинъ, потому что одинъ Онъ былъ исполнителемъ Отца. Равнымъ образомъ Онъ можетъ также о Себѣ сказать: *Азъ есмь первый и послѣдній*, то есть, первый въ качествѣ Слова: *въ началѣ бѣ Слово*, въ томъ началѣ, когда Отецъ родилъ Его. Что же касается до Отца: то какъ Онъ не имѣетъ начала, пельзя о Немъ сказать, чтобы Онъ былъ произведенъ или рожденъ отъ кого бы то ни было, потому что Онъ существо не сотворенное. Тотъ, кто всегда былъ одинъ, не можетъ имѣть родоначалія. Если еретики думаютъ, что для утвержденія ученія о единствѣ Божіемъ надлежало Отцу и Сыну быть однимъ лицомъ: то единство сіе уже утверждено, потому что Богъ, пребывая едины, имѣетъ Сына, о которомъ свидѣтельствуется все священное Писаніе. Если они не хотятъ,

чтобы Сынъ почитался вторымъ лицомъ, отличнымъ отъ Отца, опасаясь, чтобы это отличіе не послужило поводомъ къ предположенію бытія двухъ особыхъ боговъ: то мы уже показали, что то же Писаніе упоминаетъ о двухъ Богахъ и о двухъ Господахъ; а чтобъ они не соблазнились, то мы объяснили, что дѣло идетъ не о двухъ божествахъ, не о двухъ особливыхъ Господахъ, а только объ Отцѣ и Сынѣ, составляющихъ два особые лица не въ сущности, а въ божественномъ домостроительствѣ, потому что мы признаемъ Сына неразлучно соединеннымъ съ Отцемъ, и подобнымъ Ему въ сущности, хотя и отличнымъ въ степени. Мы хотя и называемъ Его Богомъ, когда именуемъ одного; но Онъ составляетъ не двухъ Боговъ, а Бога единого, по той именно причинѣ, что Онъ долженъ именовъ быть Богомъ по силѣ единства Отца.

XX. Но намъ предлежитъ еще отвергнуть доказательства тѣхъ людей, которые заимствуютъ изъ священнаго Писанія для поддержанія своего мнѣнія нѣкоторые частные тексты, не желая сравнивать ихъ съ другими текстами, дополняющими смыслъ изреченія, и стараясь только оградить единство Божіе и мнимое свое единоедержавіе. Подобно какъ изъ ветхаго завѣта они удерживаютъ единственно извѣстное изреченіе: *Азъ есмь Богъ, и нсть иного, развѣ Мене;* такъ точно и изъ Евангелія заимствуютъ только отвѣтъ Господа нашего *Филиппу: видѣвый Мене, видѣ Отца; Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть; — Отецъ и Азъ едино есмы.* Они хотятъ, чтобы симъ тремъ изреченіямъ покорялся весь составъ обоихъ завѣтовъ, тогда какъ большая часть (текстовъ) всегда служить должна для объясненія меньшей части. Но таковъ ходъ дѣлъ, принятый еретиками. Какъ во множествѣ

текстовъ они находятъ только нѣсколько имъ благопріятствующихъ: то они меньшее число защищаютъ противъ большаго числа, и послѣдующее противъ предъидущаго. Но первоначальное правило истины всегда клонилось и клонится въ пользу предъидущаго противъ послѣдующаго и въ пользу большаго числа противъ меньшаго.

XXI. Выслушай же, сколько возраженій въ семь случаѣхъ противъсоставить твоимъ умствованіямъ Евангеліе. Во первыхъ Евангелистъ *Іоаннъ*, какъ бы въ предисловіи книги своей, о Имущемъ воплотиться, изъясняется такъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово; сей бѣ истини у Бога; вся тѣмъ быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть.* Если слова эти не должны иначе быть понимаемы, какъ написаны: то безъ всякаго сомнѣнія они являютъ намъ, что иной Богъ былъ Тотъ, кто *въ началѣ бѣ*, и иной Тотъ, *у кого Онъ бѣ*, то есть, иной *бѣ Слово*, и иной *бѣ Богъ*; хотя же и Слово есть Богъ, но Богъ, поколику Сынъ Божій, а не Отецъ; иной, говорю, Тотъ, кто творитъ всѣ вещи, и иной Тотъ, чрезъ котораго онѣ творятся. Мы уже неоднократно объясняли, въ какомъ смыслѣ принимаемъ мы Его инымъ. Необходимо надобно именовать Его инымъ, а не однимъ и тѣмъ же, не пріемля никакого тутъ раздѣленія: инымъ въ порядкѣ, а не въ измѣненіи. Слово, *иже плоть бысть*, не тотъ Богъ, чьимъ Оно было Словомъ. Видѣхомъ славу Его, славу яко *единороднаго отъ Отца*, славу стало быть не самаго Отца. *Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда*, стало быть исповѣдалъ (открылъ Отца) не Отецъ; ибо предъ тѣмъ было сказано: *Бога никто же видѣ нигдѣ же.* Іоаннъ (креститель) обозначаетъ Его также подъ именемъ *Лица Божія*, но не подъ име-

немъ Того, чей Онъ возлюбленный. Онъ конечно всегда Сынъ Божій, но не Самъ Тотъ, чей Онъ Сынъ. Это хорошо понялъ *Наванаилъ*, понялъ потомъ и *Петръ*: *Сынъ Божій еси Ты*. А что они хорошо это поняли, о томъ свидѣтельствуетъ самъ Слово-Богъ, сказавши *Наванаилу* въ отвѣтъ: *прежде даже не возгласи тебе Филиппъ суща подѣ смоковницею, видѣхъ тя*; а также и *Петра* наименовалъ блаженнымъ, яко *плоть и кровь не яви ему того* (онъ исповѣдалъ предъ тѣмъ Отца), но *Отецъ Мой иже на небесѣхъ* (Маг. XVI. 17). Этимъ изреченіемъ Онъ утвердилъ различіе двухъ лицъ: Сына, сущаго на землѣ и признаннаго *Петромъ* за Сына Божія, и Отца, сущаго на небесахъ и явившаго *Петру* то, что онъ призналъ, то есть, божественное усыновленіе Иисуса-Христа. Входитъ ли Онъ во храмъ? Онъ называетъ его домомъ Отца Своего: такъ можетъ только говорить Сынъ. Тоже самое сказалъ Онъ и *Никодиму*: *Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16); равномѣрно и далѣе въ слѣдъ за тѣмъ: *Не посла Богъ Сына Своего въ міръ, да судитъ мірови, но да спасется Имъ міръ. Вѣруй въ Онъ не будетъ осужденъ, а не вѣруй, уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя единороднаго Сына Божія*.

Іоаннъ (креститель), будучи спрошенъ, какихъ онъ мыслей объ Иисусѣ, между прочимъ, отвѣчалъ: *Отецъ любитъ Сына, и вся даде въ руку Его. Вѣруй въ Сына имать животъ вѣчный; а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ* (Іоан. III. 35 и 36). За кого выдаетъ Себя Иисусъ Самаритянкѣ? За Мессію, глаголемаго Христа: это значило заявить, что Онъ Сынъ, а не Отецъ, потому что Христосъ вездѣ именуется Сыномъ Божиимъ,

а не Отцемъ Сына Божія. Потомъ говоритъ Онъ ученикамъ Своимъ: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дѣло Его* (Тамъ же IV. 34). Онъ, по исцѣленіи имѣвшаго тридцатисмалѣтній недугъ, сказалъ Иудеямъ: *Отецъ Мой досель дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю* (Тамъ же V. 17). Наконецъ если Іудеи и хотѣли Его умертвить, то причиною сему было не одно то, что Онъ не хранилъ субботы, но также и то, что *Отца Своего глаголаше Бога, равенся творя Богу*. Что же отвѣчалъ Онъ имъ на это? *Не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничегоже, аще не еже видитъ Отца творяща: яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ. Отецъ бо любитъ Сына, и вся показываетъ Ему, яже Самъ творитъ, и больша сихъ покажетъ Ему дѣла, да вы чудитесь. Яко же Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, ихъ же хочетъ, живитъ. Отецъ бо не судитъ никому же, но судъ весь даде Сынови, да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца: иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца, пославшаго Его. Аминь аминь глаголю вамъ, яко слушающей словесе Моего и вѣрующей въ пославшаго Мя, имать животъ вѣчный и на судъ не приидетъ, но преидетъ отъ смерти въ животъ. Аминь, аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Яко же бо Отецъ имать въ Себѣ животъ, тако даде и Сынови животъ имѣти въ Себѣ, и область даде Ему и судъ творити, яко Сынъ человѣкъ есть, по плоти, подобно какъ по духу Онъ есть Сынъ Божій. За симъ Онъ присовокупляетъ: Азъ имамъ свидѣтельство болѣе Іоаннова: дѣла бо, яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу я, та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуемъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла. И пославъй Мя Отецъ Самъ свидѣтельствована о Мнѣ. Вы ни гласа Его нигдѣ же слы-*

шасте, ни видѣнія Его видѣсте. Последними словами Онъ утверждаетъ, что не Отецъ, а Сынъ былъ древле видимъ и слышанъ. Наконецъ Онъ говоритъ: Азъ придохъ во имя Отца Моего, и не приѣмлете Мене (Всѣ эти тексты изъ Ев. отъ Іоан. V. 18-27, 36, 37, 43). Ясно, что вездѣ разумѣть должно Сына подъ именемъ Бога, Царя, Господа Всемогущаго и Высочайшаго.

Иные спрашивали Его: *что сотворимъ, да дѣлаемъ дѣла Божія? Онъ отвѣчалъ: се дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Его же посла Онъ. Послѣ того объявляетъ Онъ, что Онъ есть хлѣбъ, который Отецъ даетъ съ небесе. Все, еже даетъ Мнѣ Отецъ, продолжаетъ Онъ, ко Мнѣ придетъ, и грядущаго ко Мнѣ не изжену вонъ: яко спихоу съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца. Се же есть воля Пославшаго Мя, да всякъ видяи Сына и вѣруяи въ Него, имать животъ вѣчный, и воскрешу его Азъ въ послѣдній день. Никто же можетъ прийти ко Мнѣ, аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его. Всякъ слышавый отъ Отца и навѣкъ, придетъ ко Мнѣ: Не яко Отца видѣлъ есть кто, давая чрезъ сіе разумѣть, что поученія людямъ преподаетъ не иной кто, какъ Слово Отчее. Но когда многіе тутъ отъ Него отстали, и Онъ спросилъ Своихъ Апостоловъ: еда и вы хотите итти: то Петръ отвѣчалъ: къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши, и мы вѣровахомъ и познахомъ, яко Ты еси Христосъ Сына Бога живаго (Тамъ же VI. 28, 29, 37, 38, 40, 44—46, 67, 68 и 69). Назвалъ ли Его Петръ Отцемъ или Христомъ Отчимъ?*

XXII. *Дивляхуся Іудее глаголюще, како Сей книги вѣсть, не учився. Чему они дивились? Дивились ли они Его ученію или ученію Отца? Также когда они другъ друга спрашивали, не Онъ ли Христосъ: то вопросы*

ихъ относились не къ Отцу, а къ Сыну. *О Себѣ не приидохъ*, говоритъ Онъ; но *есть истиненъ Пославый Мя, Его же вы не вѣсте; Азъ вѣмъ Его, яко отъ Него есмь, и Той Мя посла.* Онъ не сказалъ, что Самъ Себя послалъ, но *Той мя посла.* Равнымъ образомъ когда Фарисеи послали слуги, да имутъ Его: то Онъ отвѣчалъ: *еще мало время съ вами есмь, и иду къ Пославшему Мя* (Тамъ же VII. 15, 28, 29, 32 и 33). Гдѣ же Онъ говоритъ, что Онъ только одинъ? *Азъ и пославый Мя Отецъ*, говоритъ Онъ вездѣ. Не доказываетъ ли это, что Они суть два, столь же вѣрно два, сколь вѣрно и неразлучны? Да и все вообще ученіе Его состояло только въ томъ, что Они суть два неразлучно соединенныя существа. Дѣйствительно припоминая, что *въ законѣ писано есть, яко двоихъ чело-вѣковъ свидѣтельство истинно есть*, Онъ присовокупляетъ: *Азъ есмь свидѣтельствующій о Мнѣ Самомъ, и свидѣствуетъ о Мнѣ пославый Мя Отецъ* (Іоан. VIII. 17 и 18). Если бы Онъ былъ одинъ и тотъ же, вмѣстѣ и Сынъ и Отецъ: то не опирался бы на законъ, признающій истиннымъ свидѣтельство не одного, а двухъ.

Сверхъ того, когда спрашивали Его: *гдѣ есть Отецъ Твой?* то Онъ отвѣчалъ: *ни Мене вѣсте, ни Отца Моего:* доказательство, что не вѣдали они ни того ни другаго. Когда бы они знали Сына, то знали бы и Отца, не потому, что Онъ вмѣстѣ и Сынъ и Отецъ, но что по причинѣ Своей нераздѣльности не могутъ Они быть увѣданы, или познаны одинъ безъ другаго. *Пославый Мя*, говоритъ Онъ, *истиненъ есть, и Азъ, яже слышахъ отъ Сею, сія глаголю въ міръ.* Послѣ того св. Писаніе объясняетъ намъ, что они не разумѣша, яко *Отца имъ глаголаше* (Тамъ же VIII. 19, 26 и 27), хотя и должны были знать, что слова

Отца были въ устахъ Сына, читая въ *Иереміи*: и рече Господь: се дахъ словеса Моя во уста Твоя (I. 9); и въ *Исаіи*: *мглаголы*, яже дахъ во уста Твоя, не оскудѣютъ отъ устъ Твоихъ (LIX. 21). Да Онъ и Самъ изъясняется не иначе: *Тогда уразумѣете, яко Азъ есмь, и о Себѣ ничесозже творю, но якоже научи Мя Отецъ Мой, сія глаголю, и пославый Мя со Мною есть* (Іоан. VIII. 28 и 29). Вотъ свидѣтельство, что Они суть два, хотя и неразлучны. Также во время распри въ народѣ между Іудеями, упрекая ихъ, что они убить Его хотятъ, Онъ говоритъ: *Азъ, еже видѣхъ у Отца Моего, глаголю, и вы убо, еже видѣсте у отца вашего, творите; нынѣ же ищите Мене убити, челоуѣка, иже истину вамъ глаголахъ, юже слышахъ отъ Бога. Аще Богъ Отецъ вашъ бы былъ, любилъ бысте убо Мене; Азъ бо отъ Бога чыдохъ и придохъ* (Тамъ же VIII. 38, 40 и 42). Однакожъ хотя Онъ и сказалъ, что изшелъ отъ Бога, но Онъ и Богъ (Отецъ) не раздѣлились между собою, какъ-то нѣкоторые мечтаютъ. Онъ изшелъ отъ Отца Своего, какъ исходитъ лучъ отъ солнца, ручей отъ источника, дерево отъ сѣмени. *Азъ бѣса не имамъ*, говоритъ Онъ, *но чту Отца Моего. Аще Азъ славлюся Самъ: слава Моя ничесозже есть: есть Отецъ Мой славяй Мя, Его же вы глаголете, яко Богъ нашъ есть. И не познасте Его; Азъ же вѣмъ Его, и аще реку, яко не вѣмъ Его, буду подобенъ вамъ, ложь; но вѣмъ Его, и Слово Его соблюдаю. Когда Онъ въ слѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: Авраамъ радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой, и видѣ, и возрадовася* (Іоан. VIII. 49, 54, 55 и 56): то симъ доказываетъ, что видимъ былъ Сынъ, а не Отецъ. Равно-мѣрно, когда дѣло шло объ исцѣленіи слѣпца, то Онъ сказалъ: *Мнѣ подобаетъ дѣлати дѣла Пославшаго Мя*. Когда же Онъ возвратилъ ему зрѣніе, и спро-

силъ его: *впруешь ли въ Сына Божія?* и когда тотъ возразилъ: *и кто есть, Господи* (Тамъ же IX. 4, 35 и 36)? то открывши ему Самаго Себя, Онъ засвидѣтельствовалъ, что дѣйствительно былъ Онъ Сынъ Божій, въ котораго вѣровать подобало.

Послѣ сего Онъ объявляетъ: *яко же Отецъ знаетъ Мя, и Азъ знаю Отца; сего ради Мя Отецъ любитъ, яко душу Мою полагаю, пріѣвъ заповѣдь отъ Отца Моего.* Иудеи спросили Его: *аще Ты еси Христосъ, рцы намъ* (безъ сомнѣнія спрашивали они о Христѣ (Сынѣ) Божіемъ; ибо Иудеи и доселѣ ожидаютъ Христа, но не Отца, потому что пигдѣ не написано, что придетъ Отецъ подъ именемъ Христа). Онъ отвѣчалъ имъ: *рѣхъ вамъ, и не впруете; дѣла, яже Азъ творю во имя Отца Моего, та свидѣлствуютъ о Мнѣ.* Какое это свидѣтельство? То, что Онъ есть Тотъ Самый, о которомъ они спрашивали, то есть, Христосъ (Сынъ) Божій. Потомъ Онъ говоритъ объ овцахъ Своихъ: *не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея; Отецъ Мой, иже даде (ихъ) Мнѣ, болій всѣхъ есть:* также: *Азъ и Отецъ едино есмы* (Тамъ же X. 15, 17, 18, 24, 25, 28–30).

На послѣднемъ изреченіи хотять опираться люди безумные или лучше сказать слѣпцы, не видящіе того, что во первыхъ *Азъ и Отецъ* означаютъ двухъ, во вторыхъ *есмы* есть не единственное, а множественное число, и въ третьихъ *едино есмы* сказано не въ томъ смыслѣ, чтобы тутъ былъ одинъ. Если бы Онъ сказалъ *мы одинъ*: то это могло бы служить нѣкоторою опорою ихъ мнѣнія; ибо слово *одинъ* свидѣлствуетъ о единственномъ числѣ. Сверхъ того два должны бы помѣщены быть въ мужескомъ родѣ. Здѣсь же употреблено слово *едино* въ среднемъ родѣ, какъ бы для подтвержденія не числа единственного, но самаго единства, подобія, союза, любви Отца, оживляющаго Сы-

па, и покорности Сына, повинующагося волѣ Отчей. Говоря: *Азъ и Отецъ едино есмы*, Онъ доказываетъ, что Ихъ два, равняя и сочетавая Ихъ взаимно. Это такъ справедливо, что Онъ тутъ же присовокупляетъ: *многа добра дѣла явихъ вамъ отъ Отца Моего; за кое ихъ дѣло каменеіе мечете на Мене?* Но дабы Іудеи не думали, что долгъ ихъ есть побить Его камнемъ за то, что Онъ Самъ Себя считаетъ за Бога, то есть, за Отца, говоря: *Азъ и Отецъ едино есмы*, показывая однакожъ тѣмъ одно только то, что Онъ есть Богъ, Сынъ Божій, а не то, чтобъ Онъ былъ Самъ Богъ (Отецъ): то Онъ продолжаетъ такъ: *ипсть ли писано въ законъ вашемъ: Азъ ряхъ, бози есте, и не можетъ разоритися Писаніе: Его же Отецъ святи и посла въ мѣръ, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане ряхъ, Сынъ Божій есмь. Аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры; аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте, да разумьете и вѣруете, яко во Мнѣ Отецъ, и Азъ въ Немъ* (Іоан. X. 30, 32, 34, 35-38). Стало быть именно въ отношеніи къ дѣламъ Отецъ былъ въ Сынѣ и Сынъ въ Отцѣ; а изъ того и познаемъ мы, что въ отношеніи къ дѣламъ же Отецъ и Сынъ едино суть. Онъ непрерывно изъяснялъ это ученіе, дабы кто не счелъ, что два составляютъ одно и то же лице, потому что не возможно вѣровать въ Сына, не вѣруя въ различіе двухъ лицъ.

XXIII. Очередь доходитъ до *Марѣы*, которая, признавъ Его за Сына Божія, столь же мало на сей счетъ ошиблась, какъ *Петръ* и *Наѳанаилъ*; если же въ чемъ и заблуждалась, то вскорѣ выведена была изъ заблужденія. Дѣйствительно Христосъ, чтобы воскресить брата ея изъ мертвыхъ, *возведъ очи горь*, не умевши пропнестъ: *Отче* (стало быть Онъ былъ Сынъ), *хваля Тебѣ воздаю, яко услышалъ еси Мя. Азъ же вѣдяхъ,*

яко всегда Мя послушаеши; но народа ради стоящаго окрестъ рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси (Тамъ же XI. 41 и 42).—Въ послѣдствіи Онъ же сказалъ: мнѣ душа моя возмутися, и что реку: Отче, спаси Мя отъ часа сего. Но сего ради придохъ на часъ сей. Отче прослави имя Свое (Іоан. XII. 27 и 28), въ которомъ заключалось также и имя Сына. Азъ придохъ, говоритъ Онъ, во имя Отца Моего.

Въ самомъ-то дѣлѣ довольно было уже и того, что Сыиъ гласомъ Своимъ взывалъ ко Отцу. Но вотъ и Отецъ отвѣтствуетъ Сыну, во свидѣтельство Ему, изъ облака глаголя: *Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъ же благоволихъ: Того послушайте.* Также и въ другомъ мѣстѣ: *и прославихъ и паки прославлю.—Скажи миѣ, безразсудный Праксеасъ: не признаешь ли ты тутъ столько лицъ, сколько есть голосовъ? Предъ тобою Сыиъ на земли, Отецъ на небесахъ, не потому, чтобы было здѣсь какое раздѣленіе, но только одно божественное распредѣленіе.*

Впрочемъ намъ извѣстно, что Богъ обитаетъ всюду, не исключая и самой глубины бездны, присутствуя повсемѣстно силою и властію Своею. Сынъ также съ Нимъ повсюду, будучи съ Нимъ не разлученъ. При всемъ томъ въ слѣдствіе домостроительства Своего Отецъ восхотѣлъ, чтобы Сынъ Его пребылъ (нѣкоторое время) на землѣ, а Онъ на небесахъ. Къ небесамъ Сынъ возводилъ очи Свои, и возсымалъ къ Отцу теплѣйшія Свои моленія; къ небесамъ повелѣлъ Онъ и намъ обращать наши взоры и молеббы: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ.* Хотя Отецъ и паходится повсюду; но Онъ избралъ небеса обителію Своею. Пославши Сына на землю, Онъ на короткое время *уменьшилъ Его малымъ чимъ отъ Ангелъ*, дабы потомъ *увѣнчать Его славою и честію, пріять паки на небеса.* Отецъ

сдержалъ уже и здѣсь Слово Свое, сказавши: *и прославихъ Его и наки прославлю*. Сынъ приносить мольбы на землѣ, Отецъ слышитъ и общается съ высоты небесъ.—За чѣмъ изобличаешь ты Отца и Сына какъ бы во лжи, если Отецъ говорилъ съ небесъ къ Сыну, тогда какъ Самъ былъ Сыномъ на землѣ, или если Сынъ молился Отцу, тогда какъ Самъ былъ Отцемъ на небесахъ? Да и какъ повѣрить, чтобы Сынъ Самъ Себѣ молился, обращаясь съ молитвою къ Отцу, если правда, что Сынъ былъ Отцемъ, или чтобы Отецъ дѣлалъ общаніе Самому Себѣ, общаясь Сыну, если правда, что Отецъ былъ Сыномъ? Когда бы мы даже проповѣдывали двухъ различныхъ боговъ, какъ то вы на пасъ клевете: то и подобное ученіе было бы сноснѣе, нежели по вашему принимать одного Бога, столь мечтательнаго и измѣчиваго. Для такихъ-то еретиковъ Господь произнесъ слѣдующія слова: *не Мене ради гласъ сей бысть, но народа ради*, дабы каждый вѣровалъ въ Отца и въ Сына, судя по ихъ именамъ, лицамъ и обителямъ. *Иисусъ же воззва и рече: вѣруй въ Мя, не вѣруетъ въ Мя, но въ Пославшаго Мя* (разумѣется, что чрезъ вѣру въ Сына люди вѣрують въ Отца, и что вѣрують они въ Сына силою и властію Отца), *и видѣй Мя видитъ Пославшаго Мя*. Какимъ это образомъ? *Яко Азъ отъ Себе не глаголахъ: но пославый Мя Отецъ, Той Мнѣ заповѣдь даде, что реку и что возлагаю. И вѣмъ, яко заповѣдь Его животъ вѣчный есть. Яже убо Азъ глаголю, яко же рече Мнѣ Отецъ, тако глаголю* (Іоан. XII. 30, 44, 45, 49 и 50). Какой смыслъ этихъ словъ? Евангелистъ и ученикъ, столь знаменитый, каковъ былъ *Іоаннъ*, конечно лучше о томъ зналъ, нежели какой нибудь *Праксеасъ*. Вотъ почему онъ отъ себя уже прибавляетъ: *прежде праздника Пасхи вѣдый Иисусъ, яко вся даде Ему*

Отецъ въ руку, и яко отъ Бога изиде и къ Богу грядетъ. . . Но Праксеасъ хочетъ, чтобы Отецъ изшелъ изъ Самаго Себя и возвратился къ Самому Себѣ. Не для того ли полно, чтобы діаволъ влажилъ въ сердце Иуды, да предастъ не Сына, а Отца? Впрочемъ эта новая уловка столь же бы мало обратилась въ пользу еретику, какъ и діаволу; ибо и преданіе Сына не принесло діаволу никакой выгоды. Сынъ, который былъ преданъ, хотя былъ и Сынъ Божій, но находился въ Сынѣ человѣческомъ, какъ-то св. Писаніе тутъ же объявляетъ: нынѣ прославися Сынъ человѣческій, и Богъ прославися о Немъ. Какой Богъ? Не Отецъ, но Слово Отчее, бывшее въ Сынѣ человѣческомъ, то есть, во плоти, въ которой былъ Онъ уже прославленъ силою истины и Словомъ (Божіимъ), прежде даже воплощенія. Богъ, продолжаетъ Іоаннъ, прославить Его въ Себѣ (Тамъ же XIII. 1, 3, 31 и 32), то есть, Отецъ, цѣля Сына въ Самомъ Себѣ, хотя Сей и снизшелъ на землю, вскорѣ прославить Его воскресеніемъ и торжествомъ надъ смертію,

XXIV. Были иныя, которые даже и въ тѣ времена не понимали существа дѣла. Не былъ ли *Θομας* нѣсколько времени невѣрующимъ? *Глагола Емю Θομας не вѣры, камо идеши, и како можемъ путь видѣти. Глагола же Емю Іисусъ: Азъ есмь путь, истина и животъ; никто же прїидетъ ко Отцу, токмо Мною. Аще Мя бысте знали, и Отца Моего знали бысте убо; и отсель познаете Его, и видѣсте (уже) Его.*

Вотъ мы дошли и до *Φιλίππου*, который, будучи побуждаемъ желаніемъ видѣть Отца, и не понимая, въ какомъ смыслѣ Господь сказалъ, что онъ уже видѣлъ Его, воззвалъ: *Господи, покажи намъ Отца и довьлетъ намъ. Іисусъ-Христосъ отвѣчалъ ему: толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе*

(Иоан. XIV. 5—9). Познать Его, но въ какомъ качествѣ познать? Въ томъ то и есть существенное дѣло. Познать ли, какъ Отца или какъ Сына? Если какъ Отца: то пусть *Праксеасъ* покажетъ намъ, чтобы Христосъ, живя столь долго между учениками Своими, хотя на одну минуту, не говорю почитался отъ нихъ Отцемъ, по даже подозрѣваемъ ими былъ за Отца. Всѣ книги ветхаго и новаго завета именуютъ Его, первыя Христомъ или помазанныкомъ Божиимъ, а послѣднія Сыномъ Божиимъ. Такъ, а не иначе, вся древность возвѣщала о Немъ. Такъ а не иначе, Самъ Исусъ-Христосъ объявлялъ о Себѣ. Но что я говорю? Такъ, а не иначе, даже Отецъ провозгласилъ Его, когда съ высоты небесъ назвалъ Его Сыномъ Своимъ и подъ симъ именемъ прославилъ Его. *Се Сынъ Мой: прославихъ Его и паки прославлю.* Подъ симъ именемъ вѣровали въ Него ученики; подъ симъ именемъ Иудеи не хотѣли въ Него вѣровать: подъ симъ именемъ Онъ хотѣлъ, чтобы всѣ въ Него вѣровали, именуя безпрерывно Отца, считая себя ниже Отца, воздавая Отцу честь и хвалу. Если же это такъ: то ученики не знали Отца, а не Сына, обращавшагося съ ними такъ долго. Стало быть Господь, упрекнувъ одного изъ нихъ въ не познаніи Себя, желалъ, чтобъ Онъ позналъ или призналъ Его за Того, на счетъ котораго получилъ упрекъ, то есть, за Сына. Изъ сего очевидно явствуетъ, въ какомъ смыслѣ сказалъ Онъ потомъ: *видѣвъый Мене, видѣ Отца*, то есть, въ томъ смыслѣ, какъ и выше было сказано: *Азъ и Отецъ едино есмы.* Почему такъ? Потому что: *Азъ изыдохъ и приидохъ отъ Отца. Азъ есмь путь. Никто же придетъ ко Отцу токмо Мною. Отецъ вся даде Ми въ руцѣ. Яко же Отецъ живетъ, тако и Сынъ живетъ. Аще бысте Мене знали, и Отца знали бысте убо.*

Судя по симъ изреченіямъ, Онъ выдаетъ Себя за намѣстника или ходатая Отца Своего, который чрезъ Него открылся въ дѣліяхъ, услышавъ въ словахъ и познавъ въ Сынѣ, исполнителѣ дѣлъ и словесъ Отца, потому что Отецъ невидимъ; чего *Филиппъ* не могъ не знать, читая въ книгѣ закона, что *не узритъ чловѣкъ Бога и живъ будетъ*. Вотъ почему Господь и сдѣлалъ Ему упрекъ, когда Онъ пожелалъ видѣть Отца, какъ будто бы Отецъ могъ быть видимъ, и при семъ случаѣ показалъ Ему, что Отецъ бываетъ видимъ въ Сынѣ, но не присутствіемъ Своего лица, а свидѣтельствомъ дѣлъ Своихъ.

«Но говоря, что *видѣвый Мене видѣ Отца*, Онъ «могъ дать намъ чрезъ то разумѣть, что Сынь какъ «бы смѣшивается съ Отцемъ. За чѣмъ же Онъ прибавилъ: *Не въруеши ли, яко Азъ во Отца, и Отецъ «во Мня есть?* Ему должно бы было прибавить: не «въруеши ли, яко Азъ Отецъ мой есмь?» Къ чему настаивать на все это, когда Онъ открывалъ только то, что желалъ внушить людямъ, а именно, что Онъ есть Сынь? Произнося слова: *не въруеши ли, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мня есть*, Онъ обращается къ тому же предмету на тотъ конецъ, чтобы кто, воспользовавшись изреченіемъ: *видѣвый Мене видѣ Отца*, не вздумалъ утверждать, что Онъ есть Отецъ: каковаго имени Онъ никогда не принималъ, объявляя всегда, что Онъ есть Сынь и пришелъ о имени Отца. Такимъ образомъ Онъ явилъ союзъ двухъ божественныхъ лицъ, дабы никто впредь не просилъ видѣть Отца въ особливости, какъ будто бы Онъ могъ быть видимъ, и дабы Сынь почитаемъ былъ образомъ Отца. За всѣмъ тѣмъ Онъ не преминулъ объяснить, какимъ образомъ Отецъ находится въ Сынѣ и Сынь въ Отцѣ. *Глаголю, продолжаетъ Онъ, яже Азъ глаголю вамъ, о Себѣ не*

многого: Отецъ же во Мнѣ пребывай, Той творитъ дѣла (Іоан. XIV. 9—10). Стало быть чудесными дѣлами Своими и словами ученія Своего, Отецъ, пребывающій въ Сынѣ, открываетъ Себя, являясь какъ въ сихъ дѣлахъ такъ и въ томъ лицѣ, въ которомъ Онъ пребываетъ. Сверхъ того качество двухъ лицъ свидѣлствуется и послѣдующими за тѣмъ словами: *вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ*. Какъ же? Не уже ли Азъ Отецъ есмь? Нѣтъ! Св. Писаніе говоритъ не это, но: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ; аще ли же ни, за та дѣла вѣру имите Ми, за тѣ безъ сомнѣнія дѣла, чрезъ которыя Отецъ видимъ бываетъ въ Сынѣ* если не очами, то по крайней мѣрѣ разумѣніемъ.

XXV. Послѣ сказанія о Филиппѣ и о сущности его прошенія, Евангеліе отъ Іоанна до самаго конца продолжаетъ отличать въ изреченіяхъ своихъ лице Отца отъ лица Сына. Доказательствомъ сему можетъ служить то обстоятельство, когда Іисусъ—Христосъ общалъ ученикамъ Своимъ *умолить Отца, да инаго утѣшителя дастъ имъ по вознесеніи Его къ Отцу. Инаго!* Мы уже объяснили, въ какомъ смыслѣ надобно слово это разумѣть. Впрочемъ, прибавляетъ Онъ: *Онъ Мѧ прославитъ, яко Моего пріиметъ* (Іоан. XVI. 14), подобно какъ и я пріялъ отъ Отца Моего. Такимъ образомъ союзъ Отца въ Сынѣ и Сына въ Параклетѣ составляетъ три нераздѣлимыхъ лица, такъ что три суть едино, но не одинъ и тотъ же (Богъ), какъ то и сказано: *Азъ и Отецъ едино есмь*; а это заключаетъ въ себѣ единство сущности, но не единство числа.

Пробѣги все Евангеліе, и ты найдешь, что Тотъ, кого Ты смѣшиваешь съ Отцемъ, есть Его намѣстникъ или ходатай. *Азъ есмь лоза истинная, и Отецъ Мой дѣлатель есть*. Ты можетъ быть заключишь, что

Отецъ сошелъ на землю для сего дѣланія. Между тѣмъ Самъ Сынъ призналъ, что Отецъ находится на небесахъ, когда, возведя очи Свои на небо, молилъ Отца соблюсти учениковъ Его во имя Свое. Но хотя бы мы и не читали въ Евангеліи: *Божже мой, вскую Мя оставилъ еси*, а также: *въ руцѣ Твои предаю духъ Мой*; однакожъ по воскресеніи Своемъ и по побѣдѣ надъ смертію, когда уже прешло время упичивженія Его, Онъ могъ бы кажется открыть, что Онъ Отецъ, если бы дѣйствительно Имъ былъ, открыть особенно такой жепѣ, которая была истинно вѣрующая и желала прикоснуться къ Нему изъ чувства преданности, а не по любопытству или по невѣрію *Θομῳ*. Въмѣсто того Онъ сказалъ ей: *не прикасайся ко Мнѣ, не убо взыдохъ ко Отцу Моему; иди же ко братіи Моей* (замѣтьте: Онъ тутъ доказываетъ, что Онъ есть Сынъ; ибо будучи Отцемъ, назвалъ бы братію сынами Своими), *и рцы имъ, восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему*. Отецъ ли здѣсь восходитъ къ Отцу и Богъ къ Богу, или же Сынъ восходитъ къ Своему Отцу и Слово (Божіе) къ Богу? Съ какою дѣлію при концѣ Евангелія сказано, что *сія писана быша*, какъ не съ тою, да *вѣруете, яко Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божій* (Іоан. XX. 17 и 31). И такъ искажать каждый изъ всѣхъ сихъ различныхъ текстовъ, чтобы найти гдѣ либо доказательство, что Отецъ и Сынъ смѣшаны въ одномъ лицѣ, значить итти явно противъ опредѣлительнаго заключенія Евангелія. Все это написано для того, дабы ты увѣровалъ, что Иисусъ—Христосъ есть не Богъ Отецъ, но Сынъ Божій.

XXVI. Мы пересмотрѣли почти все Евангеліе отъ *Іоанна* по поводу *Филиппова* вопроса и сдѣланнаго ему отвѣта, дабы одно слово, которое всегда должно толковать сообразно всему прочему, а не въ противность

тому и не вопреки собственному даже смыслу, не испровергало множества текстовъ, столь ясно и точно изложенныхъ какъ прежде такъ и въ послѣдствіи. Впрочемъ, не прибѣгая къ свидѣтельству другихъ Евангелистовъ, подтверждающихъ одно и тоже касательно рожденія Господа, мы удовольствуемся тѣмъ, что Тотъ, кто имѣлъ родиться отъ Дѣвы, самимъ Ангеломъ, о Немъ возвѣщавшимъ, нареченъ прямо Сыномъ Божіимъ. *Духъ Святый*, сказано, *найдетъ на ты*, и сила *Вышняго осынитъ ты*; *тѣмже и раздаемое свято наречется Сынъ Божій* (Луки I. 35).

Еретики захотятъ и тутъ еще уместовать; но истинна восторжествуетъ. Они говорятъ: «конечно Сынъ Божій есть Богъ, и сила Вышняго есть Вышній; по-этомъ безъ зазрѣнія совѣсти прибавляютъ: если бы «это такъ было, то св. Писаніе не упустило бы сказать о томъ рѣшительнѣе.» Какъ? Не уже ли Ангелъ побоялся бы явно возвѣстити, что Богъ пріидетъ, что Вышній осынитъ тебя тѣнію Своею? Упомяная здѣсь о Духѣ Святомъ, хотя Духъ Святый и есть Богъ, но не именуя Его прямо Богомъ, Ангелъ хотѣлъ дать разумѣть о части цѣлаго, имѣвшаго свизойти подъ именемъ Сына: тутъ Духъ Святый не кто иной, какъ (Богъ) Слово. Подобно какъ въ изреченіи *Іоанна*: *Слово и плоть бысть*, подъ именемъ Слово разумѣемъ мы Духа, такъ и здѣсь подъ именемъ Духъ мы понимаемъ Слово. Духъ дѣйствительно есть сущность Слова, а Слово дѣйствіе Духа, и оба они составляютъ одно. Впрочемъ если Духъ не есть Слово и Слово не есть Духъ: тогда иной бы былъ Тотъ, о которомъ *Іоаннъ* говоритъ, что воплотился, и иной Тотъ, о которомъ возвѣстилъ Ангелъ, что имѣетъ воплотиться. Стало быть подобно какъ Слово Божіе не смѣшивается съ тѣмъ лицомъ, котораго Оно есть Слово, такъ тоже

самое можно сказать и о Духѣ: хотя Онъ и именуется Богомъ, но не смѣшивается съ тѣмъ лицомъ, котораго Онъ есть Духъ. Ничто, принадлежащее господину, не смѣшивается съ особою господина. Конечно, когда вещь происходитъ отъ сего господина и принадлежитъ ему потому, что происходитъ отъ него: то эта самая вещь можетъ такова быть, каковъ и тотъ, отъ кого она происходитъ и кому принадлежитъ. Вотъ почему Духъ Божій есть Богъ, и Слово Божіе есть Богъ; Они, хотя и происходятъ отъ Бога, но не составляютъ Того, отъ кого происходятъ; хотя по сущности Они и Боги, но не Богъ Отецъ, а только Боги, потому что происходятъ отъ Своей сущности, поколику составляютъ сущность и часть цѣлаго. Тѣмъ же еще паче сила Вышняго не есть Самъ Вышній, потому что она не составляетъ сущности, какъ Духъ и Слово, равно какъ не составляетъ она ни премудрости ни провидѣнія Его; ибо все это не сущности самыя, но качества каждой сущности. Сила есть качество Духа, но не самый Духъ. Такимъ образомъ когда эти вещи, какого бы свойства онѣ ни были, то есть, Духъ ли Божій или Слово и сила Его, соединились въ утробѣ Дѣвы: то рожденное отъ нея былъ Сынъ Божій. Иисусъ-Христосъ Самъ выдаетъ Себя за Сына Божія съ Самаго дѣтства Своего. *Не вѣсте ли, говоритъ Онъ, яко въ тѣхъ, яже Отца Моего, достоинъ быти Ми* (Луки II. 49). Сатана, искушая, признаетъ Его подъ симъ именемъ: *аще Сынъ еси Божій. . .* Бѣсы превозглашали Его сыновство: *вѣмъ, кто еси; Сынъ Божій еси. . .* Самъ Онъ покланяется Отцу. Онъ хвалитъ Петра за то, что тотъ исповѣдалъ Его Христомъ, Сыномъ Божіимъ. Возносясь духомъ къ Отцу Своему, Онъ восклицаетъ: *исповѣдаются, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ*

премудрыхъ и разумныхъ. Тутъ же Онъ утверждаетъ, что никтоже вѣсть, кто есть Отецъ, токмо Сынъ (Тамъ же Х. 21 и 22). Всякъ, говоритъ Опъ, иже исповѣсть Мя предъ челоѡпки, исповѣмъ Его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ челоѡпки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ. Онъ предлагаетъ притчу не объ Отцѣ, но о Сынѣ, посланномъ въ виноградъ послѣ нѣсколькихъ служителей, убиенномъ тамъ злочестивыми виноградарями, и отмщенномъ Отцемъ Своимъ. Онъ присовокупляетъ въ послѣдствіи: о дни же томъ и часъ, то есть, послѣднемъ, никто же вѣсть (даже и Самъ Онъ), токмо Отецъ Мой единый (Матт. Х. 32—33. XXIV. 36).—Иду, говоритъ Онъ ученикамъ Своимъ, уготовати мѣсто вамъ, какое Отецъ уготовалъ и Мнѣ, да идѣже есмь Азъ, и вы будете.—Онъ могъ бы, если бы восхотѣлъ, умолиши Отца, да представитъ Ему на помощь явще иже дванадесѣте легиона Ангелъ (Тамъ же XXVI. 53).—Онъ вопіетъ: вскую Боже оставилъ Мя еси.—Онъ предаетъ духъ Свой въ руки Отца Своего.—Послѣ воскресенія Своего Онъ общаетъ ученикамъ пребывать всегда съ ними, и даетъ имъ послѣднюю заповѣдь: ишедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, стало быть во имя трехъ, а не одного. Посему—то и погруженіе въ купели крещенія производится три раза, а не одинъ, то есть, столько разъ, сколько именъ и лицъ.

XXVII. Но къ чему распространяться о явныхъ и неоспоримыхъ вещахъ, когда мнѣ надобно обратиться къ такимъ обстоятельствамъ, посредствомъ которыхъ еретики стараются затмить самую очевидность? Будучи со всѣхъ сторонъ принуждаемы признать отличие Отца отъ Сына, утверждаемое нами съ сохраненіемъ

единства, подобно солнцу и лучу или источнику и ручью, въ нераздѣльномъ числѣ двухъ и трехъ лицъ, они не упускаютъ приспособлять къ своему мнѣнію и самое сіе божественное домостроительство, такъ что въ одномъ и томъ же лицѣ отличаютъ Отца и Сына, увѣряя, что Сынъ есть плоть, то есть, человѣкъ или Иисусъ, а Отецъ есть духъ, то есть, Богъ или Христосъ. Такимъ образомъ полагая, что Отецъ и Сынъ все остаются одно и тоже лице, они начинаютъ уже ихъ болѣе раздѣлять, нежели смѣшивать. Дѣйствительно если иной есть Иисусъ и иной есть Христосъ: то Сынъ будетъ отличенъ отъ Отца, потому именно, что Иисусъ Сынъ, а Христосъ Отецъ. Вѣроятно просвѣтаясь въ школѣ *Валентиновой* касательно единоподержавія, они научились раздѣлять Иисуса и Христа. Но эта хула отвергнута уже предъидущими текстами, гдѣ мы доказали, что Тотъ, кого они творятъ Отцемъ, именуется Словомъ или духомъ Божіимъ, силою Божіею, силою Вышняго. Эти вещи не то, что Тотъ, чьи онѣ вещи: онѣ только происходятъ отъ Него и принадлежатъ Ему. Но мы въ главѣ сей дадимъ другой отвѣтъ на возраженіе.

«Ангелъ, говорятъ они, объявилъ, что Святій, «имѣющій родиться, будетъ нареченъ Сыномъ Божіимъ. Раждаемое есть плоть. Слѣдовательно Сынъ «Божій есть плоть.»

Вы заблуждаетесь, буду я отвѣчать. Слова, сказанныя Ангеломъ, относятся къ Духу Божію. Извѣстно, что Дѣва зачала отъ Духа Святаго, и родила то, что зачала. Стало быть что долженствовало родиться, то было зачато и рождено, то есть, зачатъ и рожденъ Духъ, котораго имя есть *Еммануилъ*, *еже* *сказуется съ нами Богъ*. Стало быть плоть не есть Богъ, и не о плоти сказано: *раждаемое наречется*

Сынъ Божій. Однакожъ Тотъ, кто въ Дѣвѣ вопло-
тился, есть точно Богъ. Какой же это Богъ въ ней
рожденъ? Рождено Слово, рожденъ Духъ, вмѣстѣ со
Словомъ, по волѣ Отца. Слѣдовательно воплотилось
Слово. Остается объяснить, какимъ образомъ стало
Оно плотію: превратилось ли въ плоть, или облек-
лось въ нее? Безъ всякаго сомнѣнія облеклось въ
плоть. Впрочемъ надобно несомнѣнно вѣрить, что Богъ,
будучи по качеству Своему вѣченъ, всегда пребы-
ваетъ неизмѣненъ и не терпитъ никакого превраще-
нія. Превращеніе означаетъ уничтоженіе того, что
было прежде. Все, что превращается, возставляетъ уже
другую вещь, перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ было, и
становится тѣмъ, чѣмъ не было. Богъ напротивъ то-
го не можетъ ни сдѣлаться чѣмъ либо другимъ ни
перестать быть тѣмъ, чѣмъ есть. *Слово есть Богъ,*
бъ искони, и въ вѣки пребудетъ, сохраняя всегда
Свою форму. Если же Слово не допускаетъ превраще-
нія: то изъ сего слѣдуетъ, что чрезъ воплощеніе Его
надлежитъ разумѣть плоть, которую Оно приняло и
явило, и которая была видима и осязаема, будучи
подвержена и всѣмъ другимъ чувствамъ. Въ против-
номъ случаѣ если бы Слово сдѣлалось плотію чрезъ
превращеніе или измѣненіе сущности: то сущность
Исусова, будучи единою, обратилась бы въ нѣкую
двойную смѣсь плоти и духа, подобно янтарию, кото-
рый состоя изъ смѣси золота и серебра, и чрезъ то,
переставая быть какъ золотомъ, то есть духомъ, такъ
и серебромъ, то есть, плотію, становится чѣмъ-то
третьимъ. Что же выйдетъ? Иисусъ не будетъ уже Бо-
гомъ, потому что Слово перестанетъ существовать,
сдѣлавшись плотію; не будетъ также и плотію, то
есть, человѣкомъ, потому что Тотъ, кто былъ Слово,
не можетъ собственно быть плотію. Такимъ образомъ

чрезъ эту смѣсь того и другаго, Оно сдѣлается ни то ни другое, составляя третіе среднее существо, а не обоихъ вмѣстѣ.

Но этого не довольно. Слово именуется ясно чело-вѣко-Богомъ или Бого-человѣкомъ, то есть, и Сыномъ человѣческимъ и Сыномъ Божиимъ, потому что Оно есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, отличаясь безъ всякаго сомнѣнія въ качествѣ той и другой сущности; ибо Слово есть не иное что, какъ Богъ, а плоть не иное что, какъ человѣкъ. Въ такомъ точно смыслѣ и Апостолъ говоритъ намъ о той и другой сущности: *иже бо отъ сѣмене Давидова*, то есть, чело-вѣкъ и Сынъ человѣческій; и *иже блъ нареченъ Сыномъ Божиимъ по Духу святымъ* (Римл. I. 3 и 4), то есть, Богъ и Слово, Сынъ Божій. Мы тутъ видимъ двойственное естество, соединенное безъ смѣшенія въ одномъ лицѣ, видимъ Самаго Бога и вочеловѣчившагося Іисуса-Христа.

О Христѣ я отлагаю теперь разсуждать. Нужны ли тебѣ доказательства, что качество той и другой сущности остается дѣйствительнымъ? Духъ производитъ въ Немъ свойственныя Ему дѣянія, то есть, чудеса, знаменія, откровенія. Плоть напротивъ того подвергается ощущеніямъ, также ей свойственнымъ: терпитъ голодъ послѣ искушенія діавола, чувствуетъ жажду въ присутствіи Самаритянки, проливаетъ слезы при видѣ Лазаря, терпитъ грусть даже до смерти, наконецъ умираетъ. Если бы Христосъ былъ какое либо третіе существо, смѣсь того и другаго, подобно янтарию: то та и другая сущность не могла бы проявиться въ столь отличительныхъ дѣяніяхъ. Мало того. Духъ сталъ бы исполнять дѣла плоти, а плоть дѣла духа, въ слѣдствіе подобнаго превращенія, или же они бы не исполняли ни дѣлъ плоти ни дѣлъ ду-

ха, а производили бы дѣла какого-то третьяго рода въ слѣдствіе таковой смѣси. Но я еще ошибаюсь. Или бы Слово умерло, или бы не умерла плоть, когда бы Слово превратилось въ плоть. Одно изъ двухъ: или безсмертіе плоти или смертность Слова. Но какъ обѣ эти сущности дѣйствовали отдѣльно, каждая по своему естеству: то изъ сего и произошло, что дѣяніе и вещи соотвѣтствовали каждой изъ нихъ. Познай же вмѣстѣ съ *Никодимомъ*, что: *рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ духа духъ есть* (Іоан. III. 6). Плоть не дѣлается духомъ, и духъ не дѣлается плотію; но оба они могутъ быть въ одномъ лицѣ. Таковъ былъ Іисусъ-Христосъ, человекъ по плоти, и Богъ по духу. Ангелъ нарекъ Его Сыномъ Божиимъ въ томъ смыслѣ, что Онъ былъ духъ; а плоти предоставилъ званіе Сына человѣческаго. Также и Апостолъ, именуя Его посредникомъ или ходатаемъ между Богомъ и людьми, утверждаетъ въ Немъ двѣ сущности. Наконецъ ты, разумѣющій подъ плотію Сына Божія, покажи намъ, каковъ Сынъ человѣческій. Скажешь ли, что это духъ? Но ты хочешь, чтобы духъ былъ тоже, что Отецъ, потому что сказано: *Богъ есть Духъ*, какъ будто въ другомъ мѣстѣ не говорится: *Духъ Божій*, а также *Богъ Слово* и *Слово Божіе*.

XXVIII. Стало быть ты превращаешь, безумный человекъ, Христа въ лице (Бога) Отца, не видя даже въ силу сего имени. Христосъ собственно не есть имя, но знаменуетъ паче прозваніе *помазаннаго* или *освященнаго*. Но и помазаннику столь же мало прилично какое либо имя, какъ одѣтому или обутому: это не иное что, какъ случаи, прибавляемые къ имени. Скажи же: если бы Іисусъ по какому либо побужденію получилъ прозваніе *одѣтаго*, подобно

какъ наименованъ Христомъ сообразно таинственному Своему помазанію: то не уже ли бы ты и тогда сказалъ, что Иисусъ есть Сынъ Божій, и *одѣтый* есть Отецъ?

Поговоримъ теперь о Христѣ. Если Христосъ есть Отецъ, то Отецъ былъ помазанъ, и слѣдовательно помазанъ отъ другаго; или не помазалъ ли Онъ Самъ Себя? Докажи это. Но дѣянія Апостольскія учатъ насъ не такъ, упоминая, что вся Церковь по возвращеніи *Петра* и *Іоанна* отъ Архіереевъ возвала къ Богу: *Собрашася во градъ семъ на Святаго отрока Твоего Иисуса, Его же помазалъ еси, Иродъ и Понтийскій Пилатъ съ языки и людьми Израилевыми* (IV. 27). Симвъ самымъ засвидѣтельствовала Церковь сія, что Иисусъ есть Сынъ Божій, и что Сынъ пріялъ помазаніе отъ Отца. Стало бытъ Иисусъ тоже, что Христосъ, освященный Отцемъ, но не тоже, что Отецъ, освятившій Сына. Въ семъ-то смыслѣ и *Петръ* сказалъ: *твердо да разумѣтъ весь домъ Израилевъ, яко и Господа и Христа Его Богъ сотворилъ есть, сего Иисуса, Его же вы распясте* (Дѣян. Ап. II. 36), то есть, освятилъ Его божественнымъ помазаніемъ. *Іоаннъ* еще сильнѣе говоритъ: *кто есть лживый, точию отменяйся, яко Иисусъ нѣсть Христосъ;—всякъ въручай, яко Иисусъ есть Христосъ, отъ Бога рожденъ есть* (1. Іоан. II. 22. V. 1). Посему то Онъ и совѣтуетъ намъ имѣть общеніе со Отцемъ и съ Сыномъ Его Иисусомъ Христомъ. Апостолъ *Павелъ* также не пропускаетъ никогда случая говорить о *Богъ Отецъ* и о *Господь нашъ Иисусъ Христъ*. Пишетъ ли къ Римлянамъ? Онъ благодаритъ Бога своего *Иисусомъ Христомъ*, яко *впра ихъ возвыщается во всемъ мірѣ* (I. 8). Пишетъ ли къ Галатамъ? Онъ объявляетъ о себѣ, что онъ *Апостолъ ни отъ чловѣкъ ни чловѣкомъ, но Иисусомъ Хри-*

стои и Богомъ Отцемъ (І. 1). Словомъ сказать утѣбя подѣ рукою всѣ его Посланія, свидѣтельствующія о сей истинѣ и удостовѣряющія насъ о двухъ отличительныхъ лицахъ, о Богѣ Отцѣ и о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, Сынѣ Отчемъ, равно какъ и о томъ, что Иисусъ есть Христосъ подѣ тѣмъ и подѣ другимъ именемъ. Отъ того самаго, что два имени принадлежать одному лицу, выходить, что каждое изъ двухъ именъ съ другимъ или безъ другаго, принадлежитъ всегда тому же лицу. Слѣдовательно говоря объ одномъ Иисусѣ, надобно подѣ нимъ разумѣть и Христа, такъ какъ Иисусъ освященъ помазаніемъ; также говоря только о Христѣ, надлежитъ Христа и Иисуса принимать за одно лицо, потому что помазанъ былъ Иисусъ. Одно изъ сихъ двухъ именъ принадлежитъ Ему, какъ возложенное на Него первоначально отъ Ангела; другое составляетъ какъ бы случайность или знакъ воспоминанія о помазаніи, лишь бы однакожъ Христосъ былъ Сынъ, а не Отецъ.

Какъ слышъ тотъ чловѣкъ, который не понимаетъ, что когда онъ даетъ Христу имя Отца, то имя Христа заключаетъ въ себѣ другаго Бога! Дѣйствительно если Христосъ смѣшивается съ Богомъ Отцемъ и на примѣръ говорить: *иду ко Отцу Моему и Отцу вашему и къ Богу Моему и Богу вашему*: то Онъ объявляетъ, что существуетъ другой Отецъ и другой Богъ превыше Бога Отца. Равнымъ образомъ, если Христосъ есть Отецъ: то существуетъ другой Отецъ, утверждающій громы, творящій бури и прославляющій Христа Своего между народами. Если *предсташа царіе земли и князи собравшися вкупѣ на Господа и на Христа Его* (Пс. II. 2): то надлежало быть другому Господу, противъ Христа котораго возстали цари и князи. Если Господь обращается ко Христу съ

сими словами: *Господь Мой* (*Рече Господь Господеву Моему*) (Пс. СІХ): то видно есть другой Господь, который говоритъ сіи слова Отцу Христову. Когда Апостолъ пишетъ: *Да Богъ Господа нашего Иисуса Христа дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его* (Ефес. I. 17): то уповательно есть другой Богъ Иисуса-Христа, раздаятель духовныхъ даровъ, а не Тотъ, о которомъ Апостолъ говоритъ. Во всякомъ случаѣ, дабы намъ не растеряться во множествѣ подробностей, надлежитъ вѣдать, что Тотъ, кто воскресилъ Иисуса, Тотъ долженъ возвратитъ жизнь и нашимъ смертнымъ тѣламъ, и слѣдовательно, чтобы насъ воскресить, потребенъ другой Богъ, а не умершій и не воскресшій Отецъ, если правда, что умершій Христосъ есть Отецъ.

XXIX. Да умолкнетъ же богохульство. Для насъ довольно того, что Христосъ, Сынъ Божій, умеръ, на основаніи свидѣтельства священнаго Писанія. Дѣйствительно Апостолъ, будучи не въ состояніи безъ скорби, удручавшей его, произнести, *Христосъ умеръ*, прибавилъ къ тому, *по Писанію*, дабы Писаніемъ облегчить жестокость сего изреченія, и удалить отъ читателя всякой соблазнъ. Однакожъ такъ какъ въ Иисусѣ Христѣ соединены двѣ сущности: то изъ того, что божественная сущность безсмертна, а человѣческая подвержена смерти, явствуетъ, въ какомъ смыслѣ Апостолъ говоритъ, что Христосъ умеръ, то есть, умеръ, поколику имѣетъ плоть, но не поколику есть Духъ, Слово или Сынъ Божій. Однимъ словомъ сказать, когда Онъ говоритъ, что Христосъ умеръ, Христосъ помазанникъ Господень: то чрезъ то показываетъ, что умерла плоть, освященная помазаніемъ.

«Пусть и такъ, возражаешь ты; но утверждая, «что Отецъ умеръ въ томъ же смыслѣ, какъ и у васъ

«Христосъ, мы нисколько не хулимъ Господа Бога; «ибо если Онъ умеръ, то по нашему мнѣнію умеръ «не въ божественной, а въ человѣческой сущности.»

Нѣтъ! Вы богохульствуете, не только утверждая, что Отецъ умеръ, но и полагая, что Онъ былъ распятъ. Не смотря на проклятіе, произнесенное на всякаго, кто *виситъ на древѣ*, проклятіе, которое отнесено къ Сыну, потому что Христосъ, а не Отецъ подвергъ Себя анаемѣ ради насъ, вы при всемъ томъ обращаете Христа въ Бога Отца, и произносите хулу на Отца. Мы напротивъ того говоря, что Христосъ былъ распятъ, не проклинаемъ Его, но только ссылаемся на проклятіе закона, потому что и Апостолъ, ссылаясь на сіе проклятіе не богохульствовалъ. Подобно какъ безъ хулы можно сказать о комъ либо то, что свойственно его естеству, такъ приписывать ему то, что естеству его противно, значитъ хулить его. И такъ Отецъ не страдалъ съ Сыномъ.

«Но тутъ сектаторы, боясь вѣроятно обвиненія «въ излишнихъ притязаніяхъ на Отца, пытаются о-«слабить свое богохульство, и наконецъ соглашаются «на то, чтобъ Отецъ и Сынъ составляли два лица, «лишь бы только Сынъ страдалъ, а Отецъ *сострада-«далъ.*» Новое безразсудство! Что значитъ сострадать, какъ не страдать вмѣстѣ съ другимъ? Если Отецъ безстрастенъ, то Онъ съ другимъ не можетъ страдать; если же Онъ съ другимъ страдать можетъ, то ты дѣлаешь Его страстнымъ. Твои уваженія ни къ чему не служатъ. Ты боишься назвать Его страстнымъ; а между тѣмъ заставляешь Его раздѣлять страданія. Онъ столь же мало можетъ участвовать въ страданіяхъ, яко Отецъ, сколько и страдать, яко Сынъ, поколику есть Богъ. Если бы въ рѣкѣ произошла какая либо мутность или нечистота въ водѣ:

то хотя изъ источника, съ рѣкою соединеннаго, исходить одна и таже сущность, но претерпѣнное рѣкою поврежденіе не имѣетъ ничего общаго съ источникомъ. Конечно повредила въ рѣкѣ вода, изшедшая изъ источника; однакожь какъ скоро она повредила въ источникѣ, а въ рѣкѣ: то не источникъ терпитъ поврежденіе, но рѣка, исходящая изъ источника. Такимъ образомъ если бы даже и Святой Духъ могъ страдать въ Сынѣ: но такъ какъ Онъ страдалъ бы не въ Отцѣ, а въ Сынѣ: то нельзя сказать, чтобы страдалъ Отецъ. Довольно уже того, что Духъ Святой (то есть Богъ) нисколько не страдалъ во имя Свое, ибо когда бы Онъ сколько нибудь страдалъ, то страдалъ бы въ Сынѣ, въ которомъ бы находился и Отецъ въ то время, какъ Сынъ страдалъ во плоти. О семъ мы уже разсуждали, и никто отрицать того не можетъ. Сами мы не могли бы страдать ради Бога, если бы не былъ въ насъ Духъ Святой, говорящій устами нашими во время исповѣданія вѣры, но не Самъ страдая, а подавая намъ только силу страдать.

XXX. Впрочемъ, если ты еще станешь упорствовать: то я могу отвѣчать тебѣ сильнѣе, и поставить тебя въ явное противорѣчіе съ изреченіями Господа. Къ чему столько умствованій, спрошу я тебя? Не слышишь ли ты, какъ Онъ вопіялъ во время страданія Своего: *Божже мой, Божже мой, вскую Мя еси оставилъ?* Стало бытъ тутъ или страдалъ Сынъ, оставленный Отцемъ, который, оставивъ Сына, Самъ не страдалъ съ Нимъ; или, если страдалъ Отецъ: то къ какому Богу простиралъ Сынъ помянутый вопль? Но нѣтъ! Этотъ вопль плоти и души, то есть, чловѣка, а не Слова, и не Духа, то есть, изшедшій не отъ Бога, произнесень былъ, дабы показать намъ, что Богъ безстрастенъ, потому что оставилъ Сына Сво-

его, предавъ на смерть вочеловѣчившееся Свое Слово. Апостолъ весьма хорошо понималъ это говоря, *яко Отецъ не пощадилъ есть Сына Своего*. Пророкъ же *Исаія* еще прежде сказалъ: *Господь предаде Его грѣхъ ради нашихъ*. Не пощадить значитъ оставить; предать также значитъ оставить. За всѣмъ тѣмъ Отецъ не со-всѣмъ оставилъ Его, потому что Онъ *предалъ Духъ Свой въ руку Его*, и какъ скоро предалъ, то и умеръ; ибо доколѣ Духъ пребываетъ во плоти, плоть не можетъ умереть. Такимъ образомъ оставленіе Его Отцемъ было смертію Сына по плоти. И такъ Сынъ умираетъ и воскрешается Отцемъ по Писанію;—Сынъ торжественно восходитъ на небеса, чтобы сѣсть одесную Бога Отца Своего (а не Отецъ, чтобы сѣсть одесную Сына);—Сынъ нисходитъ въ преисподнія земли;—Сына видитъ *Стефанъ одесную стояща Бога Отца*, откуда иѣкогда снідетъ Онъ, *егда Отецъ положитъ вся враги Его подножію ногъ Его*;—Сынъ имѣетъ прійти на облакахъ небесныхъ, окруженный тою же славою, съ какою взшелъ на небо;—Сынъ наконецъ изливъ на Апостоловъ Духа, пріятаго имъ отъ Отца, Духа, третіе имя божества, третіе лице вѣчныя Троицы, Духа, преподававшего намъ познаніе о самодержавіи Единаго, съ объясненіемъ притомъ тайны божественнаго домостроительства для всѣхъ, внемлющихъ словамъ новаго Закона, Духа, обучающаго истинѣ и пребывающаго во Отцѣ, Сынѣ и Духѣ Святомъ сообразно ученію вѣры Христіанской.

XXXI. Въ заключеніе надобно сказать, что вѣровать въ единство Бога, не пріемля единства съ Нимъ Сына и Духа Святаго, есть не иное что, какъ имѣть только вѣру Иудеевъ. Но что же насъ различаетъ съ ними, какъ не это различіе? Къ чему послужатъ Евангеліе и сущность новаго завѣта, заявившія намъ,

что Пророки существовали только до *Иоанна*, если мы не станемъ вѣрить, что Богъ существуетъ въ трехъ лицахъ, въ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ? Богу угодно было возобновить таинство вѣры, дабы міръ вѣровалъ въ Него новымъ образомъ, совокупно съ Сыномъ и Духомъ Святымъ, и дабы Онъ всенародно признаваемъ былъ подъ свойственными Ему именами и лицами, когда о томъ Сынъ и Духъ проповѣдуютъ. Что намъ нужды до тѣхъ Антихристовъ, которые отрицаютъ Отца и Сына? Они отрицаютъ Отца, смѣшивая Его съ Сыномъ, отрицаютъ и Сына, смѣшивая съ Отцемъ, потому что приписываютъ Имъ то, что Они не суть, и отъемлютъ у Нихъ то, что Они суть. *Иже аще исповѣсть, яко Иисусъ есть Сынъ Божій, но не Отецъ, Богъ въ немъ пребываетъ, и онъ въ Бозѣ. И мы вѣровахомъ во свидѣтельство, еже свидѣтельствова Богъ о Сынѣ Своемъ. Не имѣй Сина Божія, живота не имать* (1. Иоан. IV. 15. V. 10 и 12). Считать Сына кѣмъ либо другимъ, а не Сыномъ, значить не вѣровать въ Сына.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЯ.

СКОРПІАКЪ,

ИЛИ ПРОТИВОЯДІЕ

отъ угрызенія Скорпіоновъ (*).

1. Земля производитъ скорпіоновъ, страшныхъ животныхъ въ маломъ объемѣ. Сколько ихъ родовъ, столько и ядовъ; сколько породъ, столько и опасностей, сколько цвѣтовъ, столько и пагубъ. *Никандръ* ихъ описалъ и составилъ имъ рисунки. Но общее ихъ свойство язвить хвостомъ. Я называю хвостомъ ту нижнюю часть тѣла, которою они наносятъ раны. Узлы въ скорпіонѣ, вооруженные внутри небольшою ядовитою жилою, натягиваются, какъ лукъ, и подобно камнемётницѣ пускаютъ загнутую стрѣлу. Отсюда-то и военная машина, метаящая стрѣлы отъ того, что сжимаетъ ихъ, получила названіе скорпіона. Эта стрѣла, будучи вмѣстѣ и стрѣла и каналъ, къ концу утончена, чтобы вѣрнѣе поражать, и вливаетъ ядъ свой въ рану. Лѣто есть самое опасное для сего время. Дуновеніе южнаго и африканскаго вѣтра споспѣшествуетъ лютости животнаго. Относительно лѣкарствъ,

(*) Писана въ 209. году по Р. Х.

Природа намъ нѣкоторыя изъ нихъ доставляетъ; Магія употребляетъ заколдованныя перевязи; Медицина предлагаетъ желѣзо и питія; пивые пьютъ воду прежде прижиганія, и тѣмъ ускоряютъ благотѣльное его дѣйствіе. Не говорю ничего о плотскомъ совокупленіи въ это время: оно истощаетъ силы, и производитъ потомъ неспособную жажду.

Предоставимъ лзычникамъ подобныя средства. Наше прибіжище есть вѣра, развѣ только кто, увлекаясь невѣріемъ, вмѣстѣ съ знаменіемъ креста дерзнетъ заговаривать ядъ и дробить нечистое животное. Часто случалось намъ оказывать невѣрующимъ услуги сего рода: небо благоволило ниспослать намъ сію силу, которую первый освятилъ Апостолъ *Павелъ*, презрѣвши угрызеніе ехидны.—Но какъ вѣра и безъ того утверждена на незыблемыхъ основаніяхъ: то какая цѣль настоящей статьи? Цѣль та, чтобъ обратить другихъ къ твердой вѣрѣ тогда, какъ вооружаются противъ нея собственные наши скорніоны: племя, правда не многочисленное, но жестокое, раздѣленное на многіе роды, одаренное одинакимъ жаломъ, подвластное одному и тому же врагу, дѣйствующее всегда въ жаркое время года, то есть, во время гоненій на Христіанъ. Въ тѣ дни, когда вѣра изнемогаетъ, и Церковь, подобно горящей купинѣ, окружена пожирающимъ пламенемъ, въ эти дни Гностики исходятъ изъ своихъ берлогъ, Валентиніане наиболѣе скрываютъ извилистые свои пути, всѣ порицатели мученичества источаютъ свой ядъ и мятутся, имѣя одно только желаніе обрѣсти жертву, пропизать и умертвить ее. Имъ слишкомъ хорошо извѣстно, что Религія имѣетъ въ рядахъ своихъ множество служителей простыхъ и мало просвѣщенныхъ, другихъ, худо утвержденныхъ въ вѣрѣ, а большую часть

Христіанъ легкомысленныхъ, расположенныхъ всегда обратиться въ ту сторону, въ какую угодно. Какое удобнѣйшее можно избрать время къ уловленію въ свои сѣти сихъ неопытныхъ или малодушныхъ людей, какъ не то, когда страхъ владѣть душею каждаго, или въ особенности когда варварскія казни вѣнчаютъ вѣру мучениковъ?

Тогда, поджавши хвостъ, они (еретики) начинаютъ возбуждать человѣческую чувствительность, или просто бьются, какъ рыба объ ледъ. «Какъ, восклицаютъ они, невинность подвержена подобнымъ мученіямъ, секта, па которую никогда никто не жаловался?» Подумаешь, что это говоритъ братъ родной или по крайней мѣрѣ какой либо сострадательный язычникъ. Но подождите: они не то еще скажутъ. «Погибнуть, и притомъ безъ всякой причины! «Да и какаѣ быть можетъ причины смерти Христіанъ?» За симъ они начинаютъ вонзать глубже жало свое. «Эти легковѣрные души не вѣдаютъ, на какомъ основаніи, въ какихъ изреченіяхъ, гдѣ, когда и передъ кѣмъ надлежитъ исповѣдовать вѣру свою.» Несчастный! Объяви лучше прямо, что умереть за Бога есть не только простота и безполезность, но совершенное безуміе. Они продолжаютъ: «кто спасетъ меня, когда приносить меня въ жертву Тотъ, кто долженъ спасти? Иисусъ—Христосъ, умерши за насъ однажды, не освободилъ ли насъ отъ гибели? Положимъ, что Онъ и требуетъ возмездія; но не уже ли ожидаетъ Онъ собственнаго спасенія отъ моей смерти? Имѣетъ ли Богъ надобность въ крови моей, Богъ, не хотящій крови ни козловъ ни воловъ? Не сказалъ ли Онъ, что предпочитаетъ покаяніе смерти грѣшника? Какъ оправдаетъ Онъ таковое изреченіе, когда желаетъ смерти грѣшника?»

Эти возгласы и множество другихъ имъ подобныхъ, исходя безпрерывно изъ злобныхъ устъ еретиковъ, не способны ли произвести если не утрату вѣры, то по крайней мѣрѣ робость въ исповѣданіи ея, если не совершенную смерть, то по крайней мѣрѣ сильное смущеніе? Но ты, читатель, если вѣра твоя еще не оскудѣла, порази проклятіемъ скорпіона богохульника, и заставь его умереть во снѣ своемъ. Но берегись. Если онъ пуститъ ядъ свой въ рану: то ядъ не укуситъ проникнуть въ самую внутренность, и разольется по всему тѣлу. Чтоже за тѣмъ послѣдуетъ? Всѣ прежнія благородныя чувства притупятся; кровь застынетъ около сердца; духъ угаснетъ подъ бременемъ плоти; человѣкъ получитъ отвращеніе къ имени христіанскому; душа сама по себѣ станетъ изрыгать блевотину. Такимъ образомъ послѣ первыхъ его угрызений, слабость наша не преминетъ вскорѣ отвергнуть вѣру, взнемогающую отъ заразы ереси или отъ свѣтскихъ прелестей. Нынѣ находимся мы среди лѣта, то есть, факелы гоненія воспламенены руками самаго Киноцефала. Изъ Христіанъ одни подвергнуты пыткамъ, другіе обречены на сожженіе, иные погибли отъ меча, прочіе истерзаны зубами хищныхъ звѣрей. Нѣкоторые, будучи посажены въ темницы, и претерпѣвъ біеніе и строганіе желѣзными клещами, жаждутъ вѣнца мученичества, цѣну котораго уже знаютъ.

Между тѣмъ, насъ, робкихъ зайцевъ, предназначенныхъ для ловли, ересь не престаетъ осаждать издалека, шествуя по обычному своему пути. По сему настоящія обстоятельства должны понудить насъ противопоставить скорпіонамъ нашего края дѣйствительное врачевство, которое впрочемъ смягчимъ мы по возможности. Пей, любезный читатель: напитокъ не горекъ. Если Слово Господне слаще меда изъ сотовъ:

то знай, что оттуда взято предлагаемое мною тебѣ врачество. Если млеко и медъ истекають изъ обѣтовъ Господнихъ: то сіе млеко и медъ суть мученичество и возмездіе за него. *Горе превращающимъ горькое въ сладкое и сладкое въ горькое!* Порицатели мученичества! Вы-то, желая, чтобы средство спасенія было средствомъ осужденія, превращаете сладкое въ горькое такъ, какъ свѣтъ во тьму, и, предпочитал бѣдствія настоящей жизни блаженству будущей, замѣняете горькое сладкимъ такъ, какъ свѣтъ тьмою.

II. Но прежде нежели станемъ разсуждать о славѣ мученичества, разсмотримъ его, какъ долгъ или обязанность; прежде нежели убѣдимся, что оно полезно, докажемъ, что оно нужно. Хотѣлъ ли Богъ, чтобы было мученичество? Повелѣлъ ли Онъ его? Для разрѣшенія вопроса примемъ въ основаніе божественный авторитетъ, дабы порицатели мученичества не прежде признали выгоды его, какъ когда будутъ побуждены. Приличнѣе обуздывать ересь строгостію, нежели кротостію: надобно вооруженною рукою укрощать злобу, противящуюся убѣжденіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что открыться могутъ нѣкотораго рода предубѣжденія благости въ пользу такого учрежденія, основателемъ котораго признается Самъ Богъ. Противники наши да обождутъ нѣсколько времени ссылокъ на Евангельскіе тексты. Я намѣренъ сперва объяснить законъ, служащій имъ корнемъ; я хочу, чтобы воля Божія такъ сказать ключемъ была изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ я обрѣтаю Самаго Бога.

Азъ есмь Господь Богъ твой, говоритъ Онъ, изведый тя отъ земли Египетскія, отъ дому работы. Да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ подѣ землею.

Да не поклонишия имъ, ниже послужиши имъ: Азъ бо есмь Господь Богъ твой.

Далѣ въ той же главѣ сказано:

Вы видѣсте, яко съ небесе глаголахъ къ вамъ. Не сотворите себѣ сами боговъ серебряныхъ, и боговъ золотыхъ не сотворите самымъ себѣ (Исх. XX. 2-4, 22 и 23).

Во второзаконіи Господь говорить:

Слыши, Израилю: Господь Богъ вашъ Господь единъ есть: и возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и отъ всея силы твоея.

И въ другомъ мѣстѣ:

Вонми себѣ, да не забудеши Господа Бога твоего, изведшаго тебе отъ земли Египетскія, отъ дому работы. Господа Бога твоего да убоишися, и Тому единому послужиши, и къ Нему прильпнишися, и именемъ Его кленешися. Да не ходите въ слѣдъ боговъ чуждыхъ, боговъ языческихъ, иже окрестъ васъ: яко Богъ ревнивъ Господь Богъ твой посредаъ тебе: да не разнѣвается яростію Господь Богъ твой на тя, потребитъ тя отъ лица земли.

Предлагая народу Своему благословеніе и проклятіе, Онъ говорить:

Благословеніе (дается вамъ), аще послушаете заповѣдей Господа Бога вашего, елики Азъ заповѣдаю вамъ днесь, и клятву, аще не послушаете заповѣдей Господа Бога вашего, елики Азъ заповѣдаю вамъ днесь, и соvertsитесь съ пути, его же заповѣдахъ вамъ, идуще послужити богамъ чуждымъ, ихъ же не вѣсте.

Надлежитъ истребить ихъ безъ пощады:

Пагубою погубите вся мѣста, въ нихъ же служниша тамо языцы богамъ своимъ, яже вы примете, на горахъ высокихъ и холмахъ, и подъ древомъ сплывнымъ. И да раскопаете требища ихъ, и сокрушите столпы ихъ, и дубравы ихъ ссѣчете, и ваяніе боговъ ихъ сожжете огнемъ, и погубите имя ихъ отъ мѣста того.

При вступленіи народа Его въ обѣтованную землю и при истребленіи чуждыхъ народовъ, Онъ возобновляетъ Свои предостереженія.

Внемли себѣ, да не взыщеша послѣдовати имъ, по постребленіи ихъ отъ лица твоего, не взыщи боговъ ихъ, глаголя: якоже творятъ языцы сіи богомъ своимъ, сотворю и азъ (Втор. VI. 4 и 5, 12—15. XI. 27 и 28. XII. 2 и 3, 30).

Слѣдующее повелѣніе замѣчательно:

Аще востанетъ въ тебѣ пророкъ или видѣй сонѣ, и дастъ тебѣ знаменіе или чудо, и приидетъ знаменіе или чудо, еже рече къ тебѣ, глаголя: идемъ, да послужимъ богомъ инымъ, ихъ же не вѣсте. Да не послушаете глаголъ пророка того, или видѣщаго сонъ мой: яко искушаетъ Господь Богъ твой васъ, еже увѣдѣти, аще любите Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душою вашею. Во слѣдъ Господа Бога вашего ходите, и Того бойтесь и заповѣди Его сохраните, и гласа Его послушайте, и Тому служите и къ Нему прильпнитесь. И пророкъ той или видѣй сонъ да умретъ: глагола бо еже прельстити тя отъ Господа Бога твоего.

Черезъ нѣсколько строкъ тамъ же я читаю:

Аще помолитъ тя братъ твой отъ отца твоего или отъ матери твоея, или сынъ твой, или дочь твоя, или жена твоя, яже на лопъ твою, или другъ твой равенъ души твоей, отай глаголя: идемъ и послужимъ богомъ инымъ, ихъ же не видѣлъ еси ты и ошцы твои, отъ боговъ языковъ, иже окрестъ васъ, близъ сущихъ тебѣ, или дальнихъ отъ тебе, отъ конца земли до конца земли:—да не соизволиши ему, и не послушаеши его, и да не пощадитъ его око твое, и не возлюбшии его, ниже прикрывши его: возвыщая да возвысташа о немъ, и рука твоя да будетъ на немъ въ первыхъ убить его, и руки всѣхъ людей послѣжде, и по-

бѣють его каменіемъ, и умрутъ, яко взыскалъ есть отъ-
вратити тебе отъ Господа Бога твоего.

Слѣдуетъ описаніе участи городовъ, если по строгомъ изысканіи окажется, что:

*Сотворися мерзость сія въ васъ. Убивая да убѣиши вся живущія во градъ ономъ убійствомъ меча, проклятіемъ проклените его вся яже въ немъ, и зажжеши градъ огнемъ и вся корысти его всенародно предъ Господемъ Богомъ твоимъ; и будетъ пусть во вѣки, не возградится по-
семъ, и да ничто же прильпится отъ проклятія руцъ твоей, да отзратится Богъ отъ ярости гнѣва Своего.*

Ненависть Его къ идоламъ внушила Ему изречь множество проклятій за многобожіе и нарушеніе заповѣдей Его.

Проклятъ человекъ, иже сотворитъ изваяніе и сіяніе, мерзость Господеву, дѣло рукъ художника, и положитъ е въ сокровеніи.—Проклятъ всякъ человекъ, иже не пребудетъ во всѣхъ словесѣхъ закона (Втор. XIII. 1—5, 6—10, 14—17. XXVІІ. 15 и 26).

Въ книгѣ Левитъ подтверждается тоже самое.

Не посльдуйте идоломъ, и боговъ сіянныхъ не сотворите себѣ: Азъ Господь Богъ вашъ.— Мои сынове Израилевы раби суть, отроцы Мои сіи суть, ихъ же изведохъ изъ земли Египетскія: Азъ Господь Богъ вашъ.— Не сотворите себѣ образовъ рукотворенныхъ, ниже изваянныхъ, ниже столпа поставите себѣ, ниже камене поставите въ земли вашей во знаменіе, во еже покланяться ему: Азъ есмь Господь Богъ вашъ (Лев. XIX. 4. XXV. 55. XXVІ. 1).

Таковы первыя узаконенія, изреченныя Богомъ устами Моисея. Они относятся не только къ древнимъ Евреямъ, но и къ тѣмъ людямъ, которыхъ Богъ Израильскій извелъ изъ Египта міра сего, наводненнаго суетвѣріями, и извлекъ изъ дома рабства человѣческаго.

Въ послѣдствіи Пророки не преставали въ одинъ голосъ повторять слова того же Бога, подтверждавшаго и освящавшаго первый законъ Свой непрерывнымъ воспоминаемъ однихъ и тѣхъ же наставленій. Ничего не было опредѣлительнѣе того запрещенія, на которое Онъ паче всего настаивалъ: *не сотвори себѣ кумира, ниже поклонися ему*: Псалмопѣвецъ тоже засвидѣтельствовалъ: *идолѣ языкъ, говоритъ онъ, серебро и золото, дѣла рукъ человеческихъ: очи имутъ, и не узрятъ; уши имутъ, и не услышатъ; ноздри имутъ, и не обоняютъ; руки имутъ, и не осяжутъ; нозъ имутъ, и не пойдутъ; не возгласятъ гортанемъ своимъ. Подобни имъ да будутъ творящій я, и вси падѣющіи на ня* (Пс. СХІІІ. 12 — 16).

III. Долженъ ли верховный Богъ сносить, чтобъ имя и честь Его опозориваемы были ложью? Можетъ ли Онъ не воспрещать людямъ, освобожденнымъ Имъ отъ ига суевѣрія, возвращаться постыднымъ образомъ паки въ рабство Египетское? Съ другой стороны имѣетъ ли Онъ право требовать, чтобы дѣти, Имъ усыновленные, удалялись отъ служенія Ему? Вопросы эти не подлежатъ изслѣдованію. Никто не долженъ требовать отъ насъ объясненія, желаетъ ли Богъ, чтобы законъ, Имъ изданный, былъ соблюдаемъ, и отмщаетъ ли Онъ за пренебреженіе къ такому закону, на исполненіе котораго изъявилъ Онъ Свою волю. Къ чему и законъ, если бы Богъ не требовалъ, чтобы люди Ему повиновались! Тщетно настаивалъ бы Онъ на то, когда бы нарушителей не восхотѣлъ наказывать.—Мыѣ остается доказать, что предъидущія узаконенія относились именно къ тѣмъ суевѣріямъ, которыя Богъ уничтожалъ или за которыя наказывалъ. Вопросъ о мученичествѣ пріобрѣтеть чрезъ то всю свою достовѣрность.

Моисей находился на горѣ съ Богомъ, когда на-

родъ, не вытерпѣвъ долгаго его отсутствія, столь для него необходимаго, потребовалъ, чтобы изваяны были ему боги, которыхъ бы долженъ онъ былъ скорѣе обратить въ прахъ. Народъ многократно на то настаивалъ. *Ааронъ* повелѣлъ Израильтянамъ растопить въ огнѣ золотыя украшенія, висѣвшія уженъ ихъ въ ушахъ. Такъ-то промѣняли они на смертный приговоръ слово Божіе, которое есть наилучшее украшеніе для ушей человѣческихъ. Покорствующій огонь превратилъ металлъ въ безумное животное, какъ бы въ явную укору Израильтянамъ: *идъже сокровище ваше, ту и сердце ваше*, то есть, оно у нихъ было въ Египтѣ, который между прочими суевѣріями обоготворялъ вола Аписа. Три тысячи человѣкъ были за это умерщвлены отъ своихъ родныхъ и ближнихъ, потому что они первые были участниками въ возмущеніи и нанесли оскорбленіе Богу, который былъ для нихъ болѣе, нежели отецъ, болѣе, нежели ближніе; а потому они первые подверглись и казни.— Въ книгѣ *Числѣ* упоминается, что *Израильтяне живя въ Саттимъ, осквернишася блужденіемъ со дщерьми Моави, и призваша я въ требы кумиръ своихъ: и ядоша людѣ требы ихъ, и поклоняшася кумиромъ ихъ, и причастися Израиль Веельфего-ру* (Числ. XXV. 1—3). За это второе идолопоклонство, оскверненное блудомъ, двадцать четыре тысячи умершихъ были жертвою правосудія Божія.—По смерти *Исуса Навина* Израильтяне оставиша Господа Бога своего, и послужаша *Ваалу и Астартомъ. И разнѣваясь простою Господь на Израиль, и отдаде ихъ въ руки враговъ ихъ. И не возмогша противостати предъ лицемъ враговъ своихъ. И рука Господня бѣше на нихъ во зло, и озлоби ихъ зло. И возстави имъ Господь судѣи. Но и судей не послушаша.... И бысть егда умираше судія, и отвращахуся, и пакы растлѣвахуся паче*

отецъ своихъ, идуще въ слѣдъ боговъ иныхъ, служить имъ и поклоняться имъ. И разгнѣвая яростію Господь на Израиля, и рече: понеже остави родъ сей заветъ Мой, его же заповѣдахъ отцемъ ихъ, и не послушаша гласа Моего, и Азъ не приложу изгнати мужа отъ лица ихъ отъ сихъ языковъ, ихъ же остави Иисусъ Сынъ Навинъ на земли и умре (Кн. Суд. II. 12—16, 19—21).—Изъ книги судей и изъ книгъ царствъ видно, что Богъ часто давалъ Израилю чувствовать гнѣвъ Свой посредствомъ сихъ сосѣднихъ народовъ, содержа ихъ такъ сказать въ запасѣ, а равно посредствомъ кровавыхъ войнъ, отвода людей въ плѣнъ и содержанія въ узахъ, каждый разъ когда Израиль удалялся отъ Бога, особливо же, когда впадалъ въ идолопоклонство.

IV. Если же извѣстно, что идолопоклонство съ самаго начала воспрещаемо было узаконеніями, непрерывно повторяемыми и сопровождавшимися угрозами, если многочисленные и страшные примѣры доказываютъ, что оно никогда не оставалось безнаказаннымъ, и что предъ Богомъ нѣтъ преступленія столь дерзкаго, какъ это отступленіе отъ закона: то мы сами должны заключить, что цѣль угрозъ и мщеній Божіихъ за него, есть достаточный авторитетъ въ пользу мученичества, и что надлежитъ не только принимать его безъ опасенія, но и переносить мужественно. Воспретить идолопоклонство значило открыть дверь къ исповѣданію священнаго имени Божія; безъ чего что сталося бы съ этою великодушною преданностію и обреченіемъ себя на жертву? Божественный авторитетъ заблаговременно уготовалъ то, чему надлежало исполниться. Такимъ образомъ если мы нынѣ подвергнуты пыткамъ: то не иной кто, какъ Богъ, привелъ насъ въ это положеніе. Скорпіонъ заражаетъ ядомъ рану, отрицая таковую волю Его и богохульствуя противъ

нее, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ или внушить инаго бога съ другою волею, или отнять довѣріе къ волѣ нашего Бога, или же по крайней мѣрѣ воспротиворѣчить святой Его волѣ, не имѣя возможности ее отвергнуть. Мы уже въ другихъ мѣстахъ оградилъ существованіе нашего Бога, производя борьбу съ каждою ересью особо. Теперь, ограничиваясь одною статьею, мы постановляемъ за правило, что воля Бога Израилева, сего единого Бога, отверзаетъ врата къ мученичеству; причемъ или устраняетъ ересь или казнить ее, когда возникнетъ. Если наконецъ нужно будетъ нѣчто и претерпѣть для исполненія сего правила: то одно изъ условій къ соблюденію его должно состоять въ томъ, что я обязанъ перенести все, касающееся до нарушимости правила. Что же это такое? То, что мнѣ падлежитъ подвергнуться всякимъ оскорбленіямъ, ожидающимъ меня, какъ скоро я о-стерегаюсь отъ ереси. Кто возлагаетъ на меня правило, Тотъ безъ сомнѣнія возлагаетъ и повиновеніе къ Себѣ. Кто требуетъ покорности, Тотъ дастъ и средства и способы. Верховный мой Законодатель гово-ритъ мнѣ: *да не будутъ тебѣ бози инии развѣ Мене.* Ни словомъ ни дѣломъ не сотвори себѣ инаго Бога. Не покланяйся никому, кромѣ Того, Кто тебѣ сіе по-вѣлѣваетъ, какого бы рода ни было поклоненіе. Онъ велитъ мнѣ еще *бояться* Его, дабы Онъ меня не о-ставилъ, и *любитъ* Его всѣми силами существа моего, даже съ пожертвованіемъ за Него моею жизни. Я далѣ клятву умереть подъ Его знаменами. Враги Его вы-зываютъ меня на брань. Согласиться съ ними зна-читъ оподлѣнить себя подобно имъ. Нѣтъ! я сохраню вѣру на полѣ сраженія. Какая нужда, буду ли я ра-ненъ, пронзенъ, убитъ! Кто можетъ обречь на смерть своего защитника, какъ не Тотъ, Который за-

ранѣе предназначилъ его къ столь геройскому самоотверженію?

V. Ты знаешь теперь волю Бога моего. Извѣты противъ нее мы отразили. Для усиленія нашихъ доводовъ, рассмотримъ еще качество этой воли. Излишне было бы распространяться о томъ, что Богъ мой благъ: мы доказали уже то въ статьѣ противъ *Маркіона*. Впрочемъ довольно наименовать Бога, чтобы несомнѣнно вѣровать, что Онъ благъ. Полагая Бога злымъ, ты долженъ избрать одно изъ двухъ: или отвергнуть существо злаго Бога или приписать благость Тому, кому присвоиваешь божество. Во всякомъ случаѣ окажется благою воля Бога, который не можетъ иначе быть Богомъ, какъ будучи благимъ. Благость законоположенія, постановленнаго волею Божіею, служить тому новымъ доказательствомъ: дѣло идетъ о мученичествѣ. Благая вещь не можетъ истечь отъ кого инаго, кромѣ какъ отъ благого же существа. Я утверждаю, что мученичество есть благо предъ Богомъ, восприимающимъ и наказывающимъ идолопоклонство. Противникъ идолопоклонства есть мученикъ. Да и кто можетъ противоборствовать злу, какъ не благо? Иной подумаетъ, что мы хотимъ отвергнуть взаимныя противности блага и зла. Совсѣмъ нѣтъ. Но мученичество есть другаго рода: оно сражается съ идолопоклонствомъ не со слезами, но при сверхъестественной и особенной благодати, и освобождаетъ насъ отъ идолопоклонства. Кто не рѣшится признать за благо то, что насъ избавляетъ отъ зла? Что означаетъ отвращеніе къ идолопоклонству и къ мученичеству, какъ не ненависть къ смерти и къ жизни? Жизнь заключается въ мученичествѣ, какъ смерть въ идолопоклонствѣ. Ты именуешь жизнь зломъ; слѣдовательно ты долженъ называть смерть благомъ. Но какая превратность

мыслей у большей части людей? Отвергаютъ они то, что спасаетъ; пріемлютъ то, что губить; подвергаются явно опасности, лишаютъ себя врачевства съ жестокимъ упрямствомъ, находятъ сноснѣе умереть, нежели постараться излѣчиться. Посмотри, что въ самомъ дѣлѣ происходитъ со многими: они устраняются отъ помощи, которая могла бы доставить имъ жизнь, иные по безумію, другіе по робости, нѣкоторые по лживому стыду. Человѣческая медицина имѣетъ также свои непріятности: взрѣзываніе, прижиганіе, прикладываніе пластырей. Но я не назову зломъ ни того, ни другаго, ни третьяго. потому что боль, ими производимая, приноситъ мнѣ пользу. Я не только не стану отвергать сихъ операций потому, что онѣ меня мучатъ, но буду помогать имъ именно потому, что мучатъ. Выгоды отъ операций смягчаютъ суровость ея. Больной кричитъ, вертится, выпускаетъ вздохи подъ руками медика. Все это правда; но онъ же наполнитъ дарами тѣ самыя руки, на которыя только что предъ тѣмъ жаловался. Вчера онѣ были жестоки, а сего дня искусны и благодѣтельны. Тоже самое бываетъ и съ мученичествомъ. Если оно и кажется грознымъ, то для того только, чтобы спасти. Не уже ли не позволительно Богу излѣчивать для вѣчности каждую изъ нашихъ болѣзней огнемъ и мечемъ?

Подивись тутъ также мудрости медика. Онъ противоположаетъ свирѣпству болѣзни врачевства, сообразныя ея свойству, когда, слѣдуя методѣ по видимому противной, облегчаетъ онъ наши страданія посредствомъ нашихъ же страданій. Дѣйствительно онъ останавливаетъ воспаленіе посредствомъ сильнѣйшаго воспаленія, потушаетъ жаръ горячки возбужденіемъ жажды, уменьшаетъ распространеніе желчи горькими питіями, удерживаетъ надрѣзаніемъ жилы бѣгушую кровь.

А ты, ты мечтаешь обвинять Бога, и притомъ Бога ревниваго, когда Онъ хочетъ вступить въ борьбу съ зловреднымъ началомъ, то есть, съ идолопоклонствомъ. хочетъ прийти къ намъ на помощь, воздать оскорбленіе за оскорбленіе, поправить смерть смертію, отразить закланіе закланіемъ, устранивъ муки муками, разрушить казни казнями, доставить жизнь, причиняя смерть, облегчить плоть, уязвляя ее по видимому, спасти жизнь, желая ее какъ бы исторгнуть? То что ты именуешь неустройствомъ, есть домостроительство божественной премудрости. Строгость, которую ты порочишь, есть истинная благодать. Богъ вознаграждаетъ вѣчностію минутныя испытанія. Воздай славу Богу, оказывающему суровость единственно для блага твоего. Ты къ счастью своему впалъ въ руки Его: Онъ можетъ обозрѣть болѣзни твои. Болѣзнь всегда предшествуетъ врачу. Человѣкъ подвергъ себя гибели. Онъ имѣлъ отъ Господа, какъ отъ милосердаго врача, полезное предъувѣдомленіе жить по закону, то есть, вкушать отъ всѣхъ плодовъ, исключая плодовъ указаннаго ему дерева. Докучливое запрещеніе! Законодавцу было это хорошо извѣстно. Человѣкъ, покорствуя слѣпо внушеніямъ того, кого предпочелъ, нарушилъ правило воздержанія, и подпестъ запрещенный плодъ къ устамъ своимъ. Пресытись ослушаніемъ, онъ такъ сказать созрѣлъ къ смерти, и тѣмъ заслужилъ совершенную гибель, самъ того пожелавши. Но Господь, допустивъ первому броженію грѣха пасть и дѣйствию его переработаться по времени, составилъ мало по малу противъ него врачевства, которыя не иное что суть, какъ догматы вѣры, какъ наука поборать пороки, обрѣзывать слово смерти посредствомъ слова жизни, и истреблять чувство ослушанія чувствомъ повиновенія. Ты самъ теперь видишь, что когда верховный сей Врачъ пове-

лѣваетъ умереть, то творить только то, что прогоняетъ дебелость смерти. О человѣкъ! за чѣмъ отрекаешься ты исцѣлиться нынѣ смертію, когда прежде не боялся погубить себя ею? За чѣмъ не хочешь принести себя въ спасительную жертву, когда желалъ низвергнуться въ пропасть, приводящую въ ничтожество? Какъ можно до такой степени небрежъ противоядіемъ и алкать яда?

VI. Если правда, что Богъ предлагаетъ намъ мученичество для испытанія, дабы человѣкъ оружіемъ симъ поборалъ древняго врага и торжествовалъ надъ тѣмъ, кому столь легко уступилъ нѣкогда побѣду надъ собою: то щедроты всемогущаго Бога въ семъ случаѣ не преминули обнаружиться еще болѣе, нежели прежде строгость Его. Для Него мало было исторгнуть человѣка вѣрою изъ когтей сатаны. Онъ восхотѣлъ, чтобы человѣкъ торжественно попраля сатану ногами на тотъ конецъ, дабы жертва не только была освобождена отъ врага, но и низринута побѣдителя. Тотъ кто призвалъ насъ ко спасенію, считаетъ Себѣ за удовольствіе призвать насъ и къ славѣ. Къ радости свободы Онъ присоединилъ утѣху пріобрѣтенія вѣнца.

Посмотри, съ какимъ усердіемъ города наши празднуютъ сраженія и торжественные бои, которыя съ давняго времени изобрѣло греческое суевѣріе, поддерживаемое страстію къ удовольствію. Свидѣтелемъ тому можетъ служить Африка. Всѣ окрестныя селенія доселѣ оглушаютъ рукоплесканіями своими Кареагентъ, удостоенный нѣкогда пионическихъ игрищъ на древнемъ своемъ поприщѣ. Такимъ образомъ во всѣ времена люди полагали, что для возбужденія соревнованія, придачи силы тѣлу и возвышенія голоса, приличествуетъ предлагать атлетамъ цѣлію награду, назначать для нихъ судьями зрителей, выставлѣть приман-

кою удовольствіе. Сею цѣною искупаются всѣ изнуренія, всѣ язвы. Люди дозволяютъ себя бить, крутить, терзать, рвать въ куски, обагрять кровію. Бываетъ ли хотя одинъ, который бы вздумалъ упрекать судей въ допущеніи людей оказывать другъ другу такое насиліе? Въѣ поприща они могутъ требовать удовлетворенія за обиду; но здѣсь удары и язвы исчезаютъ подъ ослѣпительнымъ обаяніемъ вѣнковъ и рукоплесканій, наградъ и публичныхъ отличій, изображеній и статуй, надежды пережить себя въ памяти людей и мечтательнаго безсмертія своего имени. Слыхалъ ли ты когда атлета, жалующагося на свои раны? Вѣрно никогда, потому что онъ самъ ихъ ищетъ. Вѣнокъ скрываетъ его язвы, пальма укрощаетъ его кровь: онъ напыщенъ болѣе побѣдою своею, нежели струпами, панесенными тѣлу его. Скажи: не уже ли и за симъ сочтешь ты оскорбленнымъ столь радостнаго бойца? Но что я говорю? Самъ изувѣченый упрекаетъ ли въ своемъ несчастіи судію, предсѣдщаго надъ игрищами?— Не уже ли же не приличествуетъ Богу предлагать Свои сраженія, Свои игрища; открывать для насъ эту арену, гдѣ Онъ насъ выставляетъ на позорище людямъ, Ангеламъ и всѣмъ небеснымъ силамъ; испытывать, кто какую имѣетъ крѣпость души и плоти; предназначать одному пальму, другому честь и славу, тому право гражданства, а сему другія награды; иныхъ же осуждать, и тѣхъ, кого наказалъ Онъ, отвергать съ безчестіемъ? Не вздумаешь ли ты еще назначать для Бога время, образъ дѣйствія и мѣсто, гдѣ Онъ долженъ судить Свое семейство, какъ будто премудрость и предвѣдніе не входятъ въ атрибуты судіи?

Но что сказать, если Богъ предлагаетъ намъ мученичество не для борьбы, а для преуспѣянія въ вѣрѣ нашей? Не должна ли была вѣра имѣть предъ глаза-

ми какъ бы надежду свыше, посредствомъ которой могла бы собираться съ силами своими, ограничивать свои желанія и постоянно восходить въ верхъ, такъ какъ и земныя власти стараются возвышаться съ степеней на степенъ? Съ другой стороны, какимъ образомъ могли бы *быть въ дому Отца семейства обители многи*, если бы различіе заслугъ не было приемо-лемо въ уваженіе? Какимъ также образомъ *звѣзда отъ звѣзды во славу отстоять* бы могла, если бы лучи не были различнаго рода? Если же вѣра должествовала шествовать съ высоты на высоту, отъ славы въ славу: то и побѣды ея должны были искупиться трудовою цѣною изнуренія, страданія, мученія и самой смерти. Но разсмотри также, каково и вознагражденіе. Жертвуя всѣмъ тѣмъ, что для насъ всего дороже, тѣломъ и душою, изъ которыхъ первое есть дѣло рукъ Божіихъ, второе вдуновеніе Создателя, человѣкъ кладетъ только капиталъ свой въ кассу, чтобы получать проценты на проценты, истрачиваетъ, чтобы приобрѣсть болѣе и болѣе: какова цѣна, такова и награда. Богъ предвидѣлъ заранѣе, что среди испытаній человѣческой брѣнности, нападеній врага, сѣтей міра и искушеній всякаго рода, вѣра, вышедши изъ купели возрожденія, подвержена будетъ величайшимъ опасностямъ. Сколько несчастныхъ могло бы погибнуть по полученіи уже спасенія! Сколько гостей въ оскверненныхъ ризахъ могло бы явиться на брачный пиръ! Сколько нерадивыхъ могло бы забыть возжечь свои свѣтильники! Сколько заблуждашихъ овецъ надлежало бы отыскивать по долинамъ, горамъ и дебрямъ, и приносить на раменахъ! Для сего-то Богъ приблизилъ къ намъ, какъ сугубую надежду и послѣднее убѣжище, борьбу мученичества, уготовалъ намъ кровавую баню, обезпеченную

со стороны безопасности, баню, блаженство которой Псалмопѣвецъ воспѣваетъ такъ: *блаженн, ихъ же оставишася беззаконіа, и ихъ же прикрывшася грѣси. Блаженъ мужъ, ему же не вѣмнитъ Господь грѣха* (Псал. XXXI. 1 и 2). Дѣйствительно въ чемъ можно обвинить мучениковъ, положившихъ самую жизнь свою въ сей очистительной банѣ? По прикрытіи множества грѣховъ, душа ихъ, любя Бога всѣми силами своими, которыя употребляетъ въ борьбѣ мученичества, предаетъ себя добровольно за Бога: любовь именно и составляетъ мученичество. Врачевства, совѣты, суды, зрѣлища: не уже ли все это кажется тебѣ и теперь жестокостію Создателя моего? Не уже ли Богъ алчетъ крови человѣческой? Алчетъ, могу я отвѣчать съ увѣренностію, если человѣкъ алчетъ царствія Божія, если человѣкъ алчетъ спасенія, не подверженнаго никакой опасности, если человѣкъ алчетъ вторичнаго возрожденія. Нельзя никому завидовать въ возмездіи, гдѣ мѣра награды и казни одинакова для всѣхъ.

УИ. Пусть скорпіонъ ереси еще попытается метать свои стрѣлы, пусть еще вопіетъ, что Богъ чело-
вѣкоубійца. Я съ ужасомъ отражу ядоносное дыха-
ніе богохульства сектатора; но тѣмъ не менѣе, осно-
вываясь на свидѣтельствѣ самаго даже разума, не от-
кажусь отъ Бога, который подъ именемъ премудрости
устаи Соломона объявилъ Себя болѣе, нежели какъ бы
человѣкоубійцею: *закла премудрость, говоритъ Онъ, своя
жертвенная (чадь своихъ)* (Притч. Сол. IX. 2). О за-
кланіе, исполненное премудрости, поражающее чадъ
ея для жизни; закланіе, исполненное разума, вводя-
щее ихъ въ обладаніе славою! О прелестное дѣто-
убійство, мнимое преступленіе, совершаемое съ неслы-
ханнымъ искусствомъ! О святая жестокость, закалаю-
щая для того, чтобы жертва никогда не умерла!

Что же послѣ сего слѣдуетъ? *Премудрость во исходѣхъ поется*. Да и въ самомъ дѣлѣ не поются ли въѣ (во исходѣхъ) гимны и въ честь мучениковъ? *Премудрость въ стогахъ дерзновение водитъ*; ибо за-калаетъ чадъ своихъ единственно для ихъ счастія. *На краяхъ степи проповѣдуется* (Тамъ же I. 20 и 21), какъ-то, въ то время, когда по словамъ *Исаи* она вызываетъ: *Азъ есмь Господень, Азъ Иаковль, Азъ Израилевъ*. О добрая мать! Какъ бы я желалъ считаться между чадами ея, чтобы быть отъ нея закланнымъ! За чѣмъ не могу я быть закланъ, чтобы сдѣлаться чадомъ ея! Но довольствуется ли она однимъ закланіемъ, не требуетъ ли также и мученія чадъ своихъ? Я слышу, какъ Богъ нѣгдѣ говорить: *очищу ихъ, яко сребро, и испытаю, яко злато*:—очиститъ и испытаетъ безъ сомнѣнія въ горнилѣ казней и терзаній мученичества, которыя суть какъ бы пробный камень вѣры. Апостолъ также не вѣдалъ, о какомъ Богѣ проповѣдывалъ, когда сказалъ: *уже убо Своего Сына не пощадъ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Римл. VIII. 32)? Ты видишь самъ: божественная премудрость заклала собственнаго Сына, Сына своего первороднаго, единственнаго, дабы Онъ жилъ, или лучше сказать дабы привести къ жизни всѣхъ человѣковъ. А какъ премудрость есть самъ Христосъ, предавшій Себя за грѣхи наши: то я могу прямо сказать, что Премудрость сама себя заклала. Слова заключаютъ въ себѣ двѣ вещи: звукъ и смыслъ: не довольно того, чтобы тѣлесное ухо ихъ слышало; надобно, чтобъ и духовное ухо ихъ проникало. Кто не понимаетъ дѣйствій Божіихъ, тотъ вопіетъ противъ жестокости. Но мы можемъ какъ угодно ихъ не понимать; а священные тексты дѣло свое дѣлаютъ, и дерзость сужденій оста-

навливаютъ. Кто бо разумъ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть, или кто прежде даде Ему (Римл. XI. 34), кто открылъ Ему путь разумнѣя?

Между тѣмъ міръ для укрощенія гнѣва боговъ своихъ, вздревле приносилъ имъ человѣческія жертвы, какъ то: Скиѣы Діапѣ, Галлы Меркурію, Африканцы Сатурну. Даже и въ наше время Латіумъ (Римъ) всѣ площади города окропляетъ кровію человѣческою въ честь своего Юпитера. Жалуются ли кто на это? Не говоритъ ли все собраніе, что тутъ скрывается нѣчто тайное, или что воля боговъ непостижима? Если бы нашъ Богъ потребовалъ Себѣ мученическихъ жертвъ и приношеній: то кто бы сталъ упрекать Его въ гибельной Религіи, въ плачевныхъ обрядахъ, въ олтаряхъ, обращенныхъ въ костры, и во множествѣ жрецовъ, трупами окруженныхъ? Не счелъ ли бы себя напротивъ того каждый счастливымъ, что самъ можетъ послужить Богу пищею?

VIII. Я останавливаюсь на одномъ предметѣ, и ограничиваюсь только розысканіемъ того, предписано ли отъ Бога мученичество, дабы ты увѣрился въ мудрости предписанія, если сознаешься, что оно дѣйствительно есть предписаніе Божіе; ибо Богъ ничего не предписываетъ безъ мудрости. *Честна предъ Богомъ смерть преподобныхъ Его* (Псал. CXV. 6). Такъ воспѣлъ Псалмопѣвецъ. Не думаю, чтобъ онъ разумѣлъ тутъ смерть обыкновенную, общую даю, которой всѣ мы подвержены, а еще менѣе смерть позорную, заклеяменную нечестіемъ и праведнымъ осужденіемъ, но вѣрно смерть, пренебрегаемую ради засвидѣтельствованія Религіи, славную борьбу, гдѣ мученикъ жертвуетъ собою, чтобы пребыть вѣрнымъ правдѣ и клятвѣ своей, такую борьбу, какую *Исаія* описалъ: *видите, како праведный погибъ, и никто же*

не приѣмлетъ сердцемъ; мужіе праведніи возмѣются, и никто же разумѣетъ; отъ лица бо неправды взяся праведный; будетъ съ миромъ погребеніе его (Исаиѣ LVII. 1 и 2). Здѣсь все заключается: и возвышеніе о мученикахъ, и ихъ награда.

Съ самаго начала всегда правда подвержена была насмѣлю. Какъ скоро люди начали чтить Бога, Религія сдѣлалась предметомъ зависти. Кто былъ благоугоденъ Богу, тотъ былъ убитъ, и убитъ братомъ своимъ. Нечестіе, поспѣвая къ челоуѣкоубійству, сперва пролило собственную кровь. Праведники погибли: почему и Пророкамъ не погибнуть? *Давидъ* спасается бѣгствомъ. *Илія* сохраняетъ жизнь свою потому только, что скрылся. *Іеремія* побить камнемъ. *Исаія* претрентъ пилою. *Захарія* умерщвленъ между притворомъ и олтаремъ, оставивъ на камнѣ неизгладимый знакъ пролитой имъ крови. Самъ Предтеча, заключившій законъ и Пророковъ, челоуѣкъ, бывший болѣе Пророка, наименовавшій Ангеломъ, былъ позорнымъ образомъ обезглавленъ въ награду безстудія. Во всѣ времена люди, одушевляемые Духомъ Божіимъ, охотно позволяли Ему вести себя на мукѣ, дабы примѣромъ своимъ оправдать свое ученіе. Когда цѣлый городъ (Вавилонъ) изъ слѣпаго повиновенія спѣшилъ поклониться истукану царя своего, три плѣнные отрока Израильскіе не позабыли, чего требовала отъ нихъ вѣра, умѣющая быть свободною въ самыхъ цѣпяхъ, умѣющая бороться съ идолопоклонствомъ. Они помнили то, что *Іеремія* написалъ о семъ плѣненіи: *Нынѣ узрите въ Вавилонъ боги сребряны и златы и каменны и древяны на раменахъ носимы, показующыя страхъ языкомъ. Блюдитесь убо, да не и вы мноплеменникомъ уподобитесь, и страхъ приѣмлетъ васъ отъ нихъ, видѣвше народъ напредѣ и созиди кланяюща*

*имъ. Рыцѣте убо во умъ: тебѣ льпо есть кланятися, Владыко (Посл. Іерем. 4 и 5). Посему-то отроки, отразивъ мужественно угрозы царя, отвѣчали ему съ увѣренностію, Богомъ имъ внушенною: не требъ намъ о глаголь сѣмъ отвѣщати тебѣ. Есть бо Богъ нашъ на небесъхъ, Ему же мы служимъ, силенъ изъяти насъ отъ пещи, огнемъ горящія, и отъ руку твою избавити насъ, царю. Аще ли ни, вѣдомо да будетъ тебѣ, яко богомъ твоимъ не служимъ, и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся (Дан. III. 16 — 18). О вѣнецъ мученичества, хотя и не кроваваго! Они довольно страдали, довольно сгорали отъ огня. Богъ для засвидѣтельствванія того, что ихъ довѣріе не было тщетно, удостоилъ ихъ Своего покровя. Посмотрите также и на *Даніила*. Онъ покланялся только истинному Богу. Халдеи негодуютъ, клеветуютъ на него, и предають его въ сѣдъ хищнымъ звѣрямъ. Сварѣные львы, къ которымъ спущенъ былъ плѣнникъ, конечно бы не пощадили его, если бы не оправдались возвышенныя чувства *Дарія* о божествѣ.*

Впрочемъ каждому Пророку, каждому служителю Божиюму, принуждаемому къ идолопоклонству, и не повинующемуся, надлежало непремѣнно пройти сквозь горнило скорбей. Не требовала ли самая справедливость, чтобъ эти великодушные мужи для большаго удостовѣренія современниковъ или потомковъ своихъ въ проповѣдуемой ими истинѣ, запечатлѣвали ее своею кровію и смертію? Да и кто согласился бы умереть, если бы не былъ увѣренъ, что умираетъ за истину? Такимъ образомъ не должно нисколько сомнѣваться: предписанія, примѣры, древность, все доказываетъ, что мученичество есть долгъ и залогъ вѣры.

IX. Чтобы лишить древность таинственного значенія, остается только постановить, будто Христіанство

есть новость, введенная чуждымъ Богомъ, не имѣющая никакой связи съ первымъ закономъ, такая новость, гдѣ Премудрость не умѣетъ закалать чадъ своихъ. «Божество, говорятъ еретики, имѣетъ совсѣмъ другое «свойство во Христѣ: воля и ученіе Его также отличны. У Него нѣтъ мученичества, или Онъ хотѣлъ, «чтобъ оно понимаемо было иначе. Это такъ справедливо, что Онъ никогда своихъ слушателей не увѣщавалъ пренебрегать сею опасностію. Онъ не обѣщаетъ возмездія за эти страданія, потому что и страданій сихъ не желаетъ.»

Для сего-то видно Христосъ и проповѣдь Свою началъ между прочимъ слѣдующимъ изреченіемъ: *блаженни изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное.* Слова эти безъ сомнѣнія относятся ко всѣмъ вообще людямъ. Потомъ, обращаясь какъ бы особенно къ Своимъ Апостоламъ, Онъ говорить: *блаженни есте, егда попосятъ вамъ и издекутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ: тако бо изгнаша Пророки, иже (бѣша) прежде васъ* (Матѳ. V. 10—12). Не значило ли это предсказать имъ, что они закланы будутъ по примѣру Пророковъ?

Положимъ впрочемъ, что это условное гоненіе касалось только однихъ Апостоловъ. Но когда Апостолы передали намъ вполнѣ исповѣданіе вѣры, когда они распространили имя христіанское, сообщили дары Духа Святаго, когда они суть наслѣдственные ученики и составляютъ прямыя отрасли Апостольскаго сѣмени: то мы связаны тѣмъ же самымъ закономъ, какимъ были связаны и Апостолы. Они были мученики: должны и мы быть мучениками. Иисусъ-Христосъ въ другомъ мѣстѣ сказалъ имъ: *се Азъ посылаю васъ, яко овцы посреди волковъ: будите убо мудри,*

яко змїа, и цѣли, яко голубїе. Внемлите же отъ чело-
вѣкъ; предадутъ бо вы на сонмы, и на соборищахъ ихъ
бїютъ васъ. И предъ владыки же и цари ведени будете
Мене ради, во свидѣтельство имъ и языкомъ. Когда же
прибавляетъ Онъ: предастъ братъ брата на смерть и
отецъ чадо, и востанутъ чада на родители и убїютъ
ихъ: то явно, что Онъ другимъ людямъ, а не Апо-
столамъ, назначилъ испытать это нечестїе, которому
Апостолы не подвергались. Ни одинъ изъ нихъ не
былъ преданъ ни отцемъ, ни сынѣмъ, какъ-то съ
нами случается. Иисусъ—Христосъ обращается потомъ
опять къ Апостоламъ: и будете ненавидими всѣмъ име-
не Моего ради, тѣмъ же болѣе ненавидимы будемъ мы,
долженствуя преданными быть отъ родныхъ нашихъ.
Такимъ образомъ смѣшивая постановленїя, касавшіяся
то до Апостоловъ, то до каждаго изъ вѣрующихъ, Онъ
для всѣхъ тѣхъ, въ комъ имя Его пребываетъ, какъ
въ святѣнницѣ, утвердилъ всеобщій законъ исповѣды-
вать имя Его даже до смерти: претерпѣвый до конца,
той спасенъ будетъ. Претерпѣть; но какія страданїя?
Гоненїе, измѣну, закланїе. Претерпѣть значитъ устоять
до конца. Потомъ прибавляетъ Онъ тутъ же: нїсть
ученикъ надъ учителя своего, ниже рабъ надъ господина
своего. Причина тому ясна. Когда Учитель и Господь
подвергся гоненїю, измѣнѣ, закланїю; то тѣмъ паче
служители и ученики должны испытать ту же участь,
дабы не были они сочтены какого либо высшаго
естества, если освободятся отъ скорби нечестїя, а
особливо когда довольно для славы ихъ и того, что
съ ними поступлено будетъ такъ, какъ съ ихъ Учите-
лемъ и Господомъ, который поощряетъ ихъ къ тер-
пѣнїю еще слѣдующими словами: не убойтесь отъ уби-
вающихъ тѣло, души же не могущихъ убить; убойтесь
же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ. Кто

суть тѣ, которые могутъ убить только тѣло, какъ не вышепомянутые владыки и цари? Это вѣроятно люди. Но кто верховный владыка души, какъ не Богъ? Кто можетъ угрожать намъ мстительнымъ огнемъ геенны, какъ не Богъ же, *безъ воли котораго ни едина отъ сихъ (птицъ), падетъ на земли, то есть ни одна изъ существей челоуѣка, ни тѣло ни душа? Вамъ и власи главнѣи вси изочтени суть: не убойтесе же, потому что Онъ къ тому присовокупляетъ: мнозыхъ птицъ лучши есте вы.* Это значитъ обѣщать намъ, что мы не вотще и не безъ пользы падемъ на земли, когда возлюбимъ быть закланы лучше отъ людей, нежели отъ Бога. *Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ челоуѣки, исповѣтъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ. А иже отвержется Мене предъ челоуѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ* (Мат. X. 16-18, 21, 22, 24, 28, 29, 30, 31, 32 и 33).

Здѣсь по крайней мѣрѣ все кажется ясно въ отношеніи какъ къ опредѣленію исповѣданія вѣры, такъ и къ отреченію отъ нея. Челоуѣкъ, преданный Христіанству, признаетъ себя за ученика Христова. Кто принадлежитъ Иисусу-Христу, тотъ въ Немъ и пребываетъ. Христосъ въ немъ находится, и онъ во Христѣ. Слѣдовательно кто исповѣдуетъ или отвергаетъ, что онъ Христіанинъ, тотъ уже исповѣдуетъ или отвергаетъ Самаго Христа, въ немъ сущаго. За симъ напрасно станешь ты говорить: «хотя я и отвергся, что я Христіанинъ, но Христомъ не буду отверженъ, потому что лично я Его не отвергся.» Отверженіе вѣры твоей тѣмъ не менѣе будетъ злочестиво; ибо отрекаясь быть Христіаниномъ, то есть, отрекаясь отъ Христа, въ тебѣ сущаго, ты отрекаешься собственно и отъ Него. Но этого еще мало. Онъ платитъ презрѣніемъ за презрѣніе. *Иже аще, говоритъ Онъ, по-*

стыдится Мене предъ лицомъ челоуковъ, постыжуся его и Азъ предъ лицомъ Отца Моего, иже на небесахъ. Отступничество есть чаша стыда. Лице или чело есть какъ бы святилище души. Благоговѣніе къ Богу умираетъ внутри прежде, нежели вышность ослабѣетъ.

Х. Но думать съ нѣкоторыми людьми, что не здѣсь, то есть, не въ предѣлахъ сего міра, не въ теченіи настоящей жизни, не предъ лицомъ людей всякаго рода, надлежитъ исповѣдывать вѣру: думать такъ значитъ порицать божественное домостроительство обо всѣхъ вещахъ, какія должны мы испытать въ продолженіе здѣшней нашей жизни и подъ державою властей міра сего. Чего добраго? Души можетъ быть, оставя тѣло и прошедши всѣ небесныя мытарства, подвергшись изслѣдованію качества заслугъ своихъ для узнанія, въ какихъ обителяхъ имъ жить, и будучи спрошены на счетъ таинственныхъ врачевствъ ереси, должны можетъ быть будутъ засвидѣтельствовать вѣру свою предъ какими либо высшими силами, предъ лицомъ истинныхъ людей, можетъ быть предъ Валентиновыми Телетами, Акипетами и Абаскантами (*).

«Что касается до людей, между которыми мы живемъ, прибавляютъ еретики: то самъ Деміургъ нашъ «считаетъ ихъ не заслуживающими сего имени. Что «они суть въ его глазахъ? Капля воды, падающая въ «сосудъ, прахъ, вѣтромъ возметаемый, не иное что, «какъ уничтоженіе и ничтожество. Онъ уподобляетъ «ихъ иногда животнымъ, лишеннымъ разума.»

Я согласенъ, что такъ отзывается о людяхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и св. Писаніе; но подаетъ ли это вамъ поводъ заключать, что есть другіе люди, кромѣ насъ? Мы существуемъ. Стало быть Писаніе могло

(*) Абаскантовъ въ числѣ Валентиновыхъ боговъ нѣтъ. Это слово греческое, означаетъ амулетку, употреблено видно въ насмѣшку.

сравнивать насъ съ тѣмъ, съ чѣмъ считало за приличіе, уважая однакожъ собственность и единство нашего рода. Изъ того, что жизнь наша сдѣлалась развращенною, изъ того, что, будучи признана достойною презрѣнія, сравнена она съ презрѣнными вещами, не слѣдуетъ еще, чтобъ естество наше до того измѣнилось, что заслуживаетъ получить другое наименованіе. Скажу еще болѣе. Человѣку сохраняется цѣлость естества его даже и въ то время, когда безпорядки его порицаются; да и Христосъ не знаетъ иныхъ людей, кромѣ тѣхъ, о которыхъ говоритъ: *кого Мѧ глаголютъ чловѣцы быти, Сына чловѣческаго* (Мате. XVI. 13)? *Яко же хотите, да творятъ вамъ чловѣцы, и вы творите имъ такожде* (Луки VI. 31). Отвѣтствуйте! Сохранилъ ли Христосъ естество тѣхъ, свидѣтельства которыхъ требовалъ, и на которыхъ изрекъ правосудный приговоръ? Если спрошу я у ереси, гдѣ мнимые ея небесные люди: то легче Аратъ (греческій поэтъ) можетъ указать мнѣ Персея, Цефею, Эригону и Ариадну, превращенныхъ въ созвѣздія.—Кто бы воспрепятствовалъ Господу предувѣдомить меня чисто и ясно, что люди должны исповѣдывать вѣру свою только тамъ, гдѣ Онъ явно назначилъ быть собственному будущему Своему исповѣданію и прославленію, если бы на то была Его воля? Почему не сказалъ Онъ прямо: кто исповѣдаетъ Меня передъ людьми на небесахъ, того и Я исповѣдаю передъ Отцемъ Моимъ на небесахъ? Если Онъ хотѣлъ говорить объ исповѣданіи предъ лицомъ неба: то неминуемо долженъ бы былъ устранить отъ меня всякое недоумѣніе объ исповѣданіи на землѣ, которое будто бы было Ему не угодно; ибо я не знаю другихъ людей, кромѣ жителей земли, а сверхъ того никто еще не видалъ чловѣка на небѣ. Впрочемъ какъ повѣрить, что поднявшійся высрь по из-

шествіи отъ сей жизни, подвергнусь я испытанію тамъ, куда не могу допущенъ быть, не бывши испытанъ, и что во второй разъ буду допрашиваемъ и истязуемъ тамъ, куда не могу войти иначе, какъ въ качествѣ избраннаго? Небо открыто для Христіанина прежде, нежели онъ вступитъ въ путь къ небу, потому что путь сей доступенъ только для того, для кого открыто небо. Къ нему достигнуть значитъ войти въ него.

«Ты возражаешь: не думаю ли я согласно съ Римскимъ суевѣріемъ учредить Янусовъ, Форкуловъ, Ламентинъ, и ввести другіе смѣшные призраки для «охраненія дверей неба?»

Если ты когда нибудь читалъ у *Давида* царя: *возмися (откройся) врата въшая, и увидетъ царь славы* (Псал. XXIII. 9); если ты когда нибудь слышалъ, какъ Пророкъ *Амосъ* восклицаетъ: *сотворяй на небо восходъ Свой, призывай воду морскую и проливай ю на лице земли: Господь Богъ имя Ему* (Ам. IX. 6): то вѣдай, что восходъ сей проложенъ уже для насъ стопами Господа нашего, и что дверь намъ открыта торжествомъ Христовымъ. Нѣтъ уже испытаній, которымъ надлежало бы подвергнуться. Дѣло идетъ уже не о судѣ, а о признаніи, не о допросѣ, а о припятии.

«Но небо, говоришь ты, и донинѣ закрыто.»

Вспомни, что Господь здѣсь еще вручилъ ключи къ небу Апостолу *Петру*, а въ лицѣ его и Церкви. Кто будетъ на землѣ допрошенъ и исповѣдаетъ вѣру свою, тотъ ихъ получитъ. Сатана утверждаетъ, что исповѣданіе наше будетъ происходить на небѣ, дабы убѣдить насъ отречься здѣсь отъ вѣры. Подлинно преполозное наставленіе для моего судіи! Это будутъ превосходные ключи, какіе принесу я съ собою, являсь къ Богу со страхомъ и боязнію отъ тѣхъ людей, ко-

торые *убиваютъ тѣло, души же не могутъ убить!* Чудесное поощреніе къ нарушенію правила вѣры! Я славлю воспротивлюсь на небѣ, послѣ того какъ не могъ воспротивиться на землѣ; легко перенесу грозный взоръ вышнихъ силъ, послѣ того какъ трепеталъ отъ взгляда силъ низшихъ; наконецъ буду непремѣнно принятъ, послѣ того какъ уже исключенъ.

Остается тебѣ сказать рѣшительно, что надобно каждому быть здѣсь отступникомъ, потому что исповѣданіе вѣры ожидаетъ насъ на небѣ. Гдѣ находится одна изъ двухъ вещей, тамъ встрѣчается и пѣлое. Всѣ противности идутъ одинаково. Изъ сего слѣдуетъ, что на небѣ должно существовать и гоненіе, потому что гоненіе есть неизбѣжный элементъ всякаго исповѣданія, равно какъ и всякой противности. О ты, дерзновеннѣйшій изъ еретиковъ! За чѣмъ еще колеблешься? За чѣмъ не переносишь въ небесные предѣлы гоненія на Христіанъ? За чѣмъ ненависть, насъ преслѣдующую, не помѣщаешь у того престола, гдѣ Христосъ возсѣлитъ одесную Отца Своего? Всего лучше учреди тамъ же на небѣ и Иудейскую синагогу, которая покусилась первая объявить войну Апостоламъ и ихъ бичевать; приведи туда также народы, вопіющіе въ своемъ амфитеатрѣ: доколы существуетъ это третіе поколѣніе? Намъ нужно имѣть побольше братьевъ, отцевъ, сыновъ, тещей, невѣстокъ и даже служителей, которые бы насъ предавали, какъ то предсказали Пророки. Все ли тутъ? Пусть еще предстанутъ цари, владыки, вооруженныя силы, передъ которыми будемъ мы защищать свое дѣло. Устрой сверхъ того на небѣ мрачную темницу, въ которую бы не проникали солнечныя лучи, а еслибъ и проникали, то не освѣщали бы ее. Обрати въ оковы земные поясы и ось міра въ станокъ.—Надобно ли

побить камнемъ Христіанина? Градъ ожидаетъ только твоихъ повелѣній. Сожечь его? Громъ въ твоихъ рукахъ. Заклатъ? Оріонъ простираетъ уже грозныя свои мышцы. Предать въ снѣдь хищнымъ звѣрямъ? Сѣверъ спускаетъ двухъ своихъ Медвѣдицъ, зодіакъ своихъ Волковъ и Львовъ.

Претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. Такимъ образомъ конецъ, закланіе, страсти, исповѣданіе вѣры: все это совершится на небѣ. Гдѣ же будетъ плоть, присутствіе которой необходимо для столь многоразличныхъ подвиговъ? Гдѣ будетъ тѣло, которое одно можетъ убито быть руками человѣческими? Таково должно быть заключеніе здраваго ума, хотя бы онъ забавлялся даже и пронию; ибо желать гоненія значить тоже, что соединять съ нимъ всю неизбѣжную его свиту, дабы мученичество могло служить свидѣтельствомъ вѣры. Дѣйствительно исповѣданіе произтекаетъ отъ гоненія, а гоненіе совершается чрезъ исповѣданіе. Здѣсь на землѣ ненависть вооружается противъ имени Христіанскаго, здѣсь на землѣ остервеняется гоненіе, здѣсь на землѣ измѣна насъ предаетъ, допросы принуждаютъ богохульствовать, палачи свирѣпствуютъ. Каждое изъ сихъ дѣяній относится и къ исповѣданію и къ отступничеству. Если все прочее происходитъ здѣсь на землѣ: то въ другомъ мѣстѣ исповѣданія нѣтъ. Если исповѣданіе бываетъ въ другомъ мѣстѣ: то что дѣлаетъ все прочее здѣсь на землѣ? Но на небѣ ничего подобнаго быть не можетъ. Слѣдовательно на небѣ нѣтъ исповѣданія.

Если ересь мечтаетъ, что на небѣ допросы и исповѣданіе происходятъ впаще, нежели на землѣ, то она должна опредѣлить различныя къ тому приемы, которые бы не имѣли ничего общаго съ подвигами, обозначенными въ св. Писаніи. Мы съ своей стороны

могли бы на сей счетъ сказать ей слѣдующее: это точно твое дѣло, лишь бы только допросы и исповѣданія здѣсь на землѣ, протекующія изъ элементовъ гоненія, сохранили въ точности качество своихъ напимованій, такъ чтобы можно было вѣровать, какъ написаю, и понимать, какъ повелѣно. Что до меня касается: то я все сіе домостроительство ограждаю авторитетомъ самаго Господа, который означенному исповѣданію не опредѣлилъ другаго мѣста, кромѣ земли. Объяснивъ то, что отпосится къ исповѣданію и отступничеству, за чѣмъ потомъ сказалъ Онъ: *не мните, яко приидохъ воверещи миръ на землю: не приидохъ воверещи миръ, но мечъ. Приидохъ бо разлучити чловѣка на отца своего, и дщерь на мать свою, и невестку на свекровь свою; и врази чловѣку домашній его* (Матѣ. X. 34—36)? Тогда дѣйствительно можетъ происходить, что *предастъ братъ брата на смерть и отецъ чадо, и встанутъ чада на родители и убіютъ ихъ; претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Тамъ же X. 21 и 22). Это такъ справедливо, что сей мечъ Господній, посланный на землю, а не на небо, опредѣляетъ именно землю мѣстомъ подвижничества для исповѣданія, которое претерпѣвши до конца, должно подвергнуться смерти.

XI. Мы такимъ же образомъ докажемъ, что все прочее приспособляется равномѣрно къ мученичеству. *Иже любитъ жизнь свою паче Мене, несть Мене достоинъ*, то есть, недостойнъ тотъ Христіанинъ, который пожелаетъ лучше жить, отвергнуши Меня, нежели умереть, исповѣдавъ Меня. *Обрѣтый душу свою, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю*. Стало быть Христіанинъ можетъ сохранить жизнь свою, когда будетъ стараться искупить ее отступничествомъ; но онъ погубитъ въ адѣ эту жизнь,

которую думалъ отступничествомъ приобрести. Мученикъ, умирающій во исповѣданіи вѣры, теряя временную жизнь, обрящетъ жизнь вѣчную. Судии и Игемоны, чтобы принудить насъ къ клятвопреступничеству, говорятъ намъ: спасите жизнь свою, не губите себя. Но слова Христовы не могутъ быть иныя, какъ сообразныя съ участію Христіанина.

Егда предають вы, и предъ владыки и цари ведени будете, не пещитесь, како или что возмалаете. Тутъ Иисусъ-Христосъ даетъ служителямъ Своимъ наставленіе, и увѣдомляетъ ихъ, что Духъ Святый устами ихъ отвѣчать будетъ. Велитъ ли Онъ намъ посѣтить брата нашего въ темницѣ? Этотъ братъ, о которомъ велитъ Онъ пещись, есть исповѣдникъ. Утверждаетъ ли Онъ, что Богъ отмститъ за избранныхъ Своихъ? Это относится къ мести за страданія мученика, Имъ утѣшаемаго. Что значить также притча о сѣмени, изсохшемъ на неплодной землѣ, какъ не жестокость гоненія? Если изъ всего, въ притчахъ сказуемаго, не должно ничего принимать въ естественномъ смыслѣ: то слова, въ нихъ содержащіяся, безъ сомнѣнія скрываютъ какое либо таинство, и заключаютъ въ себѣ одну вещь, тогда какъ смыслъ ихъ относится къ другой вещи, подобно какъ это бываетъ въ аллегоріи, въ притчѣ или въ гаданіи.

Какими бы суетными умствованіями ни тщеславились наши Скорпіоны, каковы бы ни были стрѣлы, которыми они производятъ раны, я желаю, чтобы мнѣ представлено было одно только доказательство. Мы ссылаемся на самыя происшествія. Согласны ли они буквально съ священнымъ Писаніемъ? Писаніе конечно хотѣло обозначить совѣтъ другую вещь, когда этихъ происшествій въ немъ нѣтъ. Что написано, то неминуемо должно произойти. Стало

быть что написано, то произойдетъ, если между тѣмъ не произойдетъ что либо другое. Но вотъ всѣ люди возненавидѣли насъ по причинѣ нашего имени, какъ написано; ближніе предають насъ, какъ написано; насъ ведутъ на судъ ко властямъ, допрашиваютъ, мучать и закаляютъ, какъ написано. Господь объявилъ о томъ точно также. Если бы объявилъ Онъ иначе, не въ томъ смыслѣ: то почему происшествія не исполняются иначе, то есть, исполняются не такъ, какъ по мнѣнію еретиковъ Онъ объявилъ? Но нѣтъ! Они исполняются именно такъ, какъ Онъ объявилъ; а объявилъ Онъ такъ, какъ они исполняются; ибо имъ нельзя бы было исполняться иначе, нежели какъ Онъ объявилъ, да и Самъ Онъ не объявилъ бы ихъ иначе, нежели какъ желалъ, чтобъ они исполнялись. Такимъ образомъ св. Писаніе обозначаетъ только то, о чемъ гласятъ происшествія. Если же предсказанныя происшествія не исполняются: то какимъ образомъ исполнятся происшествія не предсказанныя? Исполняющіяся происшествія были бы не предсказаны, если бы предсказаніе и происшествія находились въ противорѣчій. Но теперь, когда происшествія согласуются съ словами и слова съ происшествіями, еретики хотятъ насъ увѣрить, что слова имѣютъ совсѣмъ другой смыслъ. Что же бы произошло, если бы происшествія пріяли иное направленіе? Отвергнуть происшествія и принять гаданія, значило бы опровергнуть вѣру.—На столь жалкое смѣшеніе понятій я отвѣтствую, что если происшествія, исполняющіяся согласно тому, какъ написано, не тѣ самыя, какія возвыщаетъ предсказаніе: то надобно исключить тѣ происшествія, которыя не должны исполниться согласно тому, какъ написано, дабы они не подверглись той же участи, какъ и первыя. Когда происшествія и слова находятся въ

противорѣчіи: то происшествія могутъ показаться не предсказанными, если предсказаны иначе, нежели какъ должны исполниться. Какъ не отказаться отъ вѣры въ предсказанія, изболнчаемыя во лжи происшествіями? Стало быть еретики, вѣрющіе предсказаніямъ, происшествіями не оправдываемымъ, вѣрятъ тому, что не предсказано.

ХП. За симъ кто лучше въ состояніи понимать внутрѣнній смыслъ св. Писанія, какъ не школа Сааго Иисуса-Христа, какъ не ученики, избранные Господомъ для преподаванія намъ всякаго рода познаній, ученики, которыхъ Онъ поставилъ нашими учителями и наставниками во всемъ? Кому удобнѣе могъ Онъ открыть истинный смыслъ словъ Своихъ, какъ не тѣмъ, которые были свидѣтелями славы Его во время прѣображенія, то есть, *Петру, Іоанну, Іакову*, а потомъ и *Павлу*, котораго восхитилъ до третьяго неба прежде еще мученичества его? Божественные мужи сіи могли ли писать что либо иначе, нежели какъ чувствовали, писать одно, а мыслить другое, могли ли быть Апостолами лжи, а не истины? Апостолъ *Петръ* говоритъ избраннымъ пришельцамъ Понта такъ: *каля похваля, аще соирѣшающе мучими терпите? Но аще добро творяще и страждуще, терпите, сіе угодно предъ Богомъ. На сіе бо и звани бысте, зане и Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его.*—Также въ другомъ мѣстѣ: *возлюбленіи, не дивитесь ежє въ васъ разжеденію ко искушенію вамъ бываему, яко чужду вамъ случающуся. Но понеже пріобщаетеся Христовымъ страстямъ, радуйтєся, яко да и въ явленіє славы Его возрадуетея веселящєся. Аще укорєнеи бываєте о имени Христовѣ, блаженїе есте, яко славы и Божїй духъ на васъ почиваетъ: онѣмїи убо хулїтєся, а вами прославляетєся. Да не кто убо*

отъ васъ постраждетъ, яко убійца, или яко тать, или яко злодѣй или яко чуждопопытитель: аще ли же яко Христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей (1 Петр. II. 20 и 21, IV. 12-16). —Послушаемъ равномѣрно Іоанна Богослова: мы должны есмы, говоритъ онъ, по братіи души полагати. . . Страха нѣсть въ любви; но совершенна любви вонъ изгоняетъ страхъ, яко страхъ муку имать: бояйся же, не совершися въ любви (1 Іоан. III. 16, IV. 18).

Какой тутъ предлежитъ намъ страхъ, какъ не страхъ, внушающій отступничество? Какая на священномъ языкѣ быть можетъ совершенная любовь, какъ не любовь, разсѣвающая страхъ и поддерживающая мужество исповѣдника? Какими ужасами долженъ наказанъ быть страхъ, какъ не ужасами, имѣющими объять клятвопреступника, который погибнетъ съ тѣломъ и душою въ адскомъ пламени? *Умирай за братію*, говоритъ намъ Апостолъ, а колыми паче за Іисуса—Христа. Апокалипсисъ слишкомъ хорошо приготовилъ его къ подобнымъ совѣтамъ. Тамъ Духъ Святый Ангелу Смирнской церкви написалъ: *се имать діаволъ всаждати отъ васъ въ темницы, да искушаетеся, и имъти будете скорбь до десяти дней. Буди въренъ даже до смерти, и дамъ ти вѣнецъ живота* (Апок. II. 10 и слѣд). Такое же увѣщаніе сдѣлано Ангелу Пергамскому, когда свидѣтель вѣрный Антипатръ убіенъ бысть тамъ, идѣже живетъ сатана. Такое же увѣщаніе дано и Ангелу Филадельфійскому, котораго Господь соблюдетъ отъ години искушенія, хотящія прійти на всю вселенную, за то, что онъ соблюлъ слово Его и не отвергся имени Его. Каждому побѣдоносцу обѣщана награда: одному ясти отъ древа животнаго, другому не вредитися отъ смерти вторыя, третьему вкушати отъ манны сокровенныя, и имѣти камень бѣлъ и на ка-

мени имя ново написано, его же никто же вѣсть, токмо пріемляй. Иной получаетъ жезлъ жельзный пасти языки и звѣзду утреннюю. Сей облечется въ ризы бѣлыя, и имя его не изгладится отъ книгъ животныхъ. Тотъ будетъ столпомъ въ церкви Божіей, и напишется на немъ имя Бога и имя града Божія новаго Іерусалима. Этому дастся състи съ Господомъ на Престолѣ Его.—Кто же суть блаженные сіи побѣдоносцы, какъ собственно не мученики? Кто сражается, тотъ побѣждаетъ; кто проливаетъ кровь свою, тотъ сражается. Между тѣмъ души мучениковъ покоются подъ олтаремъ, питаюсь надеждою, что будутъ отмщены, и облекшись въ бѣлыя одежды, выжидаютъ, дондеже скончаются и клеветы ихъ и братія ихъ, имущіи избіени быти, яко же и тѣи. Дѣйствительно се народъ много, его же исцести никто же можетъ, отъ всякаго языка и колѣна, стоятъ предъ престоломъ и предъ Ангеломъ, облечены въ ризы бѣлы и финицы въ рукахъ ихъ. Сіи суть, изже пріидоша отъ скорби великія, и испраша ризы своя и убѣлиша ризы своя въ крови Ангчи. Одежда души есть плоть. Скверны ея омываются крещеніемъ, а пятна убѣляются мученичествомъ. Въ семъ-то смыслѣ и Пророкъ *Исаія* обѣщаетъ, что красное и червленое сдѣлается подобнымъ снѣгу и чистѣйшей волнѣ. Что касается до великаго Вавилона пьянаго по слову Апостола *кровьми святыхъ*: то сомнѣваться не должно, что онъ удовлетворяетъ пьянство свое изъ чаши мученичества; но изъ того также слѣдуетъ, что кто трепещетъ предъ исповѣдничествомъ, тотъ подвергнется наказанію. Кто отступаетъ, тотъ включенъ будетъ въ число отверженныхъ: но что я говорю? тотъ будетъ поставленъ во главѣ ихъ. Страшнымъ и невѣрнымъ, говоритъ св. *Іоаннъ*, имутъ часть свою въ озерѣ горящемъ огнемъ и жупеломъ. Такова казнь, пред-

назначенная страху, который изгоняетъ только любовь, какъ онъ же въ посланіи своемъ пишетъ.

XIII. *Павелъ*, изъ гонителей сдѣлавшійся Апостоломъ, и пролившій первый кровь свою за церковь, промѣнявъ мечъ на перо, желѣзо на плугъ, съ утра вѣніаминъ волкъ хищникъ, а на вечеръ дающій пищу, по словамъ Іакова: *Павелъ*, говорю, съ какимъ жаромъ возноситъ мученичество, котораго и самъ жаждетъ! Послушаемъ, какъ онъ къ Солунянамъ пишетъ: яко самъ мы намъ хвалимся о васъ въ церквахъ Божіихъ, о терпѣніи вашемъ и вѣрѣ, во всѣхъ гоненіихъ вашихъ и скорбехъ, показаніе праведнаго суда Божія, во еже сподобитися вамъ царствія Божія, его же ради и страждете (2 Сол. I. 4 и 5). Тоже самое пишетъ онъ и къ Римлянамъ: Не тобою же, но и хвалимся въ скорбехъ, вѣдая, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ; терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ (Рим. V. 3 и 4). Также въ другомъ мѣстѣ: Аще же чада есмь, то и наследницы, наследницы Богу, снаследницы же Христу; поспѣе съ Нимъ страдаемъ, да и съ Нимъ прославимся. Непию бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славы явитися въ насъ. Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чае (Тамъ же VIII. 17–19). Вотъ почему онъ въ послѣдствіи присовокупляетъ: кто ны разлучитъ отъ любви Божіей? Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ, яко же есть писано: яко тебе ради умерщвляеми есмь весь день, вѣнчаюся яко же овцы заколенія? Но во всѣхъ сихъ претѣснѣваемъ за возлюбшаго ны. Извѣстна бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная тварь кая, возможетъ насъ разлучити отъ любви Божіей, яже о Христѣ Иисусѣ Господѣ на-

шелъ (Рим. VIII. 35-39). Извѣщая Коринянъ о своихъ страданіяхъ, онъ дѣлаетъ о терпѣніи какъ бы нѣкоторое опредѣленіе: въ трудныхъ мѣстахъ, въ ранахъ преболъ, въ темницахъ излиха, въ смертяхъ многаци. Отъ Иудей пять кратно чотыредесать развъ единыя пріяхъ, трици палицами биевъ быхъ, единою каменми наметанъ быхъ и пр. (2 Кор. XI. 23-25).

Если все это кажется тебѣ болѣе непріятностями въ жизни, нежели мученичествомъ: то послушай да-
лѣе. Тѣмъ же благоволю въ немощехъ, въ досажденіяхъ,
въ бѣдахъ, во изнаніяхъ, въ тѣснотахъ по Христъ
(Тамъ же II. 10). Въ одной изъ предъидущихъ главъ
онъ изъясняется одинакимъ же образомъ: во всемъ
скорбяще, но не стужающе си; нечаеми, но не отча-
ваемы; гоними, но не оставляеми; низлагаеми, но не по-
гибающе; всегда жертвовать Господа Иисуса въ тѣлѣ по-
сяще, да и животь Иисусовъ въ тѣлѣ нашемъ явится.
Потомъ присовокупляетъ: аще внѣшній нашъ человекъ
и тлѣетъ, то есть, тлѣетъ плоть отъ жестокости го-
неній, обаче внутренній обновляется по вся дни, то
есть, обновляется душа надеждою на обѣщанія. Еже
бо нынѣ легкое печаль наша по преумноженію въ пре-
спѣяніе тяготу вѣчныхъ славы содѣловаетъ намъ, не
смотрящимъ намъ видимыхъ, но невидимыхъ: видимая
бо (какъ то непріятности въ жизни), временна: невиди-
мая же (какъ то награды), вѣчна (Тамъ же IV. 8—18).
Въ посланіи къ Солунянамъ онъ благодаритъ Бога,
что они не только пріяли слово Божіе, но и постра-
дали отъ своихъ сплеченикъ о Христъ—Иисусъ (1 Сол.
II. 13 и 14). Къ Филипписеямъ пишетъ: аще и жрець
бываю о жертвѣ и службѣ вѣры вашей, радуюся и со-
раднуюся всѣмъ вамъ: такоже и вы радуйтесь и со-
радуйтесь мнѣ (Фил. II. 17). Слышишь ли ты? Онъ не
только превозноситъ счастье мученичества, но и тре-

буетъ, чтобъ оно сопровождалось взаимною радостію. Равнымъ образомъ посмотри, какъ онъ поздравляетъ себя въ посланіи къ *Тимофею*, чувствуя, что приближается уже къ цѣли своихъ желаній! *Я уже жренѣ бываю, и время моего отшествія наста. Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, то есть, вѣнецъ мученичества, его же воздастъ ми Господь въ день онъ* (2 Тим. IV. 6—8). Выше онъ достаточно уже поучилъ возлюбленнаго своего ученика: *вѣрно Слово, говоритъ онъ; аще бо съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ; аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся; аще отвержемся, и Той отвержется насъ; аще не вѣруемъ, Онъ впренъ пребываетъ, отрецшися бо Себе не можетъ. . . . Не постыдися убо страстію Господа нашего Иисуса-Христа, ни мною юзникомъ Его* (Тамъ же II. 11—13). Еще выше онъ сказалъ: *не даде намъ Богъ духа страха, но силы и любви и цѣломудрія. Дѣйствительно мы страждемъ съ силою и цѣломудріемъ, оживотворяемыми любовью Божіею, когда страждемъ невинно. Что значить въ устахъ Апостола поощреніе насъ къ терпѣнію, какъ не пріуготовленіе къ скорбямъ? Впрочемъ удалять насъ отъ идолопоклонства, не значить ли вырывать изъ рукъ его вѣнецъ мученичества?*

XIV. *Павелъ между прочимъ пишетъ къ Римлянамъ: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется; нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть. . . Князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. Хоцещи ли не боятися власти, благое твори, и имъти будещи похвалу отъ него: Божій бо слуга есть, тебѣ во благое. Аще ли злое твориши, бойся; не бо всуе мечъ носитъ; Божій бо слуга есть, отмститель въ имъвъ злое творящему* (Рим. XIII. 1—4).

Стало быть онъ повелѣваетъ тебѣ покоряться властямъ не для того, чтобы подать тебѣ случай избѣгнуть мученичества, но чтобы увѣщать тебя жить добропорядочно, потому что власти суть орудія правосудія и исполнители божественнаго суда, совершаемаго здѣсь на землѣ надъ преступниками. *Воздадите убо всѣмъ должная: ему же урокъ, урокъ, а ему же дань, дань* (Тамъ же); то есть, *воздадите Кесареву Кесареви и Божію Богови*; человѣкъ же принадлежитъ единственно Богу. *Петръ* также сказалъ: *царя чтите* (1 Петр. II. 17). Но какимъ образомъ надобно чтить его? Чтить, доколѣ онъ остается въ предѣлахъ власти своей, доколѣ не посягаетъ на божественныя почести. Мы также любимъ отца своего и мать свою, лишь бы только не были они сравниваемы съ Богомъ. Впрочемъ не позволяется любить душу свою болѣе Бога.

XV. Чтоже? Развѣ Апостольскія Посланія разнообразны? Развѣ мы столь просты, развѣ мы невинные голуби, что охотно по сторонамъ блуждаемъ? Пусть и такъ будетъ. Лишимъ букву настоящаго ея смысла. Однакожъ намъ извѣстны страданія Апостоловъ: они составляютъ сами собою открытое ученіе. Чтобы въ томъ убѣдиться, стоитъ только пробѣжать книгу *Апостольскихъ дѣяній*: болѣе ничего не нужно. Я нахожу въ ней вездѣ темницы, оковы, бичеванія, побіеніе камнемъ, сверканіе мечей, толпы Іудеевъ ругающихся, скопища бѣснующагося народа, трибуновъ поносящихъ, царей допрашивающихъ, проконсуловъ, изрекающихъ судебныя приговоры. Тутъ не для чего было употреблять въ пособіе и имя Кесаря. *Петръ* распятъ, *Стефанъ* побитъ камнемъ, *Іаковъ* умерщвленъ, *Павелъ* обезглавленъ: вотъ происшествія, написанныя кровію. Не хочетъ ли еретикъ въ подкрѣпленіе сей

книги имѣть другія доказательства? Лѣтописи имперіи заговорятъ, какъ древле стѣны Іерусалимскія. Я открываю жизнеописаніе Кесарей. *Неронъ* первый окровавливаетъ въ Римѣ колыбель вѣры. Тогда то *Петръ*, пригвожденный къ кресту, препоясанъ былъ чужою рукою; *Павелъ*, воспріявъ имя Римскаго гражданина, возродился новою жизнію чрезъ мученическую достопамятную смерть свою. Повсюду, гдѣ встрѣчаю я подобныя страданія, я обучаюсь страдать. Кого мнѣ избирать въ учителя мученичества, слова ли Апостоловъ, или авторитетъ ихъ смерти? Для меня все равно, лишь бы только находилъ я, что слова ихъ оправданы ихъ подвигами. Вѣрно не подвергли бы они себя страданіямъ, если бы были того мнѣнія, что страдать не должно. Когда *Агавъ* предсказалъ *Павлу*, что его свяжутъ въ Іерусалимѣ: то всѣ ученики молили его со слезами не ходить въ этотъ городъ. Тщетное моленіе! Будучи вѣренъ ежедневнымъ поученіямъ своимъ, Апостолъ отвѣчаетъ имъ съ твердостію: *что творите, плачуще и сокрушающе ли сердце? Азъ бо не точію связанъ быти хочу, но и умерти во Іерусалимъ готовъ есмь за имя Господа Іисуса* (Дѣян. Ап. XXI. 13). Тогда они умолкли, сказавши: *воля Господня да будетъ*, будучи безъ сомнѣнія убѣждены, что мученичество состоитъ въ волѣ Божіей. Посему—то ученики *Павловы* хотя и жалѣли объ Апостолѣ, но не отговаривали его отъ исповѣдничества. Если бы какой либо *Продикъ* или *Валентинъ* вздумалъ шептать ему на ухо, что не нужно здѣсь исповѣдывать Господа передъ людьми, что особливо не должно полагать, будто Богъ жаждетъ крови человѣческой, и что Христосъ не требуетъ въ возмездіе мученичества, ожидая отъ него какъ будто бы собственнаго спасенія: то конечно бы услышалъ онъ изъ устъ служителя Бо-

жія то самое проклятіе, какое Господь изрекъ сатанѣ: *иди за Мною сатано, соблазни Ми еси* (Мат. XVI. 23); писано бо есть: *Господу Богу твоему поклонишия, и Тому единому послужиши* (Тамъ же IV. 10). Да падутъ же нынѣ сіи самыя слова на главу сектатора за то, что онъ, спустя долгое время послѣ сего изреченія, посѣялъ тайно въ сердца слабыхъ людей ядъ свой, который будетъ имѣть на нихъ пагубное вліяніе по мѣрѣ того, какъ они небрежъ станутъ омывать уста свои въ спасительномъ питіи, предлагаемомъ нами имъ во имя вѣры, и составляющемъ предохранительное врачевство или противоядіе.

КОНЕЦЪ.